

РАБОТНИЦА

№ 2 • 1979

(Художественная выставка
«Художники РСФСР — детям»).

В. СКОБЕЕВ. СТРОЙБАТ.

СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ДЕЙСТВИИ

Все ближе и ближе день выборов в высший орган государственной власти нашей страны. Впервые мы будем выбирать народных депутатов на основе Закона о выборах, разработанного и принятого в соответствии с новой Конституцией СССР.

Второй год живет и действует новая Советская Конституция. Она наполнила работу Советов народных депутатов более глубоким содержанием, возросла их роль в решении задач хозяйственного и культурного строительства.

Избрание товарища Л. И. Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР значительно подняло авторитет высшего органа власти нашей страны. Под руководством Леонида Ильича, при его непосредственном участии на заседаниях Президиума рассматриваются и решаются важнейшие вопросы внутренней жизни страны и внешней политики СССР. Последовательно претворяется в жизнь широкий план законодательных работ. Усилен контроль за работой министерств и ведомств. Плодотворно действуют постоянные комиссии Верховного Совета, его депутаты и многочисленный актив.

Новый Закон о выборах в Верховный Совет СССР сохраняет преемственность основных положений избирательной системы, сохраняет оправдавшие себя правовые нормы, учитывает уже сложившуюся практику выборов в нашей стране. В Законе учтены пожелания и предложения трудящихся по дальнейшей демократизации нашей избирательной системы.

Всем хорошо известно, что выборы в нашей стране проходят на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В них участвует практически все взрослое население. В этом проявляется высокая политическая активность советских людей, их заинтересованность в делах своего государства. Новый Закон о выборах в Верховный Совет СССР не только закрепил, но и расширил гарантии, обеспечивающие реальные возможности для каждого советского человека принимать участие в выборах. В статье 2-й Закона записано, что какие-либо прямые или косвенные ограничения избирательных прав граждан в зависимости от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, времени проживания в данной местности, рода и характера занятий запрещаются. Это создает наиболее благоприятные возможности всем избирателям принять участие в выборах. На это направлены и нормы, определяющие порядок образования избирательных округов и участков, составления списков избирателей, выдачи удостоверений на право голосования и так далее. Новое здесь состоит в том, что избирательные участки образуются по единому принципу: в зависимости от числа избирателей. Раньше они создавались в одних случаях в зависимости от числа избирателей, в других — в зависимости от численности населения.

Новый Закон повышает роль избирательных комиссий, общественных организаций и трудовых коллективов в подготовке и проведении выборов. Они могут действовать теперь как через своих представителей в избирательных комиссиях, так и непосредственно сами. Избирательным комиссиям предоставлено право заслушивать сообщения исполнительных комитетов соответствующих местных Советов, других учреждений и организаций по вопросам, связанным с подготовкой и проведением выборов.

Внесены существенные изменения в порядок определения результатов голосования. Раньше избранным признавался кандидат, получивший более половины голосов избирателей, фактически принявших участие в голосовании. Теперь избранным считается тот кандидат, который получил больше половины голосов всех избирателей, зарегистрированных в округе.

Большое значение при выборах органов государственной власти имеет порядок выдвижения кандидатов в депутаты. На этом этапе особенно ярко проявляется активность советских людей, их политическая зрелость, демократизм нашей избирательной системы. 38-я

3. КРУГЛОВА, зам. председателя
Центральной избирательной комиссии
по выборам в Верховный Совет СССР

статья Закона предусматривает увеличение сроков выдвижения кандидатов. В этот раз собрания избирателей начали называть имена кандидатов в депутаты уже на десятый день после объявления даты выборов. Закон гарантирует гражданам, общественным организациям, трудовым коллективам свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, право поддерживать их либо вносить предложения об отводе.

На предвыборных собраниях избиратели дают наказы своим депутатам. И это тоже одно из реальных проявлений социалистической демократии, подлинного народовластия.

Время предъявляет новые, гораздо более высокие требования к людям, которых народ посылает в Советы, называет своими депутатами. Требования к ним возрастают прежде всего потому, что мы теперь располагаем огромным народным хозяйством, развитыми системами народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, и надо полнее и рачительнее использовать имеющиеся богатства, острее видеть недостатки, устранять все, что мешает успешному продвижению вперед. Голос депутата, голос народа должен быть здесь самым весомым.

Своими первыми кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР народ называл Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева, членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК, секретарей ЦК

КПСС. Это — выражение глубокого доверия и преданности советских людей Коммунистической партии, которая верно служит народу. Трудовые коллективы выдвинули в Верховный Совет самых достойных представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Это люди, которые живут, трудятся рядом с нами и смогут с честью выполнять высокие обязанности народных избранников. Через них участвуем мы в управлении своим государством.

Коммунистическая партия неизменно следует завету В. И. Ленина об активном вовлечении женщин в управление общественными и государственными делами. Постоянно растет число женщин, избираемых в Советы. В Верховном Совете страны сейчас 475 женщин. Это — почти третья часть всех депутатов, в то время как в первом созыве женщины составляли одну шестую часть. Свыше миллиона тружениц избраны в местные Советы, это — половина всех депутатов. Народ по праву оказывает женщинам такое большое доверие. В производственной, духовной, общественно-политической жизни страны советская женщина заняла равное с мужчиной положение. Среди кандидатов в депутаты избиратели назвали имена женщин, пользующихся заслуженным уважением: ткачиха Ташкентского текстильного комбината, лауреат премии Ленинского комсомола Дильбар Кульматова, мастер машинного доения эстонского совхоза «Вильянди», Герой Социалистического Труда Лейда Аугустовна Пейпс, передовая работница Куйбышевского авиационного завода Вера Валентиновна Мясоедова, председатель Комитета советских женщин, Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Валентина Владимировна Николаева-Терешкова, главный врач Распопенской участковой больницы в Молдавии, Герой Социалистического Труда Ольга Калиновна Врабий и многие, многие другие.

На выборах в Советы наша партия всегда выступает в блоке с беспартийными, и в этом — яркое выражение нерасторжимого единства партии и народа. «Выборы, — подчеркивает товарищ Брежнев, — это своего рода испытание прочности связей коммунистов с массами, а голосование — высшая форма народного волеизъявления, всенародная оценка деятельности партии, ее политики».

Сейчас по всей стране проходят собрания трудящихся, встречи кандидатов в депутаты с избирателями. По давно установившейся традиции советские люди в предвыборные дни стараются работать лучше, успешнее. Выборы в Верховный Совет СССР — большой праздник полныхправных граждан и хозяев своей страны. И встречают они его новыми трудовыми достижениями.

Биография страны. Фронты гражданской войны. Энтузиазм первых пятилеток. Всенародный подвиг Отечественной. Трудовые свершения нашего сегодня. Значительные события, этапы истории Советского государства — в жизни любого из нас.

Биография человека неотделима от времени, в котором он живет. И прошедшие через сердце, душу события запечатлеваются не только в памяти современников. Время оставляет свою печать в письмах, которые мы пишем друг другу, в различных документах, записках, дневниках. Наверное, есть они и в вашем семейном архиве.

Девушка пишет первое свое письмо с БАМа, бесхитростное, наивное, но послушайте, какие зримые детали жизни и быта передает оно: «...Живем мы в палатках, в

которых есть электричество. Нам дали одеяла теплые, простыни. В палатке настлан пол, есть дверь. Живет нас здесь 18 девчонок... Мы будем работать в бригаде плотников, будем строить школу, столовую, дома. 7 мая мы первый раз пойдем на работу». Сколько таких писем с дальних и ближних новостроек, с целины и Нечерноземья получают и хранят родители первопроходцев!

А вот запись из дневника Веры Троицкой, строителя и учителя: «...25 сентября. Гагарин приезжал. Бегала вместе со всеми на плотину, на встречу. Хорошо было с Гагариным, непринужденно, по-дружески, чуть всего в бетоне не перепачкали. А он ничего, улыбается...» Эти строки писались в шестидесятые годы на сооружении плотины Красноярской ГЭС. Где сейчас их автор, нам неизвестно. Может быть, Вера продолжает вести свой дневник, и много интересного могли бы рассказать нам его страницы.

Журнал открывает новую рубрику — «Эта наша с тобой биография», где будут публиковаться бесценные документы времени.

Обращаемся к вам, дорогие читатели, поделитесь своими сокровищами, присылайте их в редакцию.

ДАВАЙТЕ ВМЕСТЕ НАПИШЕМ ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ ПОВЕСТЬ — НАШУ БИОГРАФИЮ.

София Кесарьевна ЖУКОВА, прядильщица комбината «Красный Перекоп».

ЖИЗНЬ МОЯ КАЖДОДНЕВНАЯ

...Записки-мои без всяких дат. Пишу, когда хочется высказать радость или наблевшее, свое. Или вспомнится что-то, покажется важным, тогда тоже записываю. О работе, о подругах, о комбинате, о детях своих и их заботах. Сложи все это вместе — будет жизнь моя каждодневная...

Юбилей

Сегодня мне пятьдесят исполнилось. Не ждала, что почестей мне столько выпадет.

Обеденный перерыв у нас небольшой. Что, казалось бы, сделать успеешь? Чаю выпить, что из дому в термосах принесли, словом перекинуться, передохнуть, посидеть немного, а то всю смену на ногах — гудят. А сегодня собралось у нас народу: и из парткома и из всего прядильного подруги прибежали, моя

бригада в сборе. И все, оказалось, ко мне. Поздравлять стали, часы большие настольные да тарелки с нежными цветочками подарили. Словами засыпали хорошими и в открытках душевное написали. «Это тебе, София, от нас, к твоему юбилею». Стол к чаю накрыли, торжественно так... А я слушаю, смотрю — и все плывет перед глазами. От волнения слезы, от радости. И в газете нашей многоотиражной про мою семью статью напечатали.

Вот какая у меня дата сегодня: пятьдесят годков. Из них тридцать первый на комбинате

Дорожка в космос

Комбинат наш — знаменитый. Везет, можно сказать, «Красному Перекопу» на людей. Вот ведь Валя Терешкова — наша, красноперекопская. Пришла она к нам в 1955 году, вслед за матерью и сестрой своей. Девчонкой восемнадцатилетней Валя в ленто-ровничном цехе трудилась. Училась в техникуме при комбинате — день работает, вечером на занятия бежит. Да еще секретарем комсомольским ее выбрали, так что всегда Валя в центре фабричной жизни была.

И полет свой космический, о котором потом весь мир говорил, наша Чайка здесь начинала, в Ярославском аэроклубе. Она заправляла и комбинатским нашим кружком парашютного спорта. Прыжками она очень увлекалась. Как Юрий Гагарин полетел, а за ним Титов Герман, помню, думали мы да гадали: а женщину-то

запустят в космос? Во всем ведь у нас равноправие. И вдруг сбылось! Слышим, по радио имя Валентины называют, про нее рассказывают, про «Красный Перекоп» говорят.

На комбинате такое началось: все ликовали, поздравляли друг друга, такая радость и гордость за нас за всех. Для страны этот день был необычным, а для нас особенно. Мы на комбинате объявили космическую вахту. Свои же, самые лучшие показатели перекрыли.

Да и вообще этот полет на нас повлиял, а особенно на молодежь: как же, своя, красноперекопская, и в космос полетела! В Ярославском аэроклубе, в кружке парашютного спорта, отбоя от желающих не было. Мои дочки, Нина с Катей, туда же. Обмерла я: «Да неужели не боитесь?» Прыгали с парашютом...

Выходит, Валина дорожка в космос тоже от нас начало берет.

Про бабу Еню

В девятнадцать я замуж вышла. За Васю Жукова, он слесарем работал. А через Васю познакомилась с одним человеком. Человек для судьбы моей важный — Евгения Николаевна Булыгина. Была она подругой моей свекрови. Обе на «Красном Перекопе» работали, в карзинкиных каморках жили — это казармы такие, еще до революции капиталистами Карзинкиными построены для рабочих. Я в такой же каморке выросла. Теснота, темнота да сырость. Мать, отец, три брата да я. А из

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 3 марта 1914 года

ФЕВРАЛЬ ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

мебели — сундук, две деревянные кровати, одна казенная — железная.

Булыгину в семье мужа моего звали просто, по-домашнему, баба Еня. Придет — всегда быстрая, чистенькая такая, веселая, с короткой стрижкой, в длинном платье, — и начнет рассказывать. И не раз — о самом счастливым своем часе: как в 1918 году на Первый Всероссийский съезд работниц и крестьянок ее послали, как видела живого Ленина, как выступление его слышала, как сама речь держала от имени работниц Большой Ярославской мануфактуры (так наш комбинат назывался). Она, наша баба Еня, даром что такая незаметная, скромная, а была и кандидатом в члены ЦИК и ВЦИК, и делегатом XV съезда ВКП(б), и в Международной организации помощи борцам революции — активисткой. Вот она-то, Булыгина, на мою жизнь очень повлияла. «Ты, — говорит, — София, ходовая, тебе в партию вступать надо. Ничего, что четверо ребят на руках, вытянешь, поможем. Да и учиться шла бы, а то что у тебя из-за войны образования — четыре класса, пятый коридор...»

В войну родители мои умерли, а два брата, Валентин и Кесарий, на фронте героически погибли. Осталась я, четырнадцатилетняя, с семилетним братом Колей на руках. Школу бросила: жить надо было, работать. За хороший труд в тылу мне потом медаль вручили. Женщины, что рядом работали, старались нас с Колей поддержать кто чем мог, из дома приносили то свеклы, то картошки, хоть и голодали тогда все. Да все равно не уберегла я брата, как ни старалась...

Насчет учебы слрва бабы Ени меня ой как задела. Как увижу — девчонки на уроки идут, так мне хоть за ними беги. Но доучиваться не пришлось. Сын у меня тяжело заболел, нужно было выхаживать парня, какая уж тут учеба.

Чужбина...

Пережила с ним столько, пока по врачам возила. И духом было совсем пала. Но баба Еня тут как тут: «Должна, София, выдержать, у тебя кость рабочая, широкая». Скажет так, а сама с детьми моими играет, шутки шутит, пирогом угостит. Вот так день за днем она вроде как от горьких мыслей меня отвлекала, а позже я поняла: поддерживала она меня, жить учла не в одиночку.

И в партию я вступила, как баба Еня советовала...

Большая родня

На днях пришло письмо от наших украинцев. Как всегда, вначале: «Привет из Захаровки»... Письмо это от второй матери мужа моего Василия — Варвары Петровны Федченко.

Я уж эту его историю, как свою, знаю. Вася в войну в плен попал. Лагерь фашисты под Кировоградом устроили, держали людей впроголодь, мучили на допросах: коммунист? Офицер? Комсомолец? Местных, тех, кто поблизости живет, немцы решили отпустить: никуда, мол, не денутся, мы тут теперь хозяева. Вот Василий, чтобы выйти из лагеря, назвался чужой украинской фамилией и местным объявился. Удалось ему выйти. Шагал по чужим деревням, оголодал сильно. Люди пускали его, но ненадолго — полиция сразу донесет. Дошел до Захаровки. Совсем обессилел, тут в заросшей балке у ручья и подобрала его Варвара. Выхаживала, кормила, у себя в хате прятала. А

узнай немцы, всю ее семью — четверо детей да сама — извели бы! Как наши Кировоград освободили, Василий в армию вернулся...

Вот и переписываемся мы с Федченко, ездим друг к другу. Катя, старшая наша дочь, была в Захаровке, по селу ходила вместе с Варварой Петровной и место то видела, где отца бесчувственного подобрали...

Хорошо, большая у нас родня! Варвара Петровна Федченко и ее семья из Захаровки, нас, Жуковых, сколько. Да еще родители зятьев молодых Александра и Славы — тоже наши теперь. Дети у меня выросли хорошие, я на них не в обиде. Две дочери — Нина и Катя — в Усть-Илимск уехали, там и замуж вышли, работают. У Нины сын родился, Юлик, наш с Васей внучек. А сыновья, Борис и Сережа, при нас. Сережа учится, в армию скоро ему. А Боря тоже на «Красном Перекопе» работает. Сроднили нас всех радости общие, заботы общие, годы, что друг у друга на глазах прожили...

Куда ни кинь — хорошо, когда большая родня!

Любимая сторона

...Я знаю наверное, как все будет завтра. Утро раннее, зимнее, темное. А мой Василий Сергеевич уже на ногах: ему, слесарю, на комбинат идти в первую смену. Накормлю сначала его, потом старшего сына, он тоже на работу спешит. А потом и младший, Сережа, в свое профтехучилище на занятия пойдет. Часов до двух займусь по дому, а там на вторую смену побегу. Мимо пятиэтажек по улице Бахвалова, где многие наши новые квартиры получили. Мимо карзинкинских каморок — вот они, краснокирпичные, сейчас переоборудованные внутри, легко в них теперь дышится. Миную дом, где жила Валя Терешкова. Еще немного пройду — и вот она, улица Стачек, вот он, мой «Красный Перекоп».

Кажется, вроде мало что изменилось в моей рабочей жизни за тридцать-то лет: до сих пор в съемщицах хожу, только что старшей теперь стала, бригадиром. А копни поглубже — перемены сколько! Пройди по любому цеху — всюду новое. Как и в «кухне» — это мы так сортировочно-трепальный цех зовем. Раньше смеску разных сортов хлопка вручную делали. А сейчас агрегаты управляют да «авторуки».

«Как прочешешь, так и спрядешь», — говорят в народе. В чесальном и расчесываю «холст», очищают его от сорных примесей. Из мычки нити лучами выходят, белые, толстые. А там на катушках уже ровница готовая вертится.

В прядильном тоже много новостей. Одни машины БД-200 чего стоят! Раньше текстильщиков, особенно прядильщиков и ткачей, из-за шума глухарями звали, вечно они с уха на ухо говорили. А теперь куда тише.

Люблю я заглянуть в ткацкий. Крутятся огромные белые навои, снует уток, переплетается основа. Вот и ткань техническая получилась — прочная, для машиностроения, горных дел, сельского хозяйства. Мы основные в стране поставщики этой ткани.

Приду на смену, надену свой рабочий халат, повяжу косынкой голову, с подругами парой слов переброшусь, и начнется работа. Пройду одной стороной, другой, полетят початки в тележку, встанут на их место зеленые, красные, фиолетовые, желтые патроны...

Сторонкой у нас, у текстильщиков, называется рабочая половина машины. А если вслушаться в это слово, то для каждой из нас — и для меня и для подруг моих, и комбинат — родная сторона, и улица, где живем — тоже, и город наш Ярославль — ох как хорошеет, растет, строится на глазах, — и он родная, любимая сторона...
г. Ярославль.

ШУРА СОКОЛОВА

Калязин, один из небольших приволжских городков, с населением, может быть, тысяч в 12, ушел под снег — мягкий, приятный, неутоптаный. Скованная льдом река — в тропинках и дорогах, с рыбаками, с чуть дымящимися прорубями, от которых идут женщины с ведрами на коромыслах, с криками играющей детворы. И весь этот несущийся вдаль простор — родной, русский, заснеженный, был залит солнцем настолько, что каждая снежинка светилась, играла и пела. Казалось, что даже дым от печных труб, который поднимался свечой вверх, не косматся по улицам города, охранял, щадил эту застывшую нежность и нетронутость. Топилась печка и в доме на улице Кирова. Он двухэтажный, деревянный, с палисадником. Здесь в коммунальной квартире и проживала Александра Яковлевна Соколова.

Скромная комната с перегородкой, образовавшей и горницу и чулан с печкой и подтопком. На деревянной табуретке стоит кадка с многолетним фикусом. Стол, покрытый льняной скатертью, две кровати. Над одной из них висит гитара — на ней играет школьница, приехавшая из калининской деревни на учебу в десятилетку и проживающая у Александры Яковлевны. Одной ей скучновато. Толя, ее единственный сын, работает в Норильске. А она не желает менять родные края ни на какие другие. Здесь прошли все ее 70 с лишним лет.

Принимаясь за писание, думал, как передать хоть частичку жизненной правды об этой удивительной русской женщине. Записывал немного: безыскусная речь моей собеседницы лилась плавно, как протяжная песня, захватывала и не отпускала. Только временами, когда хозяйка из шкатулки доставала документы почти полувековой давности или открывала деревянный сундучок, набитый письмами, и подавала их на просмотр, я делал пометки в блокноте. А она, отпустив мне минутку-другую на запись, опять принималась за рассказ, по ее правилу — «бороздка к бороздке», чтобы на поле не было огрехов, пропусков...

Александра Яковлевна — высокая, полная. Темного цвета длинная юбка. Деревенские валенки. И — обаяние спокойного, ровного голоса. Говорит она с улыбкой на оживленном лице, переносится, как по незримо мостику, в то давнее-давнее время, такое непохожее на наши дни, но близкое нам. Впечатление такое, словно берешь интервью у самой жизни.

У нее нет стремления что-то приукрасить, выставить напоказ одни лишь выгодные моменты: говорит о хорошем и худом, черпает из памяти ту матку-правду, которая располагает к доверию и подкупает своей безыскусностью.

Родилась она в тверской деревне Мицеево, расположенной на самом берегу Волги. По отцу — Кашицына. Объясняет по собственной догадке: «Любили кашку поесть...» Яков Логинич, отец, много лет прослужил в армии, в прославленном Преображенском полку, где

все солдаты как на подбор — высокие, стройные, красивые на лицо. После службы поселился в родной деревне. На бравого солдата приходили посмотреть из соседних селений. Прочили ему невест из зажиточных домов, писаны красавицы, а он...

По деревне ходила девочка-нищенка. В доме Кашицыных она задерживалась подольше, чем в других. Бывалый солдат сам отрезал от ковриги увесистый ломоть, клал его в сумку, а девочку сажал за стол, угощал обедом. Где больше дают, туда чаще и наведываются бедные. Одета в лохмотья Матрена — так звали девочку — зачастила к Кашицыным. А однажды она и совсем осталась в их доме. Влюбился Яков всем на удивление. Сделал предложение Матрене, а просить руки, как принято, не у кого было — нареченная была круглой сиротой. Вот так и поженились.

Дети пошли один за другим. В семье было двенадцать ртов — и каждый требовал еды. Старшие — Паша и Надя — ходили на заработки к помещику: семь верст туда и столько же обратно. Каждый день. Получали по двадцать копеек за выход, труд «от солнца до солнца». Лет с семи она и сама пошла по найму.

Тот сельский доколхозный мир, в который, как росток сквозь корку земли, входила Шура, запомнился ей всегда недоодевающей деревней с сотнями открытых ртов, всегда жаждущих хлеба. Хлеб — голова всему, без него ни шагу. Все шло к хлебу и от хлеба. Она впитала в себя это благовоинное отношение к хлебу, источнику благополучия и в крестьянской и иной семье. И мечтала лишь об одном: чтобы в каждом доме ели вдоволь, чтобы с пода печки хозяйка снимала поджаренные пироги, чтобы дети не хныкали, получив отказ в маленьком-маленьком кусочке...

За слом старых порядков Шура Соколова выступила с той неистовой убежденностью и слепой верой, которые свойственны простым женщинам: они уверовали в новое не потому, что хорошо разбираются в нем, а потому, что лютой ненавистью ненавидят прошлое или все еще существующее и жаждут светлых перемен. Идею о коллективизации она подерживала, исходя из этих крестьянских соображений, ведь хуже-то и быть не может! Значит, пойдем в неизвестное! Играло роль и то, что она — своя, мицевская, а не присланный невесть откуда уполномоченный, к которому у местных жителей понятная настороженность. Она вспоминает...

Обобществляли скот. Со двора единоличника, который только что подал заявление о вступлении в колхоз, вывели лошадей. Вдруг из сени выскочила женщина и бросилась к кормилице. Схватила уздечку, расшвыряла мужиков, повисла на шее коня и стала голосить, причитая, что ни за что на свете не отдаст скотину. Все в недоумении: вроде соглашалась пойти в колхоз, сидела дома молча, смиренно, а тут — на тебе! Но Шура знает, что клин вышибают клином. Идет к взбунтовавшейся женщине и плачет вместе с ней, поглаживая морду Сивки, успокаивает, урезонивает. И с надеждой, что все же будет лучше, вместе ведут коня на колхозный двор.

— Смотри, Шурка, я тебе верю, а не этим шалопутам, — утихомиривается соседка.

Сколько этих «верю» слышала она! Немудреные бабы слова придавали ей сил, налагали особую ответственность. Хотя на собраниях за нее голосовали и мужики, но она себя считала бабьей избранницей. Поначалу ходила в активистах, а потом ее выбрали председателем Мицевского сельского Совета.

— Я ходила в сельсовет, как к заутрене... Хлопотала о колхозе. В 1930 году он заявил о своем существовании названием «Доброволец». Все ясно: хочешь — вступай, не хочешь — обожди, подумай. Таков принцип. Палкой никто не гонит. Первоначально в нем было шесть дворов. Оказывал помощь крестьянский комитет. Выделили плуги, веялки, немного

сортовых семян, удобрений. Как будто дело пошло на лад. Осенью собрали неплохой урожай. Устроили праздник. Пригласили единоличников. За пирогами да за бражкой вели нескончаемые беседы. Задавались вопросом: до каких пор односельчане будут шагать врозь? Колхозное дело — на виду у всех. Словом, к зиме в деревне не осталось ни одного единоличника. И в соседнем селе объявился напарник — колхоз «Красный бугор».

Говорит она плавненько да хорошо, но вдруг, в силах удержаться, начинает улыбаться и вовсе прекращает разговор.

— Это у меня так от рождения: вся в смех ухажу! Два дела не умею делать. Вспомнила про «Красный бугор». Ведь в ту пору мы старались решительно все перекрасить в красный цвет — цвет нашей революции, нашей новой власти. Передового труженика звали «красный колхозник». Красный цвет нам помогал душевно. Само собой, и меня величали Шуркой Красной...

...И прошла она тот тернистый, но окрыленный, радостный путь, каким шли сельские руководители незабываемых тридцатых, перекатных, колхозных. На себе испытала кулацкую месть. Разбогатевший Пономарев, державший трактор в Калязине, грозился убить ее. Убить не убил, а чуть не оставил калеккой. Выследил однажды ночью и набросился на Шуру: пытался задушить, прохвост. Подросли люди, выхватили ее из рук озверевшего негодяя. Отлеживалась председательница несколько недель в своем доме с помятым горлом. Не могла говорить.

— Живучая я, отошла... А Пономарев говорил тогда, что душил он не Шурку Соколову, а Советскую власть. Ведал ли, дурень, какую великую похвалу мне высказал?

Документы свидетельствуют о ее чинах и занимаемых постах: председатель группы бедноты, член президиума исполкома, член Тверского губернского исполнительного комитета, заведующая отделом социального обеспечения при Калязинском райисполкоме, делегат Тверского губернского съезда Советов, делегат Московской областной конференции батрацко-бедняцких групп (одно время Калязин и другие районы нынешней Калининской области входили в состав Московской). Сама и подытожила:

— Я старая комитетчица.

И все-то она помнит: как собиралась на съезд, во что была одета, что наказывали колхозники, кто и как выступал.

— Не знаете, как меня уговаривал выступить Алексей Максимович Горький? Где? На сессии ЦИК СССР, в Москве...

Александр Соколову как лучшего в Союзе председателя сельского Совета пригласили в Кремль: заседала 4-я сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР шестого созыва. Присутствовали М. И. Калинин, Г. И. Петровский, наркомы, прославленные полководцы гражданской войны. В перерыв к ней подошел Горький. Познакомились. «Вам бы надо выступить, — сказал он, — сам Михаил Иванович просил об этом». Помнит Александра слова, которые вызвали у Горького смех: «Да ведь темная я, как пивная бутылка, Алексей Максимович! Надо мной смеяться будут...» Вот так и бухнула.

Горький попросил ее рассказать о себе. Что говорила? Приблизительно то же, о чем ведем речь сейчас. Как была прислугой. Как ездила в извоз и наравне с мужиками таскала многопудовые мешки. Сказала, что в колхозе и в сельсовете дела продвигаются. Как же иначе, если все идет от сердца...

Вглядывался в ее лицо писатель и все повторял, нажимая на «о»: «Поразительно, поразительно!» Приободрил ее, посоветовал говорить с трибуны как дома, перед односельчанами. И выступила. Снова подошел Алексей Максимович с похвальными словами, обнял, расцеловал. В «Известиях» от 5 января 1934

года опубликован большой отчет — «Председатели риков и сельсоветов на приеме у тов. Калинина». Вот что писала тогда газета:

«К словам т. Соколовой он особенно внимательно прислушивается. То, о чем рассказывает председательница Мицевского сельского Совета Московской области, о победах колхоза, упорным трудом добившегося образцовой постановки селекционного дела, есть лучшее доказательство огромных возможностей колхозного хозяйства, неисчерпаемых запасов трудового энтузиазма, скрытого в недрах колхозных масс.

Александра Яковлевна Соколова сумела это сделать. Три года работы в сельсовете не прошли даром. Достаточно сказать, что колхоз ведет сейчас сложное селекционное хозяйство...

— А сколько вы высеваете под селекционный лен? — спрашивает Михаил Иванович.

— 99 гектаров, а всего — 504.

— Ого! — не может удержаться от изумления т. Калинин. — Вот это здорово! Сколько же у вас трудоспособных?

— 375 человек.

— Маловато...

— Ничего, справляемся, Михаил Иванович. Хотя работа и трудоемкая, тяжелая очень, но мы полюбили ее и работаем, сколько силы позволяют.

...О чем еще рассказать председателю ЦИК? О женщинах? О том, что женщины сами начали строить в сельсовете образцовые дороги? О том, как они возят песок и камень, мостят шоссе? О том, как Мария Ивановна Кукушкина разоблачила кулака?

Михаил Иванович явно доволен. Он видит перед собой молодую женщину, уверенно руководящую сложным хозяйством...

Тов. Соколова снова возвращается к колхозным делам. Но не это сейчас интересует Михаила Ивановича. Он хочет знать, как выбирала ее в предсельсовета:

— С нажимом или без нажима?

Александра Яковлевна серьезно смотрит на Михаила Ивановича:

— Без всякого нажима. Доверяли мне. Я хотя и была забитая...

— Забитая? — смеется Михаил Иванович. — Не видать что-то. Вот так забитая...

Дружный смех покрывает слова тов. Калинина. В самом деле, ей ли говорить о забитости. Побольше бы таких жизнерадостных здоровых людей. Побольше таких Соколовых!..

В Москве на сессии ЦИКа и на приеме у М. И. Калинина Александра Яковлевна рассказала, как вывела в передовые Мицевский сельский Совет. Пять деревень — пять колхозов. Заслушивали отчеты председателей. Вопросы обычные, хозяйственные: вывозка навоза на поля, весенний сев, сенокос, жатва, обмолот, сдача хлеба государству. Да лен, да шерсть, да мясо. В Москве проявлял интерес к председателю из Калязина, задавали вопросы. У нее не было однозначных ответов: она на редкость последовательно умеет повествовать — широко, колоритно, правдиво. Раз задал вопрос — будь добр, выслушай до конца мицевского председателя. Спросили: сколько в колхозах лошадей и каковы они? Александра Яковлевна стала перечислять, называя клички лошадей: Вихрь, Сокол пегий, Сокол серый, кобыла Нерль, мерин Калязин, трехлетка Волга... Походя сообщила и года и масть животных, за каким конюхом они закреплены, каков у каждой нрав...

Семен Михайлович Буденный был в восторге от ее рассказа и засыпал Александру Яковлевну вопросами.

— Сколько боевых коней можете дать для Красной Армии?

— Двадцать два. Только, будьте добры, подготовьте хороших наездников: на наших конях не каждый усидит. А на Соколе, дорогой Семен Михайлович, под стать тебе самому сидеть. Да

Александра Яковлевна Соколова.

и то нужен глаз да глаз—кабы и вас, заслуженного конника, не сбросил...

Буденный заливался смехом, а Горький расстроганно сказал: «Золотой человек». Спросил, какие песни поет народ. И снова зал заседания как бы перенесся в тверскую деревню, в колхоз. Больше всего любят «Погодушку», докладывала своим собеседникам, членам правительства Шура Соколова.

Погодушка, вей, перевей,
Зажгу я в поле семь фонарей,
Зажгу я в поле семь фонарей,
Чтобы ехать было милому светлей.

Запеваает обычно Варвара Степановна Тарасова, колхозный бригадир. Москву бы такой голос украсил, да нет, не отдадим, самим больно нужен для увеселения...

— А как у вас поставлена воспитательная работа?—последовал вопрос из президиума.

Что ж, послушайте, как она поставлена... Был у нее заместитель—Сергей Николаевич. Хороший работник, но выпивал, забывал иногда счет стаканчикам. В нотациях недостатка не было, но они не имели воздействия. «Ему наши поучения—как барану пятая нога». Так и сказала! Однажды подвернулся хороший случай: в сельсовет заглянул проезжий кинооператор. Александра Яковлевна уговорила его заснять «местный кадр» и повела на «съёмочную площадку». Сергей Николаевич, подходя тем временем в состоянии крайнего подпития, преодолевал водную преграду. Чтобы сократить расстояние до дома, он на карачках

переползал ручей. Были срывы в его попытках—и тогда он бухался в воду. Оператор заснял всю эту живописнейшую сцену. Съездил в Москву, проявил пленку и заявился в Мицеево. Не говоря никому ни слова, Александра Яковлевна собрала сельский актив клуба, куда прибыл с супругой и Сергей Николаевич: их посадили в первом ряду. Началась демонстрация фильма. «Герой» пытался ударить, но дверь была на замке.

Московские слушатели хохотали до слез и снова забросали ее вопросами.

— Ну и как—перевоспитался?

— Полное перевоспитание!—ответчала Соколова.—После того фильма он в рот не берет спиртного. Об одном просил, чтобы эту пленку нигде не показывали...

С Александрой Соколовой в приемную «всероссийского старосты» шагнула сама жизнь во всех ее будничных проявлениях...

А. М. Горький не забыл Александру Соколову: он направил в Мицеево сотрудника журнала «Наши достижения», который выходил под его редакцией. О Соколовой появились очерки в столичной печати. В Мицеево был собран материал для сценария фильма «Член правительства». В комнате дома на улице Кирова в Калезине хранится фотография с такой надписью: «Дорогой Александре Яковлевне Соколовой на добрую память от В. Марецкой. Спасибо вам за то, что вы своей прекрасной жизнью, своей работой во славу нашей Родины вдохновили меня на создание любимого народного фильма «Член правительства»... Всегда

вас помню и с нежностью думаю о прообразе Александры Соколовой».

Удивляет и радует другое завидное свойство натуры Соколовой: долготя отдача своего таланта Родине, народу. Бывает, что сильный характер в сочетании с незаурядным умом вспыхнет ярко на небосклоне района, области или всей страны. Проходит слава—бурная и недолговечная. Значит, человека хватает на одно начинание, на одно-единственное восхождение к пьедесталу известности. У Соколовой другое дело. Это часовой Советской власти, который ради нее готов броситься хоть в пороховой погреб. Это—слияние человека с государственными заботами, полное подчинение им без ощущения подчиненности. Это—когда власть своя и указание свыше воспринимается с той естественностью и осознанной необходимостью, которые свойственны подлинному народовластию. Это—понимание державных интересов Союза Советов руководителями так называемых «низовых звеньев».

В минувшую войну Александра Яковлевна работала председателем—сначала в колхозе «Новая Савинская», а потом в «Просвете». Бойцом она была испытанным, а все же временами брала оторопь. Деревни опустели: ни одного взрослого работоспособного мужчины. «Забыли, как пахнет табачный дым». Упивались чтением солдатских писем. И опять встал вопрос о хлебе: его требовалось больше, а урожаи уменьшались. Что уж тут описывать тысячу раз описанное и до боли знакомое и пережитое! Колхозы держались на женских руках. После спада, вызванного первыми месяцами войны, наметился подъем. Поправила Соколова один колхоз—направили в другой. В ее рассказе нет-нет да и всплывут колоритные детали, после которых все становится яснее ясного. Не было мешков под зерно: собирали наволочки с подушек...

Фронт! Это слово, как внутренний и несмолкаемый набат, звало, ломало все преграды и сливало тыл с линией огневых рубежей. Александра Яковлевна шагала в ногу с фронтом, как и миллионы советских женщин. Фашист еще наседавал, и фронт властно требовал помощи...

На собрании за столиком стояла женщина. В повестке дня один вопрос—«Все для фронта». Что-то сказала об истекающих кровью бойцах, о сынах и дочерях России. Умолкла: все и все понимали без слов. Нужны были дела. Да вот беда—денег нет ни копейки: она их уже внесла в Фонд обороны. Тогда она сняла с себя пальто и положила на стол. Развязала шаль—и ее туда же. Сняла сапоги. Облегченно вздохнула, на душе стало легче. Смотрит—к столу потянулись другие. Клали теплые вещи, льняные холсты, банки с медом и разными соленьями. А как же—все для фронта!

— Шура, зачем же сапоги-то... В одних носках осталась...

— У меня дома есть другие...

Стоит она передо мной: мать, бабушка, тетя Шура, Александра Яковлевна, товарищ Соколова. Кто как назовет: ей пишут много и многие. Доходят письма с адресами, которые не спутаешь—настолько они точны: «Город Калезин. Знатной женщине Соколовой». Она зовет в гости, бывает и сама в гостях. Пожила в Краснодарском крае, в станице Бесскорбной; там сегодня школа носит ее имя. В калезинской восьмилетке есть пионерский отряд Александры Соколовой. В нескольких школах страны она почетный пионер. «Какая я счастливая! Уж больно хороша у нас молодежь!»

Каждая ее фраза, весь ее путь—как подступ к эпосу на вечную тему: жизнь прожить—не поле перейти.

Н. ХОХЛОВ

Калезин,
Калининская область.

Воздух был напоен ароматом цветущего табака и матиолы. А откуда-то со стороны доносились еще горьковатые запахи мяты и полыни. Волны этих запахов, смешиваясь, кружили голову, а может, Журиле это только казалось, и голова его кружилась это совсем по другой причине...

— Пора уж,— в который раз говорила Надийка, и едва уловимая горестная нотка звучала в ее голосе, наполняя душу Журилы глубокой нежностью.

— Сейчас иду,— в который уж раз отвечал он и снова и снова целовал девушку, а едва отрывался от ее горячих губ, понимал, что не в состоянии сделать ни шага. Прощание длилось давно, но для Журилы эти несколько часов пронеслись как одно мгновение.

— Уже иду, иду,— снова повторял он и снова не мог сдвинуться с места.

...За хатой темнел ночной сад. Он зашел сюда еще днем, зашел, чтобы возвратить девушке взятый на время экзаменов сборник стихов, а одновременно и проститься с ней перед отъездом в Киев, куда он собрался, чтобы отвезти документы в университет. Надийка проводила парня до ворот, протянула на прощание руку и тут вдруг вспомнила, что не успела угостить его белым наливом. Они вернулись в сад. Девушка сорвала с ветки яблоко и протянула его парню. Журило взял яблоко, коснувшись тонких пальцев Надийки, и неожиданно почувствовал, что преграда, стоявшая между ними в школьные годы и ставшая особенно мучительной в десятом классе, рухнула. Он вдруг улыбнулся счастливо и раскованно, и она ответила ему такой же открытой улыбкой.

Они заговорили о стихах любимого поэта, сборник которого только что возвратил девушке Журило, припоминали строфы и строки, запавшие в душу.

Надийка, стоя перед хлопцем, вся словно светилась, и он, находясь в плену этого сияния, впитывая его всем своим существом, радовался каждому ее движению, каждому слову.

Начало смеркаться, а они все еще не могли расстаться. Где-то вдали мычали возвращавшиеся с пастбища коровы, и их голоса почему-то напомнили Журиле протяжный зов пионерского горна.

Слушая, как время от времени стучат о землю падающие с деревьев яблоки, они снова и снова вспоминали школу. Обоим не верилось, что школьные годы позади, что даже выпускные экзамены, которых все десятиклассники так боялись, навсегда отошли в прошлое. Но для них и школа и все пережитое в ее стенах было еще сегодняшней, живой, реальной жизнью, в то время как будущее виделось хоть и прекрасным, но пока далеким и смутным.

А когда Журило смотрел в счастливые глаза Надийки, скорый отъезд, даже поступление в университет, о котором он так мечтал, переставали быть столь желанными, как прежде. Было бы, наверное, легче, если б хоть Надийка оставалась дома, в знакомой, привычной обстановке. Но он знал, что и она едет учиться в далекий город, что рядом с ней будут новые друзья и, возможно, появится один, который станет для нее дороже всех других... А главное— она так никогда и не узнает, как он любит ее, любит с восьмого класса, скрывая ото всех свою любовь...

Сумерки становились все гуще, а Журило все готовится сказать Надийке о своей любви. «Вот сейчас,— думал он,— сейчас возьму и признаюсь и тут же уйду, не дожидаясь ответа. Она, может, будет удивлена, может, рассержена, но я уже ничего этого не увижу». Но продолжал молчать, будто тяжелый камень лег на душу и хлопец не в состоянии освободиться от этой тяжести.

ЛУННОЕ СИЯНИЕ

Когда он совсем было собрался уходить, как-то так случилось, что голова Надийки коснулась его плеча, и он, не отдавая себе отчета в том, что делает, обнял и на какой-то миг прижал девушку к себе, чувствуя, как неправдоподобно громко бьется ее сердце, потом нашел ее губы, и они— покорные, едва уловимо пахнущие полем и цветами— ответили ему. Журило, совсем потеряв голову от восторга, целовал девушку, не веря в то, что это происходит на самом деле.

...Сколько с той минуты прошло времени?... Темная ночь словно колдовала над ними, и от ее ворожбы в бездонной черноте неба звезды вдруг начали гаснуть, их неяркий мерцающий свет меркнул пред ярким лунным сиянием. В этом таинственном свете странно изменилось Надийкино лицо— под глазами пролегли тени, в линии губ появилось что-то горестное, взгляд стал строгим. И Журило, глядя на нее, вдруг почувствовал, как сжалось сердце не только от переполнявшей его нежности, но и от тревоги за любимую.

В этот миг скрипнула дверь хаты, и они оба замерли, прижавшись к стволу яблоки. Шаги прошаркали и затихли, и тут же послышался обеспокоенный голос матери Надийки:

— Доноу, доноу, где ты?

Девушка прислонила голову к груди Журилы, и мягкая, лукавая улыбка мелькнула на ее лице. Шаги пошуршали, пошуршали и затихли. И снова сонно скрипнула дверь.

Тогда они опять стали прощаться. И Журило опять не мог оторваться от Надийки, не мог

уйти, боясь своим уходом чем-то задеть, предать Надийкину доверчивость... Но надо было уходить, и он, пересилив себя, наконец простился.

Шел он как во сне, ощущая нежное прикосновение Надийкиной щеки и мягких волос, а в ушах звучал ее нежный голос. Несмотря на ночь, душа его была словно озарена солнцем. Он не шел, а летел, неся на крыльях своей любви. И вдруг остановился. Неужели все это не сон? Неужели Надийка и в самом деле только что была рядом с ним? В этом необходимо было еще раз убедиться, и по затихшей улице, пахнущей бузиной и яблоками, Журило возвратился к калитке Надийкиной хаты, у которой они только что расстались. Вдохнул тот же дурманящий, сладкий запах матиолы, смешанный с запахом мяты. Все окна были затворены, казалось, хата давно спит глубоким сном. Но Журиле вдруг почудилось, что он слышит тихий Надийкин голос. В душе его встрепенулось что-то, ударило будто острыми крыльями— и затихло... И тут же засияло перед его внутренним взором бледное от лунного света Надийкино лицо с огромными сияющими глазами и горестными тенями, затаившимися в уголках губ. Захотелось хоть на единый миг еще раз увидеть это лицо, почувствовать прикосновение нежных рук... Он постоял немного, надеясь уловить движение хоть в одном из окон, но стекла были темны, как омуты, и он снова вышел на дорогу.

До дома было не близко— он жил в соседнем селе,— но дорога привычная: два года, девя-

ЭНЕРГИЯ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

Заметки о книге «Надежда Константиновна Крупская. Биография».

тый и десятый класс, он ежедневно мерил ее. Журило вышел на шоссе, свернул к пруду и зашагал по тропинке вдоль берега.

Луна поднялась достаточно высоко, и все вокруг было залито ее ровным, спокойным светом. Берег зарос тростником, невысокими ветлами. За ними угадывалась вода, слышалось ее влажное, теплое дыхание. Ни единый звук не нарушал торжественной тишины ночи. Мирно спали хаты раскинувшегося на холмах села. Их беленые стены, высвеченные лунным светом, казались призрачными, а ветлы у реки словно покрылись серебристой пылью. Журило с восторгом смотрел вокруг и не мог понять, откуда взялось это небывалое волшебство ночи. О, если б без конца могла длиться и эта необыкновенная ночь и безраздельное единение двух сердец, которое, он чувствовал, ничто теперь не в силах нарушить.

Но вот уже позади остался пруд с переброшенной через него легкой лунной дорожкой. Журило шел тропинкой, примыкавшей к полю. Стебли высокой пшеницы, склоняясь, били его по ногам, и хлопцы, раздвигая их, касался ладонью тяжелых, налитых зерном колосиков колосцев. Луна плыла по безоблачному небу, как огромная серебряная рыба по спокойному прозрачному озеру. Журило чувствовал себя частицей этого озаренного лунным светом мира. Его счастливой душе, впервые с такой остротой вбиравшей всю окружающую красоту, казалось, что и Надийка где-то тут рядом и так же, как он, восхищается и сляющимися хатами, и бездонным лунным небом, и тихим журчанием воды, и безвольно склонившимися к реке свои ветви деревьями. Ощущение это было настолько реальным, что он даже оглянулся по сторонам, готовый увидеть Надийку.

На глаза попался цветок, притаившийся меж колосцев. Он сорвал его, поднес к глазам — это был василек. Но сейчас, ночью, яркий цветок утратил свои краски и от этого словно ослеп, оглох... Журило шагнул в глубь поля и сорвал еще один василек, такой же ослепший и оглохший — и ему вдруг захотелось собрать букет... Не для себя, нет, а для Надийки, которая все время была здесь, рядом.

...Так и шел он через пшеничное поле, собирая васильки и ромашки. Когда букет уже еле умещался в руке, он остановился, выпрямился и снова пристально осматрелся вокруг. Снова увидел голубой пруд, поле, залитое лунным полумесяцем, и в который раз за эту ночь поразился тому, что никогда прежде не видел такой красоты, не слышал такой тишины в полях, не ощущал так остро запахов земли и хлеба. Словно сегодня впервые раскрылись у него глаза и душа распахнулась навстречу красоте мира...

Впереди начало вырисовываться родное село. У самой дороги, как стражи, стояли два старых серебристых тополя, которые почему-то прозвали «трепетами». И вот уже засветились стены родной хаты. Засветились и словно бы дохнули в лицо Журилы мягким домашним теплом... И в этот миг Журило в тревоге остановился. Ему внезапно почудилось, что его окликнули. Окликнули певуче, радостным, полным счастья Надийкиным голосом. Он обернулся, глядя в безбрежность ночного поля, по волнам которого только что прошел. Но никого не увидел. Лишь пшеница колыхалась, подернутая изменчивыми, причудливыми тенями. И Журило решил: верно, Надийка в этот миг вышла из своей хаты, встала у ворот, вспомнила и мысленно позвала его. А он услышал. Не мог не услышать!

На востоке несмело начало бледнеть небо. Но лунное сияние не желало выпускать Журило из-под своей власти: Так и стоял хлопцы на дороге, прижимая к груди букет полевых цветов и счастливо улыбаясь.

Авторизованный перевод
с украинского
И. КАРАБУТЕНКО

Давно замечена поразительная закономерность: чем дальше в историю уходит время деятельности героев нашей революции, тем ярче, объемнее раскрывается их значение для сегодняшней жизни человечества, тем шире их влияние на судьбы людей, тем притягательнее обаяние их личности.

Вновь задуматься об этом меня заставило журналистское интервью, полученное из далекой Венесуэлы.

«Как вы представляете себе идеал женщины?» — спросил корреспондент Московского радио писательницу и общественную деятельницу Венесуэлы Кармен Клементе Травьесо.

Вот ответ ее: «С самого моего детства Надежда Крупская продолжает оставаться для меня идеалом. Мне так хотелось быть похожей на нее!»

Мне хотелось бы обладать ее силой веры, ее решительным и кристально честным характером, который позволял ей действовать незамедлительно и эффективно, без колебаний. Ведь мой народ так нуждается в таких людях.

Характер ее, закаленный в нужде, лишениях и испытаниях, в тиряхах и ссылках, высоко возносится над житейской суетой. Мало женщин знала история, которые обладали ее решительностью и непреклонной волей, ее моральной чистотой.

Она подчинила всю свою жизнь одной цели: прийти на помощь униженным и эксплуатируемым, тем, кто готов на муки, преследования и смерть во имя торжества своего идеала, идеала справедливости и свободы.

Жизнь ее была посвящена борьбе во имя идеала. Она была примером того, что может сделать женщина, чего она может добиться, если жизнь ее горит внутренним огнем великого духа, пламенем священной миссии».

Прошу простить мне столь обширную цитату, но отзыв этот мне кажется волнующим документом века, примером великой судьбы; одолеваящим все границы — временные, географические, национальные, государственные.

В плеяде героических русских женщин имя Надежды Константиновны Крупской озарено особенным светом. Со школьных лет мы знаем: жена, друг и соратник Владимира Ильича, партийный пропагандист и публицист, выдающаяся деятельница Наркомпроса, председатель Главполитпросвета, организатор и теоретик пионерского движения; постоянный делегат партийных съездов, биограф Ленина, ученый-педагог. Знаем о многих и многих заслугах Надежды Константиновны в создании партии, в Октябрьской революции, в строительстве социализма.

Но всегда ли отдаем себе отчет, всегда ли задумываемся над тем, что эту громаду великих дел вместила всего одна короткая человеческая жизнь?

Именуя свою эпоху «веком космических скоростей», мы тем не менее зачастую привычно сетуем на нехватку времени, не успевая иной раз исполнить даже половины того, что запланировали себе на день, неделю, год. «Трудовая книжка» Надежды Константиновны и сегодня дает нам бесценные уроки большевистской целеустремленности и организованности, дисциплины слова и дела.

Теперь есть счастливая возможность по документам и фактам представить содержание героической жизни: Издательство политической литературы выпустило в свет научную биографию Н. К. Крупской.

Первый успех Нади Крупской — золотая медаль в гимназии. В эти годы началось ее увлечение педагогикой. Летние беспечные дни одиннадцатилетняя девочка под влиянием сельской учительницы революционерки А. Т. Яворской посвящала занятиям с крестьянскими детьми деревни Студенец, Псковской губернии. Там юная Надя Крупская проводила свои каникулы. Вскоре ее учительские способности проявились во всю силу: выпускнице предлагают репетиторскую работу в пансионе гимназии, и уже через два года педагогический совет констатирует: «Успехи ее учениц свидетельствуют о выдающихся педагогических способностях ее, основательности ее познаний и крайне добросовестном отношении к делу».

Говорят, что фотографии очень приблизительно передают облик Надежды Константиновны: виной тому ее чуждость какому бы то ни было позированию. Взглянем на юную учительницу глазами современников. «Стройная девушка с прекрасными серыми глазами, высоким лбом и длинной русой косой... приветливая и удивительно добрая» — такой запечатлелась Надежда Константиновна в памяти одной из ее учениц, М. К. Куприной-Иорданской, которую она готовила к поступлению во второй класс гимназии. Через тридцать с лишним лет неотразимое обаяние Крупской отметит человек, чья ироничность и язвительность имеют мировую известность. — Бернард Шоу.

Думаю, что большая заслуга авторского коллектива книги — бережный сбор всего, что рисует живой образ Надежды Константиновны. Это представлялось тем более трудным, что, по единодушным отзывам современников, скромность была присуща Надежде Константиновне в высшей степени. Кроме очень редких случаев, она избегала говорить о себе. И надо считать большой заслугой авторов биографии, что они сумели по крупицам собрать обширный документальный материал, раскрывающий новые грани деятельности Н. К. Крупской. Но как обогащают наше знание даже самые малые штрихи, добытые авторским коллективом в результате кропотливых научных исследований!

...Руководители «Союза борьбы» арестованы и заключены в тюрьму. На воле остается строго законспирированный «наследник» — Крупская. Передавая книги Владимиру Ильичу, она получает от него зашифрованные письма, листовки, рукописи. Так выносятся из тюрьмы на волю «Проект программы», рукопись брошюры «О стачках». Все это расшифровано, переписано набело Надеждой Константиновной.

Жандармы нападают на ее след. Обыск в квартире. Перерыто все. И безрезультатно. А документы «Союза борьбы» и шифрованная рукопись Владимира Ильича были рядом — в полый ножке круглого стола. В свое время Ильич подарил его Крупской.

Одна из шифровок, полученных Надеждой Константиновной из тюремной камеры от В. И. Ленина, была объяснением в любви, а другая, пришедшая из сибирской ссылки, — официальным предложением стать его женой. Человек крайне сдержанный, без громких слов доказавший в трудный час глубокую любовь и преданность Владимиру Ильичу, она написала фразу, которая долго потом вспоминалась в семье с улыбкой: «Ну, что ж, женой так женой». И через шесть тысяч тяжелых российских верст отправилась в Шушенское. В багаже ее — книги и лампа с зеленым абажуром: она знала, что Ильич любит работать по вечерам.

С тех пор и до последнего часа жизни Владимира Ильича она была ему любящей женой, умным и заботливым другом, единомышленницей и надежным помощником. Среди бесчисленного множества вспомогательных фактов семейной хроники, собранных в книге, я выберу два.

...Октябрьские дни 1917 года. Ленин, скрываясь в подполье, руководит подготовкой к решающему штурму старого мира, к социалистической революции.

24-го В. И. Ленин посылает М. В. Фофанову с письмом для Центрального Комитета партии о необходимости немедленного вооруженного восстания. Он говорит: «Передайте это письмо

обязательно только через Надежду Константиновну...»

Письмо дошло по адресу.

А через несколько часов сам Владимир Ильич, вопреки запрету ЦК, прибыл в Смольный, возглавил восстание. Вскоре взгляды его в толпе соратников нашел родные глаза: Надежда Константиновна до конца выполнила поручение ЦК партии — быть связной вождя революции. Утро 25-го возвестило победу Великого Октября.

...Пятилетнюю годовщину революции молодая республика встречает окрепшей, полной светлых надежд. А Владимир Ильич тяжело болен и спешит продиктовать для стенографической записи последние статьи и письма. Получает свое завершение гениальный ленинский план построения социализма. Рядом с Лениным неизменно Надежда Константиновна. Документы и воспоминания очевидцев говорят о безграничном мужестве Крупской, полном самоотречении во имя того, чтобы облегчить страдания Владимира Ильича. То, что было необходимо для последнего подвига его великой жизни — книги, газеты, статистические материалы, справочники, — доставлялось ею незамедлительно. Но главное, что особенно нужно было Владимиру Ильичу и что было так присуще Надежде Константиновне, по свидетельству биографов, — это ее умение сразу же понять мысль, которую он хочет выразить, порадоваться, когда сформулирует он ее своим негромким, но твердым, несмотря на болезнью, голосом. А затем поговорить по поводу уже продиктованного и того, что еще будет диктовать Ильич. Были в эти тяжелейшие месяцы и такие дни, о которых Надежда Константиновна писала: «Живу только тем, что по утрам В. бывает мне рад, берет мою руку, да иногда говорим мы с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия».

Заботы жены великого Ленина, которая создавала необходимые условия для его титанического труда, по праву получили в научной биографии обстоятельное освещение. Нам дорога здесь каждая подробность. Очень верно писал в свое время М. Кольцов: семья Ленина — «семья из будущего коммунистического мира».

Именно знание этих взаимоотношений, сердечности, глубины понимания и помогает нам представить, как сформировался, расцвел талант Надежды Константиновны — педагога, литератора, пропагандиста.

...В Шушенском Крупская писала брошюру «Женщина-работница». Это ее первая работа и первая марксистская книжка о положении трудящейся женщины в России. Конечно, она волновалась. А Владимир Ильич постоянно подбадривал жену, давал советы, вносил поправки, редактировал.

Причем делал он это тактично, спрашивая, как правило: «Не кажется ли тебе, что это место лучше было бы сказать так?»

Минут годы — и в самую страшную свою пору, после смерти Ленина, в дни безграничного горя миллионов трудящихся Надежда Константиновна найдет в себе силы подняться на трибуну II съезда Советов и сказать слова, прозвучавшие по-ленински мудро и оптимистично: «Товарищи коммунисты, выше подымайте дорогое Ленину знамя, знамя коммунизма!»

Товарищи рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма!».

Представление о ее образе жизни в первой половине 1924 года — в то время, когда она буквально не давала себе передохнуть, можно составить по ее письмам В. А. Арманда (дочери Инессы Арманд), посланному 14 июня: «Я живу по-прежнему, была на своей излюбленной Прохоровке, на Голувиныхских мануфактурах, на фабрике Ливерса... Очень я люблю на фабриках бывать. Ну и у молодежи была, стара-

Рисунки народного художника СССР
Н. Н. ЖУКОВА

лась — на рабфаке Покровского, в 1-м МГУ, у тимирязевцев, — доклады по работе в деревне делала. Еще по ликвидации безграмотности. Поеду еще в Тверь, Ярославль, Иваново-Вознесенск».

Неумоимо пропагандируя ленинские идеи, Крупская писала: «Владимир Ильич считал, что годы 1917—1922 были годами натиска, когда мы старое все перевернули, когда двинулись вперед с большей быстротой: теперь настало время строительства, когда надо копать глубже, когда надо закладывать прочные основы нового порядка, класть камень за камнем...»

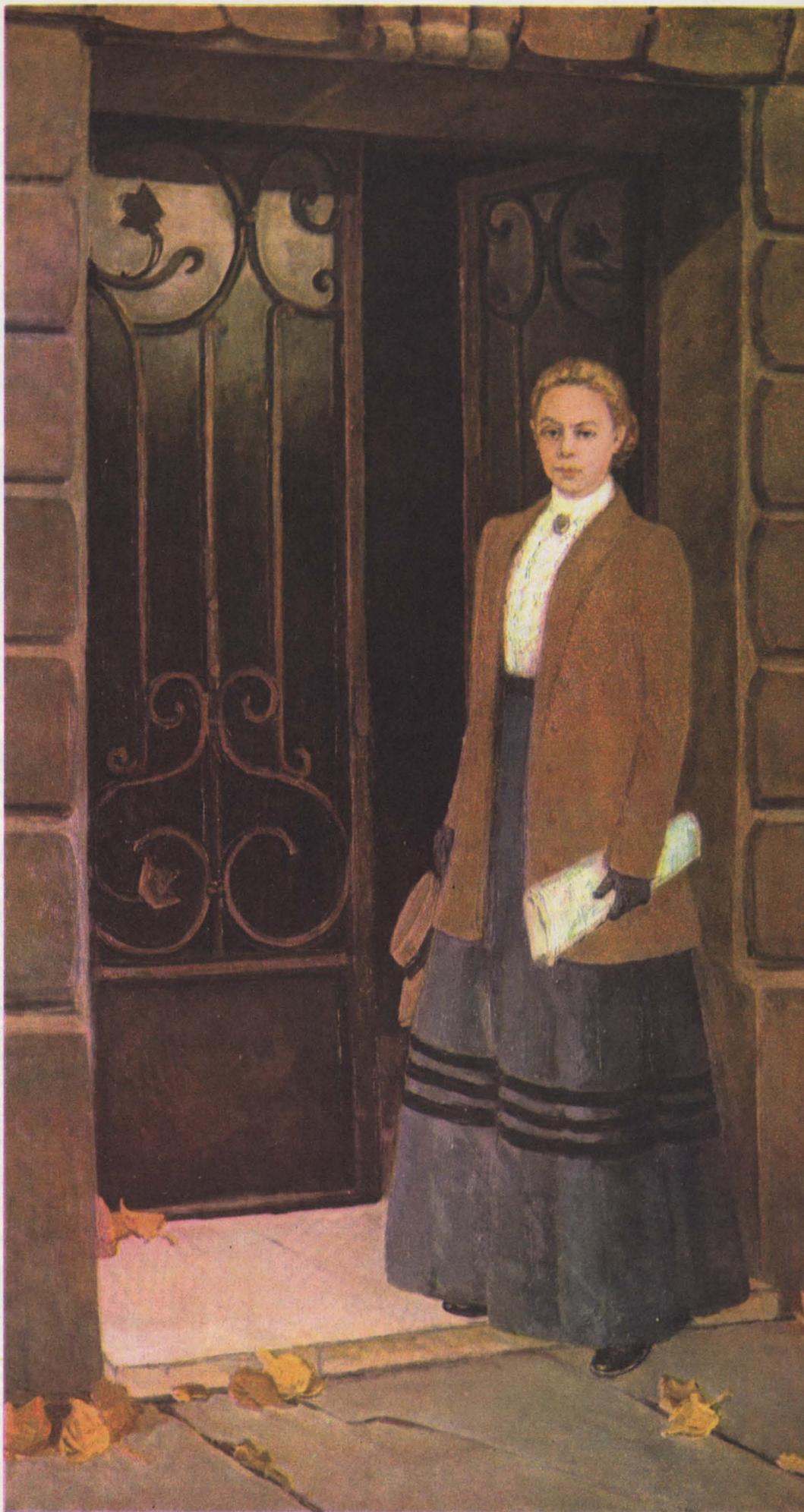
Надежда Константиновна Крупская — выдающийся партийный организатор. Известна ее роль в создании и укреплении большевистской партии, политическом просвещении масс, в разработке теории и в практике культурной революции в СССР. Однако новые документы, найденные авторским коллективом книги, тщательное их изучение обогащают нас новым знанием о масштабах деятельности Н. К. Крупской. Участница Постоянного совещания ЦК ВКП (б) по работе в деревне, она глубоко проникает в проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства, содействует принятию принципиальных мер по укреплению колхозного строя. В годы первых пятилеток Надежда Константиновна деятельно участвует в индустриализации, организуя подготовку квалифицированных кадров для промышленности. В книге приводятся факты, свидетельствующие о том, как внимательно прислушивались к ее советам в Госплане СССР, ВСНХ, Народном комиссариате труда.

В конце марта 1933 года на заседании Президиума ЦИК СССР ей, встреченной овацией всех присутствующих, была вручена награда Родины — орден Ленина. Принимая орден, Н. К. Крупская сказала: «Сегодня, когда Советская власть награждает орденами женщин, работающих среди работников-крестьянок, каждая из нас думает о том, как надо... углублять нашу работу... чтобы сделать женщину активнейшей участницей социалистического строительства и помочь ей выполнить те задачи, которые перед женщинами поставила жизнь». Этим целям она будет верна до последних дней, используя всю силу своего влияния.

Видный деятель Коммунистической партии, она многие годы находилась в составе руководящих ее органов — Центральной контрольной комиссии, Центрального комитета партии; не-

И. СОКОЛЬНИКОВА.

Н. К. КРУПСКАЯ (Париж 1908 г.).

однократно избиралась в состав Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и ЦИК Союза ССР.

Соратники поражались ее работоспособности. Вставая в 5—6 утра, она успевала до отъезда в Комиссариат просвещения подготовить статью, просмотреть программу или учебник, написать ответы на письма. Потом день, забитый до отказа заседаниями, приемом посетителей, разработкой директив и документов. Вечером—выступление либо срочная работа дома.

Время ее всегда было тщательно спланировано. Фиксировалось: что сделано за день, неделю, месяц, год. Мы можем судить о напряжении ее работы по этим цифрам. Данные за 1938 год: статей написано—112, выступлений—172, заседаний—120, писем—2500. Надежде Константиновне в ту пору 69 лет, шел последний год ее героической жизни. И, словно бы подводя итоги, она писала в послесловии к автобиографической статье: «Мне выпало на долю большое счастье видеть, как росла сила и мощь рабочего класса, как росла его партия, пришлось быть свидетельницей величайшей в мире революции, видеть уже ростки нового социалистического строя, видеть, как жизнь начинает перестраиваться в своих основах».

О. МАТЯТИН

А. ГУБАРЕВ. ТАМ ЗА ГОРАМИ, ЗА ДОЛАМИ. Из серии «Народные баллады Закарпаття» (гравюра).

В одном из моих недавно вышедших в свет поэтических сборников «Причастность» есть такие слова:

И все ж причастны мы немного
К тому, чем дышит белый свет.

Это чувство причастности ко всему, чем жила и живет страна, родилось в годы первых пятилеток, когда люди моего поколения, юноши и девушки, по призыву пар-

тии и комсомола с небывалым подъемом уезжали на Магнитку, на Днепрострой, отправлялись на Дальний Восток строить город юности—Комсомольск.

На глазах моего поколения, при самом активном его участии создавалось то новое, что коренным образом меняло и облик страны и психологию человека, превращавшегося в сознательного строителя новой жизни.

Пробуждались творческие силы народа во всех областях—в науке, искусстве, технике. Рождалась и новая литература. Из года в год крепли и мужали голоса молодых поэтов, к которым в ту пору принадлежал и я.

На мое творчество огромное влияние оказали произведения выдающихся писателей русской и украинской классики: Пушкин, Шевченко, Горький, Маяковский. Позднее в стихотворении «Поэт и время» я писал:

К чему признанья? Пушкин!
В этом всё,
Чем только слово русское
искрится...

Когда я прочитал книгу стихов Павла Тычины «Вяние ветра», я

понял, что попал в волшебный мир звуков и красок, в котором мне суждено работать и жить. Именно тогда я окончательно вступил на путь художественного творчества, зная, что выбираю очень нелегкую профессию, в которой придется, по выражению Есенина, «на которе чувств вертеть жернова поэм». Профессию, в которой только ценно самосогоранья можно найти дорогу к сердцу читателя. Позднее в стихотворении «Профессия» я скажу:

...Закончил дело, уж другое
ждет,
А там, глядишь, и третье
подкатило.
И каждый день такой
водovorот,
И как-то вдруг виски
посеребрило...
Да, такова профессия твоя,
Забудь и воскресенье
и субботу.
В последний час свой
пожелал бы я
Сказать спокойно: «Завершил
работу!»

Пятьдесят лет назад я опубликовал свое первое стихотворение.

С тех пор более сорока моих поэтических сборников, пьес, очерков, романов (лучшие из них переводились на русский язык, издавались за рубежом) увидели свет в украинских и центральных издательствах.

Значительное место в моем творчестве занимает военно-патриотическая тема. С первых дней Великой Отечественной войны я был на фронте и, естественно, не мог не писать о героизме наших воинов, о наших боевых подругах, которые проявляли чудеса храбрости на войне. Не мог не писать и о таких героях войны, как штурман бомбардировочной авиации Евгения Руднева, как генерал Ватутин и многие, многие другие.

Со времен войны я чувствую себя солдатом переднего края борьбы за коммунизм. И это чувство свято храню.

Ночные эшелоны

Он в окна стучит,
Отзывается в сердце
Колес перестук
В хлопотливом разгоне.
В просторы бегут
По законам инерций
Ночные составы
Товарных вагонов.
С таким напряженьем—
В межзвездные рейсы
С хвостом из вагонов
Подняться б кометой,
Но тяжесть металла
Грохочет по рельсам,
Не зная, что есть
Невесомость на свете.
Живет настроенье
В ритмическом гуле,
В туннелях таинственных—
Тише движенье,
Тревожится птица
В лесном карауле,
И дальние станции
Снятся селеньям.
Спалá тишина
Без гудка и без крика,
Да вдруг пробудилась
От края до края.
Вперед и вперед!
Горизонты раскрыты!
И звезды
Счастливы дороги желают.
Лучи—
Восходящего солнца посланцы—
Согреют
Застывшие за ночь вагоны.
Туман прогоняя
С разъездов и станций,
На фронт пятилетки
Идут эшелоны.

Перевел с украинского
Ю. САЕНКО.

Любомир ДМИТЕРКО

***

Неведомой песни знакомый мотив
Я слышу в вечерней программе.
Нагорья, поля, автострaды, мосты
На Немане, Волге, на Каме.

Секунды бегут-убегают, как ртуть,
И стелются перед тобою:
На разных широтах начерченный путь,
Стихия морского прибоя.

Как будто в какой-то волшебной игре
Мелькнут на квадрате экрана
Могучесть турбин на реке Ангаре
С штурмующей армией кранов.

За шпалою—шпала, все дальше, в тайгу
Железная входит дорога.
Там юность шагает сквозь зной и пургу
По-нашему—четко и строго.

Синоптиков мы не виним за прогноз—
Не все разгадаешь загадки.
И много гремит непредвиденных гроз
От Таллина и до Камчатки.

Но мы углубляемся в нашу страну
По плану, с учетом прогнозов.
Несем мы в таежные дали весну
И в битвы вступаем с морозом.

Нам радуют душу полеты орлов
Над горною высью Алтая.
Нам видится, слышится в песне без слов
Могущество вольного края.

Степью, степью...

Поля, поля, прозрачен воздух...
Степей таинственных краса...
Сквозь шепот ночи светят звезды,
Неслышно стелется роса.

С рассветом исчезают тайны.
Раздолье. Даль. Синее гай.
Окопы сгладились. Комбайны
Снимают щедрый урожай.

Бой мирный здесь горяч, упорен,
Но не огонь ярится—труд.
Не прокричит зловеще ворон,
Не прогремит и выстрел тут.

Металлом не сыпнет гроза,
Ушло за горы злое лихо...
У матери лишь—тихо-тихо
На землю упадет слеза.

***

Не надо,
не надо,
не надо
Ни мучиться нам,
ни страдать,
Мы будем под небом прохладу
Рассветного утра встречать.
В сиянии тихой зарницы
Лицом бы упасть на траву,
И луг пусть

устами криницы
На ухо прошепчет: «Живу!»
Пьянея от мирных затиший,
Я утром

тревожно-седым
Увидел, как ветер колышет
За далями атомный дым.
Довольно для нас Хиросимы,
Где в ужасе стили глаза,
Довольно

«холодной»

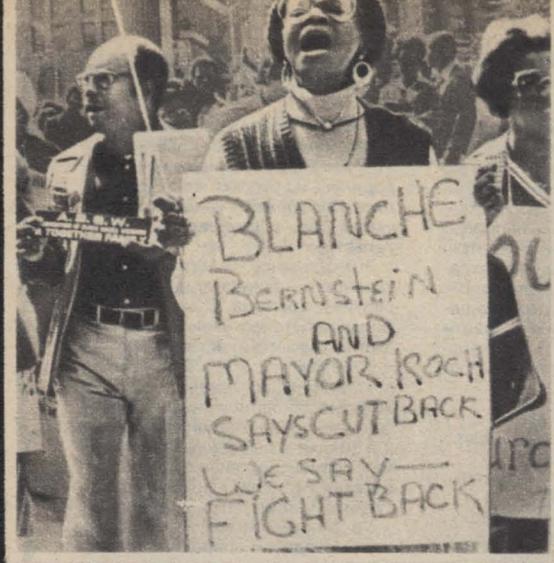
трясины—
Пусть птички звенят голоса.
И аисты пусть—

не ракеты
Садятся в густую траву.
Пусть

каждым рассветом

планета
Вселенной
сигналил:

«Живу!»

Не умолкает голос американских негров и других национальных меньшинств против нищеты, безработицы, расовой дискриминации.

Так встретила нью-йоркская полиция участников демонстрации в защиту гражданских прав.

ПРАВА И СВОБОДЫ

Кровавая драма в центральноамериканской республике Никарагуа останется мрачным пятном в истории прошедшего. 1978 года. Танки на улицах городов и селений. Дым пожаров. Массовые расстрелы мирных жителей. «Две тысячи человек, почти все женщины и дети, сгрудились в темном зловонном помещении. В непрерывном гуле слышались стоны раненых и плач младенцев».— это сообщает корреспондент итальянской газеты «Мессаджеро». А его американский коллега из журнала «Тайм» добавляет: «На глазах у одного из свидетелей солдаты вытащили из дома десятилетнего мальчика и застрелили его. Шестерых подростков приставили к стене и расстреляли. Гвардейцы подвергли пыткам 14-летнего мальчика. Они ножом вскрыли ему грудь...»

Десять тысяч человек погибли под ударами озверевших солдат. Десять тысяч для маленькой Никарагуа— это все равно что миллион жителей для Соединенных Штатов. Так диктатор Сомоса расправился со своим народом, восставшим против нетерпимых условий жизни, против нищеты, бесправия, полицейского террора. А за спиной палача стояли генералы из Пентагона, банкиры с Уолл-стрита, политические деятели США. Солдаты Сомосы были натренированы убивать в американских военных лагерях и убивали изготовленным в Соединенных Штатах оружием. Ими на месте руководили американские инструкторы. Расправа была оплачена десятками миллионов долларов, поступивших Сомосе из Вашингтона в дни восстания. Но когда президента США Картера на одной из пресс-конференций спросили, как он в свете пропагандистской кампании в «защиту прав человека» относится к событиям в Никарагуа, тот ответил: «Мы не хотим вмешиваться в дела суверенного государства».

В Никарагуа еще раз было разоблачено все лицемерие непрекращающихся разговоров о правах и свободах человека, защитником которых провозгласили себя нынешние правители Америки, якобы пекущиеся о них денно и нощно. Да только ли в Никарагуа? Вот уже на протяжении многих лет Соединенные Штаты оказывают активную помощь в создании и оснащении полиции, так называемых служб безопасности и других органов, предназначенных для расправы с народными массами. Антинародные режимы в Чили и Южной Корее, Уругвае, Иране и других странах получили из Америки за последние пять лет оружия и военной техники на 17 с половиной миллиардов долларов да еще безвозмездной помощи более чем на миллиард. «Свое беспокойство о правах человека в той или иной стране,— признает нью-йоркская газета «Уолл-стрит джорнэл»,— Соединенные Штаты всегда ставят в зависимость от своих военных и экономических интересов». Яснее не скажешь!

Ну, а что происходит в самих США? Может быть, в этом оплоте «свободного мира» дела обстоят иначе? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к его истории. В принятой 200 лет назад американской Декларации независимости говорилось о праве каждого человека на «жизнь, свободу и стремление к счастью». Все это, вместе взятое, называлось «естественными правами». Однако достаточно почтительно речи и статьи авторов Декларации, чтобы понять, что имели они в виду прежде всего право частной собственности. Всякий человек, имеющий

такую собственность, как считали они, должен обладать «естественным» правом не только охранять ее от других людей, но и наказывать за нарушение этого права. Они боялись сколько-нибудь широкой демократии, то есть власти народа, и не записали в конституцию своей страны ни одного параграфа, в котором гарантировались бы демократические права и свободы ее гражданам. Лишь в последующем в конституцию под давлением народных масс был внесен ряд поправок, составивших так называемый «билль о правах», но при этом ни одна не коснулась социально-экономических прав человека.

Право на счастье? Пожалуйстá. Но это не должно касаться права на труд, на медицинскую помощь, образование или обеспечение в старости. Оно не должно иметь отношения к тому факту, что сегодня доходы половины всех американцев в 8 раз меньше доходов 1 процента населения, составляющего его привилегированную верхушку, и что 37 миллионов граждан живут в нищете, как свидетельствует официальная статистика. Право на счастье никак не связано с тем, что из каждых 10 американцев 9 не могут позволить себе лечь в больницу, потому что им нечем за нее заплатить, что около 6 миллионов бывших рабочих не получают никаких пособий по старости, свыше 19 миллионов не получают ни гроша в случае заболевания. Одни права на счастье— для богатых и совсем иные— для бедняков. Таково существование реального положения в США и других странах капитала.

Нет сомнений, что самым существенным, первоочередным правом каждого человека на земле является право на саму жизнь. Но в нынешних условиях, когда в мире накоплено достаточно ядерного оружия, чтобы несколько раз уничтожить все население земного шара, это право может быть обеспечено только достижением всеобщего мира и устранением угрозы ядерной катастрофы. А о таком праве и помышлять не желают там, где во имя обогащения кучки денежных магнатов продолжают расточать достоинство народов в безудержной гонке вооружений, в подготовке к войне и в самих войнах.

В Соединенных Штатах сегодня произносится немало речей, посвященных правам и свободам, выходит множество книг на эту тему. И каких только рассуждений здесь не встретишь! Одни высказываются в пользу свободы совести, а другие— свободы от совести, одним по душе свобода мысли, а другим— свобода от мысли. Одни призывают к выполнению долга, другие— к безответственности. Но при этом все те, кто далек от жизненных забот американского труженика, склонны забывать, что подлинная свобода состоит в свободе от эксплуатации, от расового и национального угнетения, от невежества, бесправия и нищеты, от голода и болезни, от страха перед завтрашним днем.

Как далеки словесные упрямства буржуазных идеологов и пропагандистов от повседневных забот десятков миллионов американцев, живущих в условиях, позорных для достоинства человека. Вот что пишет об их жизни американский исследователь Дж. Славичек: доходов, которые имеют более 60 миллионов американцев, «едва хватает на оплату жилищ в трущобах, кишаших крысами и тараканами, и для приобретения самых дешевых продуктов. Некоторые пожилые люди настолько бедны, что вынуждены покупать продукты, предназначенные для кошек и собак. Сотни тысяч людей вообще не в

Жертвы массового самоубийства членов секты «народный храм» в Джонстауне (Гайана). Фото АП—ТАСС.

ферс»,— радио, телевидение, печать обрушивают на людей бесконечные истории о грабежах, изнасилованиях и убийствах на улицах городов, в которых якобы обязательно замешаны негры. Расчет прост—подогреть антинегритянские настроения и помешать тому, чтобы массы американцев, недовольных существующими порядками, выступили против монополий единым фронтом».

«Свободное общество», каким силится изобразить Соединенные Штаты адвокаты «американского образа жизни», все более демонстрирует себя как общество всеобщей слежки, которой важно все: что говорят люди, что покупают, где и с кем бывают и так далее. Центральное разведывательное управление и Федеральное бюро расследований, Пентагон и служба иммиграции, а также многие другие правительственные ведомства собирают информацию об американских гражданах, распечатывают их письма, подслушивают телефонные разговоры. Рассказывают, что на 240 миллионов американских граждан—цифра, включающая не только престарелых пенсионеров, но и грудных младенцев,—в 97 государственных учреждениях США хранится 3,9 миллиарда разного рода справочных досье. Можно ли представить себе большую «свободу» для контроля над мыслями?

Специальная сенатская комиссия отмечала в своем докладе в 1976 году: «Группы и отдельные граждане подвергались преследованию и гонениям из-за своих политических взглядов и образа жизни... При этом против них применялись недостойные и злонамеренные методы, включая анонимные попытки разрушить семью, сорвать собрания,

ПО-АМЕРИКАНСКИ

состоянии платить за жилье и вынуждены ютиться в сгоревших зданиях, канализационной системе... Многие ищут съестное в мусорных ящиках».

Напрасными были бы попытки искать в конституции Соединенных Штатов положение о праве на труд—его там нет, хотя все остальные права человека, по сути дела, теряют всякий смысл при его отсутствии.

Ныне в США, по данным официальной статистики, 6 миллионов безработных. Профсоюзы утверждают, что безработных еще больше—10 миллионов. Многие из них потеряли уже и право на пособия по безработице, выплачиваемые лишь в течение определенного отрезка времени. Более половины всех безработных—молодежь до 24 лет. За бесстрастными цифрами—миллионы человеческих судеб, исковерканных, лишенных права на будущее.

Больше половины населения Соединенных Штатов и по меньшей мере 40 процентов всей рабочей силы составляют женщины. Но ни в конституции страны, ни в каких ее иных законах не предусматривается равенство в правах женщин и мужчин. Более полувека длится в США борьба за утверждение законопроекта, устраняющего эту несправедливость. Шесть лет назад в конгрессе была принята, наконец, поправка к конституции, провозглашающая равенство полов. Но она до сих пор остается неутвержденной из-за саботажа ее законодательными собраниями ряда штатов. Впрочем, удивляться здесь нечему. Достаточно вспомнить, что заработная плата женщин в Америке в среднем на 43 процента, то есть почти в два раза ниже, чем у мужчин, до сих пор не существует оплачиваемого отпуска при родах.

На положении второсортных граждан в американском обществе «равных прав и возможностей» продолжает оставаться 24-миллионное негритянское население Соединенных Штатов, как и миллионы пуэрториканцев, мексиканцев, индейцев и представителей других национальных меньшинств.

«Во всем, что есть хорошего в жизни, негру достается приблизительно половина того, что имеет белый, а из плохого он имеет в два раза больше белого»,—эти слова известного негритянского лидера Мартина Лютера Kingа и теперь, через десять лет после его смерти, сохраняют свою справедливость. Каждый третий черный американец живет ниже официально признанного уровня бедности. Средний доход пуэрториканской или мексиканской семьи составляет немногим более половины дохода белой семьи. «Перенаселенность, плохие школы, безработица, высокая преступность, самоубийства, алкоголизм, наркомания, разбитые семьи»—в таких словах английская газета «Обсервер» характеризует положение в негритянских районах американских городов. А оборотная сторона картины состоит в том, что эксплуатация национальных меньшинств приносит монополиям США 23 миллиарда чистой прибыли в год.

Если бы безработица в такой же мере коснулась всех американских рабочих, в какой она затрагивает черных и других представителей национальных меньшинств, то, как считают прогрессивные деятели Соединенных Штатов, страна оказалась бы на грани хаоса.

«Каждый день,—пишет американский журнал «Политикл аф-

подвергнуть виновных остракизму на службе и спровоцировать вражду между группами».

Весь мир знает о заключенных в американские тюрьмы борцах за свободу и равноправие—членах «уилмингтонской десятки» и «шарлотской тройки», поэссе Асате Шакур и осужденном на смертную казнь Джоне Харрисе и ряде других. Весь мир обшло признание постоянного представителя США при ООН Э. Янга: «В наших тюрьмах имеются сотни, а может быть, даже тысячи людей, которых я назвал бы политическими заключенными». И большинство из них может сказать о себе словами руководителя «уилмингтонской десятки» Бена Чейвиса: «Наше осуждение по политическим мотивам—наглядный пример того, как люди могут оказаться в тюрьме только потому, что им хотят заткнуть рот, стараются помешать им протестовать против разгула расизма...»

Можно ли удивляться после всего сказанного, что очень многие американцы, видящие, что экономический кризис не прекращается, безработица продолжается, а цены все растут и растут, проявляют, говоря словами американских журналистов, не только обеспокоенность настоящим, но и утрату оптимизма в отношении будущего. В ходе опроса общественного мнения, проведенного в США на рубеже 1977 и 1978 годов, 60 процентов опрошенных сочли, что «людям, управляющим страной, в действительности безразлично то, что происходит с простыми американцами», 77 процентов заявили, что «богатые богатеют, а бедные беднеют», и 61 процент высказали мнение, что «помыслы американцев больше не имеют значения для власти имущих».

На подобного рода опросы отвечают, конечно, представители более сознательных политических слоев американского общества. Какое дело до опросов, скажем, обитателям негритянских гетто, не знающим, что принесет им завтрашний день? Или людям, окончательно потерявшим веру в общество, надежду найти и кусок хлеба и какую-нибудь справедливость? Мир, где все подчинено власти доллара, не интересуют страдания, одиночество тех, кто в нем живет.

До чего может довести так называемый «американский образ жизни», показала страшная история в латиноамериканской республике Гайана, происшедшая в ноябре минувшего года. В джунглях этого тропического государства нашли убежище члены религиозной секты «народный храм». Они покинули Соединенные Штаты потому, что отвергли американское общество с его порядками, хотели социального, экономического, расового равенства и не нашли ничего лучшего, кроме веры в «небесную справедливость». Но и в Гайане до них дотянулась грязная рука дельцов и американских секретных служб. Пройдет немало лет, прежде чем станет известно, как были принуждены к коллективному самоубийству около тысячи членов секты: цианистым калием отравились сами или были отравлены насильно мужчины, женщины, дети. Но почему это произошло, совершенно ясно: людям, и здесь оказавшимся орудием махинаций руководителей секты, бесправными роботами в руках религиозных фанатиков и политических проходивцев, своими жизнями пришлось заплатить за последнюю попытку вырваться из общества бесправия.

В. НЕКРАСОВ

Фото В. ЛЕСНОГО.

В. Ф. Строганова со своим любимцем.

ЕЕ СЕРЕБРЯНЫЙ КОНЬ

Признаться, не верилось, что ей уже под семьдесят... Легко вскочила она в седло, и послушный конь понес ее вдоль кромки поля упругой рысью. Перед нами была не просто великолепная наездница — женщина необычной судьбы.

В книге воспоминаний «За нами Москва» бывший командир Первого гвардейского кавалерийского корпуса генерал П. А. Белов, в частности, пишет: «На командирских должностях у нас было несколько женщин. Валентина Строганова, до войны активистка конноспортивного клуба ОСОАВИАХИМа в городе Иванове, вступила добровольцем в 41-ю кавалерийскую дивизию, формировавшуюся на Владимирщине, и была назначена начальником строевого отделения штаба дивизии. После расформирования дивизии Строганову перевели в штаб корпуса... До конца войны она воевала в кавалерии».

После войны она приехала в Ворошиловградскую область, пошла работать на Деркульский конезавод. Позже, когда была организована областная конноспортивная школа, стала там старшим тренером. Здесь она работает и сейчас.

— У меня занимается больше тридцати человек, — рассказывает Валентина Федоровна. — Это учащиеся школ, профтехучилищ, техникумов. Быть наездником — значит не только хорошо сидеть в седле, но и ухаживать за лошады, кормить ее, работать на конюшне. Это отличная школа воспитания характера.

Я спросил Валентину Федоровну, была ли у нее самая любимая лошадь? Она ответила: «Я их всех люблю. Всех, с которыми мне довелось работать, воевать».

Чаще других она вспоминает коня Метчема. И многие ворошиловградцы, любители конного спорта, хорошо помнят его. На нем показывала Строганова школу высшей верховой езды. Был он серым, а с возрастом побелел, стал словно серебряный. Когда они выступали, весь стадион скандировал: «Серебряный! Серебряный!..»

Уже имея семью, двух дочерей, работая, занимаясь спортом, В. Ф. Строганова окончила с отличием Всесоюзный заочный сельскохозяйственный институт. О круге ее интересов можно судить в какой-то степени по книгам, собранным в домашней библиотеке: здесь военные мемуары, научная литература, редкие книги о лошадях. Недавно она начала собирать материалы по истории конноспортивной школы.

Каждый год 9 мая Валентина Федоровна приезжает в Москву на встречу ветеранов Первого гвардейского кавкорпуса. Хотя со времени окончания войны прошло более 30 лет, она по-прежнему в строю, рядом со своими боевыми товарищами. И вот ведь какое совпадение: родилась Валентина Федоровна в тот же день, что и Советская Армия, — 23 февраля. Поздравляем ее!

М. БЕРЕЖНОЙ,
корреспондент газеты
«Ворошиловградская правда».

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

Нина НОВОСЕЛЬНОВА

Бывшему комсору батальона
Нине Гладинай

Женщине не нужно воевать...

Женщине не нужно воевать.
Пусть она, красивая и хрупкая,
Будет просто женщина и мать,
Свой очаг хранящая голубкою.
Ведь такую виделась она,
Много ль, мало ль, — сквозь
тысячелетья.

Но была Народная война,
Встали в строй и женщины и дети.
Женщине не нужно воевать?
Батальон, огнем к земле пришитый,
Кто-то должен в битву поднимать.
Хоть умри, а жизни стань защитой.

И звенит девичий голосок:
— Бей фашистов! — И летит лавина
Сквозь огонь. Стремителен бросок,
На высотке свет сошелся клином.

То ли кровь на девственном снегу,
То ль зарю солдаты раскачали,
Но ее, девчонку, на бегу
Прикрывали сильными плечами.

Женщине не нужно воевать?
Но солдаты нынче вспоминают:
— Стыдно было землю обнимать,
Если цепь девчата поднимают.

Тишь в полях. Хотя года идут,
Памятное время сердцу дорого,
И на встречах ветераны ждут
Своего отважного комсорга.

Ей готовы руки целовать
Все солдаты, старше и моложе.
Слава женской доблести!
И все же

Женщине не нужно воевать.

«Горюшко — лютое»

Вот и опять я сегодня влюбленная,
Ласковых глаз отвести не могу:
Шубка навыворот, лопатка зеленая.
Что ты увидел, малыш, на снегу?

Жизнь у тебя еще очень веселая:
Разве не весело мир познавать?

Голубь шагает—посмотрим на голубя,
Кошку погладим, скосившись на мать.
«Горюшко—лютое!»—Женщина круто
Кошку толкнула с дороги: «Не трожь!»
— Слушай, отдай ты мне
«Горюшко—лютое»,
Я поработаю, ты отдохнешь.
Как она яро сверкнула глазами,
И, захлестнув пальтецо на груди,
Строго сказала: «Управимся сами!»
И усмехнулась: «Своих заведи!»

На круче

Идет и идет поединок
На самой большой крутизне:
Там тучи, как сизые льдины,
Плывут, отражаясь в окне.
Похоже, они атакуют
Высокое это окно.
Но как же громаду такую
Бесстрашно встречает оно!
Бывают и молнии стрелы,
И снега сверкающий ком...
Живется, наверное, смело
Кому-то за этим окном.
Не все же здесь бури да тучи,—
Зато уж в погожие дни
Достанешь до солнышка с кручи,
Лишь только ладонь протяни.

Дети

Бывает так: на грозном рассвете
Нет мне покоя даже и во сне:
Мне снятся дети, маленькие дети,
Бредущие бессильно по войне.
Как они живы, маленькие ноги,
Завязшие в дорожной колее?
О, как немногим, как из них немногим
Еще случится отдохнуть в тепле!
Поныне не заполненные списки
Погибших и ненайденных ребят,
И на дорогах дальних обелиски—
Все голосами детскими кричат.
Они кричат о той дороге страшной,
Что вымощена трупами детей.
Они кричат не только о вчерашнем—
Они и завтра не хотят смертей!

Рисунки В. ДЕЛБЫ

ГДЕ ЖЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

Автор рисунков, помещенных на этой странице, художница Р. И. Натапова.

Совсем юной ученицей Московской художественной школы она добровольно ушла на фронт. Закончив десятидневные курсы пулеметчиков, попала на Второй Прибалтийский, в 41-й отдельный дорожно-эксплуатационный батальон. Маленький, умещавшийся в кармане шинели, альбомчик и хорошо отточенный карандаш всегда были с ней. И там, на фронте, когда выпадала свободная минута, она рисовала. Рисовала всюду: неожиданная «пробка» на дороге—рисует, политинформация в землянке—рисует...

После войны, закончив Суриковский институт и став профессиональным художником, Р. И. Натапова нет-нет да и вспомнит своих фронтовых друзей, набрасывая по памяти их полузабытые черты.

— Расставаясь,—говорит Рошаль Исааковна,—мы были уверены, что непременно увидимся в мирной жизни. Но пути разошлись, адреса затерялись. А как бы хотелось узнать, как сложилась жизнь девочек из нашего батальона...

Молодая семья в молодом городе

ГЛАВА ВТОРАЯ:

ВОСПИТЫВАЯ СЕМЬЯНИНА

— ...Видно было: Байкала девчонки не знают. На практику ониплыли. Греются на солнышке, пересмеиваются. Бывалые туристы как? Поднялись на палубу—тут же ставят палатку.

— На пароходе—палатку?

— Ветер же!—вступает в рассказ мужа нетерпеливая Евгения Алексеевна.—А ночи и в июле холодные. Плыть нам по Байкалу до северного краешка, бухта там заветная, нашли ее, еще когда дети были маленькие. А сейчас сыночка под два метра, из кино вернется—увидите.

— Погоди,—Юрий Федорович хочет досказать нам про практиканток.—Женя им советует: внизу места занимайте, ночью там не приткнешься. Но они: «Теплые вещи с собой».

— А ночью,—опять не выдерживает жена,—слышу шепот сына: «Пап, давай уступим им палатку, а?» Юра ворчит, но одевается.

— Стужа-а!—Юрий Федорович передергивает плечами.—У меня такая злость на девчонок—предупреждали же! Но сын готов поступить по-рыцарски. Могу я его не поддержать? Мужчина начинается с преодоления—с преодоления страха, лени, эгоизма. Причем преодоления ради себя стоит куда меньше, чем ради других. С детства его этому учил... Но простынем же, думаю, с самого начала отпуска. Тут Женя положила конец сомнениям. «Забирайтесь!—командует девчонкам.—А мы закаленные...»

Мы сидим за большим семейным столом. Угощение собрано наспех: хозяйка только что прибежала с работы. Но угощение редкостное, таежное—соленья, моченья, варенья... Целая стена незастеленных полок, многие из книг и журналов потеряны, зачитаны, в закладах. Звонко. Друг к Вите. «Ждать некогда,—отзывается из прихожей.—Евгения Алексеевна, я книжки принес».

Фамилия ее Ермолова. И услышали мы ее впервые во фразе, заставившей вспомнить великую актрису: «Когда Ермолова выступает, в зале равнодушных нет». А речь о преподавателе ПТУ, о проводимых ею молодежных диспутах. Потом, во Дворце культуры «Современник», заведующая массовым сектором Людмила Владимировна Черных говорила: «Интерес к морально-этическим темам большой.

Какая она, настоящая любовь? Ваш идеал современной женщины и современного мужчины? В чем проявляется психологическая несовместимость? Как понимать чувство долга перед семьей? Вывешиваем заранее вопросники в красном уголке общежития, в школе, в ДК. Хочется вызвать на обмен мнениями, на спор. Пускай молодежь учится размышлять, анализировать разные жизненные ситуации. Приглашаем на диспуты педагогов, юристов, журналистов, врачей. Если объявишь популярного ведущего, собираются охотнее, чем на развлекательную программу». И в перечислении ведущих опять прозвучало: «Ермолова»...

Пришел из кино «сыночка», действительно рослый, в маму общительный, по-взрослому ироничный, по-детски спешащий похвалиться магнитофоном, приобретенным на заработанные летом в стройотряде. Рассказывал про училище—будет автослесарем, про друзей.

Один из ангарчан, которым в будущем—и, может, не таком далеком—создавать семью.

Если вы помните, первый материал под рубрикой «Молодая семья в молодом городе» («Работница» № 1) мы завершили вопросами: как воспитать каждого из юношей настоящим семьянином? Как помочь девушке подготовиться к ответственной роли жены и матери? Что должно быть положено в «фундамент» молодой семьи? Мы обещали дать слово людям разных профессий, с которыми познакомились в Ангарске.

Вот мнение Евгения Алексеевны Ермоловой (впрочем, ее супруг Юрий Федорович Ермолов, директор межшкольного комбината, уже начал разговор о воспитании юноши, не так ли?).

— Кто из нас, родителей, не мечтает о том, чтобы дети были удачливы и в выборе дела жизни и в выборе спутника жизни! Пословица говорит о счастливом браке: и радость вдвое и горе с полáгоря... Бесспорно, многое зависит от стечения обстоятельств. Но произношу эти слова—«удача», «стечение обстоятельств», а все во мне противится их безвольному, пассивному звучанию! А сами-то что делаем, как готовим сына или дочь к браку, как помогаем воспитывать чужих сыновей и дочерей?

Преподаю я у парней. ПТУ не школа, раньше взрослеют ребята, раньше привыкают к самостоятельности. Не буду их идеализировать, разные есть.

Но если человек приучен не бояться труда—основа характера заложена. В 17—18 лет у него будет в руках профессия. Важно это для самоуверждения? Безусловно. И когда придет к парню любовь, он почувствует себя опорой для семьи. А это по-мужски.

Иного покоробит: ну почему я начала с таких прозаических материй, как заработок, трудолюбие? На дискуссиях молодые рассуждают о духовной совместимости, об интеллектуальных уровнях, о семье как малой социальной группе. Обожаю эти разговоры: до чего начитанный, подкованный народ! Но высокие слова поверяются будничными делами. Говорит любимой, что готов достать ей звезду с неба, а поленится пол за нее помыть или притачить сумку картошки. Посиживает с книжечкой и духовно растет, пока жена, тоже прибежав с работы, стирает, гладит, готовит... Статистика-то известна: женщина тратит на домашние дела 4—5 часов в день, а мужчина в 2—2,5 раза меньше. Это тот, кто обещал достать звезду с неба...

Правда, исследования внушают некоторый оптимизм. Я читала, изучались группы семей различного стажа совместной жизни и различного образования—и выяснилось, что чем меньше стаж и выше образование, тем справедливее распределение домашних нагрузок. Попался бы дочери такой муж! А перед будущей невесткой, надеюсь, за сына не будет стыдно.

Если встречаются двое с разным уровнем образования или культуры—это поправимо. А вот если у парня или девушки нет готовности к сопереживанию, к тому, чтобы понять близкого человека и поддержать в трудную минуту,—кому захочется шагать по жизни рядом с эгоистом? Писал же Сухомлинский, что современный человек может научиться создавать самые величественные строения, космические корабли, но если он не научится любить—он останется дикарем. Любить мать, жалеть бабушку, помогать младшим братишкам и сестренкам... Где можно этому научиться? Прежде всего в семье. Опыт заботы друг о друге, опыт совместного преодоления неурядиц—бесценный нравственный багаж.

А с Наташей Юферовой мы познакомились на электромеханическом заводе. Она слесарь-сборщик четвертого, самого высокого разряда.

Владеет всеми операциями на конвейере.

Призналась, что проблемы семьи, подготовки молодежи к супружеству волнуют ее давно.

— Если у кого-то из наших свадьба, в цехе для всех событие. Музыка включат. По конвейеру плывут цветы к виновнику торжества. Комсомольцы выпускают газету с шутивными пожеланиями (и серьезными, конечно). Плакаты яркие развесят. У нас начальник цеха Николай Григорьевич Цыганков—выдумщик, и рисует как художник, и вообще удивительный человек. У него очень хорошая семья, жена—модельер, сын сейчас в Ленинграде учится, окончил с золотой медалью математическую школу. Я почему про их семью? Такие люди, как Николай Григорьевич,—авторитет не только в производственных вопросах, а в любых. Наставник в полном смысле слова. А для молодежного коллектива это особенно важно.

Я тоже наставник, учу девчат профессии. И у нас разговоры одной работой не ограничиваются. «Наташа,—интересуются,—тебе муж по дому помогает?» «А кто с дочерью делает уроки?» «А где вы в воскресенье были?» Каждая, понятно, прикидывает, какие у нее самой отношения сложатся с мужем. И я рассказываю даже, что и как готовлю, как распределяю бюджет, чтобы сэкономить на какую-то большую вещь. Все это неплохо девушкам знать, пригодится в жизни.

Не переношу я, когда в разговоре у замужних женщин слышишь сплошные сетования: и это трудно, и это плохо, и дети непослушные, и муж черствый. А ты знаешь ее семью и удивляешься: ну что за страсть преувеличивать! «Если б не семья, я бы училась...» «Если б не семья, я жила бы в сто раз интереснее». А кто ж мешает жить интересно и жизнь всей своей семьи сделать содержательной, веселой? Сама не умеет спланировать время. Даже когда завод идет на встречу—занятия по повышению квалификации у нас в рабочее время, но и дома надо бы к занятию подготовиться,—так снова привычная песенка: «Если б не семья...» Да не поверю я, что нельзя выкроить час-полтора! А девочки слушают—и какое у них складывается представление о семейных отношениях? Как о чем-то тягостном, унылом, состоящем из скор да недоразумений.

А надо их настраивать—от самой женщины в атмосфере семьи очень многое зависит!

Есть такое понятие — стиль жизни. У каждого города он свой. Каков же у Ангарска? В первой главе мы уже писали о приметах, отмечаемых приезжим. Тут и там гудящие, меняющиеся на глазах стройки. Чистота улиц и дворов. Бережность к тайге, оставленной внутри кварталов. Все это не внешние приметы—традиции, черты здешнего стиля жизни.

...Гостиничные окна выходили на кинотеатр «Мир». Воскресным утром видим: на сеанс мультиков стекается детвора. И многие за руку с отцами. Мамы, конечно, тоже были, но породавало обилие пап, семей в полном составе... Хорошая черточка и обед семьей в «Пельменной» или «Блинной». Уютно, чисто, ребята на людях едят с аппетитом. И мама избавлена от кухонных хлопот.

Еще одна «мода»: выходные на природе. «Жаль, что не летом приехали,—говорили нам на электромеханическом.—У нас на Байкале такая база отдыха! И в отпуск ездят семьями, и на субботу, воскресенье. А молодежь любит турлагерь, он здесь неподалеку».

Людмила Владимировна Куратник, заместитель председателя Ангарского горисполкома, искренне сокрушалась, что не увидим базы в действии: «пересменок», на лето многие отданы под пионерские лагеря, а сейчас переоборудуются.

— И здоровью и более тесное общение с детьми. А как ценно для женщины освободиться от быта!—В манере убеждать у Людмилы Владимировны проглядывает учительское; она действительно из педагогов, 14 лет отдала школе.—Молодая семья создается не в безвоздушном пространстве. И парень и девушка улавливают, пускаяй и не задумываясь особенно над этим, чем и как живут окружающие их семьи, какие у них возможности.

Назову некоторые цифры. Средняя зарплата по Ангарску—около 200 рублей. Заработать есть возможности—было бы желание. Еще одна важная проблема—жилье. Строим немало, сдаем в год по 60—70 тысяч квадратных метров. На начало пятилетки в среднем на жителя приходилось 8,6 квадратного метра, к концу пятилетки будет 9,2. Если учесть, что население растет, станет понятно, почему вопрос остается острым. Вот приглашают меня на комсомольскую свадьбу. Как представителю Советской власти, мне бы так хотелось вручить молодоженам ключ от квартиры! Но увы... Ставим их в общую очередь. В очереди большинство тех, кто уже имеет жилье, подал на улучшение. Администрация предприятий горой стоит за кадровых рабочих, и

это понятно. А где же молодым-то жить, как налаживать быт? Снять комнату непросто: в благоустроенных домах мало кто хочет тесниться, а частный сектор невелик. Какой-то выход—семейные общежития. Потом семья получит комнату в квартире. И многие рады хотя бы такому собственному жилью. Но бывает, что у меня на приеме с порога требуют: «Обязаны квартиру!», «Должны!», «Немедленно!». И к сочувствию примешивается огорчение. Почему же ты готов всех оттеснить локтями, сам еще ничего не дав государству?

Не хочу сказать, что именно преодоление трудностей сплачивает семью. Хотя знаю примеры: родители все купили, все предусмотрели. Что называется, живите на всем готовеньком. А мне самой разве не помогали родители, мужу моему не помогали? А я своей Лене не постараюсь помочь? Только помогать можно по-разному. Это все равно как на воде: один неотступно плывет рядом, бережно поддерживая чужо, а второй научил ребенка плавать самостоятельно. Но кто помог востановиться?

Людмила Владимировна сочла необходимым показать нам и профилакторий, и детские садики, и Дворец пионеров, построенный методом народной стройки... И сейчас понимаешь: все это черточки стиля жизни.

...Она жертвовала субботним отдыхом, сагитировала в поездку заведующую отделом горисполкома Дину Михайловну Васьковскую, и мы поехали по ангарским окрестностям. Пушистые лиственницы желтели на фоне вечной зелени сосен, многоэтажные хоромы баз отдыха были великолепны, и мы не знали, чьим отдать предпочтение...

Когда пишешь о чем-то, затрачиваешь душу—о человеке ли, о городе, — ловишь себя на желании не припоминать плохого, отбросить его как случайное. Но ведь речь о большом городе, причем часть населения меняется (призывники уходят в армию, молодежь уезжает учиться, среди строителей процент текучести высок). И если в массе своей молодежь тут деятельная, активная, ответственная, есть, чего там скрывать, и другое.

...Во Дворце культуры «Энергетик» нам показывают танцевальный зал: люстры отражаются в сияющем паркете. Зал для первого бала, зал для первого вальса... Потом сидим на репетиции. Интересное совпадение: накануне, включив местную телепрограмму, посмотрели концерт, обменявшись мнениями—эстрада, мол, в Иркутске на хорошем уровне. А в заключение слышим: «Пели участники самодеятельности Дворца культуры «Энергетик», город Ангарск». И на репетиции видим уже знакомых по экрану Нэлю Васильевну Агафонову и Татьяну Назарову... А потом оказываемся свидетелями такой сцены: вахтерша выплыла в толпе входящих девушек, принесшую с собой «горючее». Представляете—девушку! Мы присутствовали на беседе с нею. Ольга Николаевна Данилова, директор ДК, стеснялась, а красноречивая, статная дивчина и не думала смутиться. «Мой заработок, а что есть и что пить, личное дело». Данилова замкнулась о девичьем достоинстве, но тема оказалась собеседнице забавной, и она прыснула. «Когда выпьешь, совсем другое настроение,—объясняла она записавшему нам, почти годящимся ей в матери.—Правда, а так кавалеров хватает». «Вам скоро создавать семью, воспитывать детей,—говорила Ольга Николаевна.—А алко-

голь может войти в привычку. Знаете, наверное, что женский алкоголизм куда страшнее, чем у мужчин,—практически неизлечим». «Да при чем тут алкоголизм! Выпить для веселья... В другой раз не буду, ладно...»

Что за атмосфера будет в ее семье, если окружающие не сумеют остановить, перевоспитать, перестроить?

Или такой эпизод—совершенно иного порядка, но тоже наведший на размышления. В рабочее общежитие приезжает с концертом народный коллектив, лауреат смотров. А зал полупустой. Воспитатель ходит по комнатам и уговаривает: «Ты же ничем не занята! Я понимаю, ты устал, но артисты тоже после смены...» Наконец зал полон, однако выступающие с недоумением видят девушку в домашнем халате, парня в шлепанцах... Не поймешь, чего тут больше—бескультурья или фанаберии потребителя, убежденного, что его должны вовлекать и развлекать, а сам он в ответ ничего не должен. Телевизор привыкли смотреть в халатах и шлепанцах, почему же и на концерт не выйти так же? Обиду артистов—таких же рабочих ребят—и не поняли: концерт-то понравился, не хотели артистов отпущать...

Нам рассказывали о продуманной и кропотливой воспитательной работе: на интересные лекции или вечера в ДК зрительней возят от общежития на автобусе; на премьеру в кинотеатр билеты закупает воспитатель; учителя вечерней школы в случае пропуска уроков или отставания тоже приходят для консультаций в общежитие или в цех; и библиотека приближена к рабочему месту. Можно только восхищаться усилиями массы людей—партийных, комсомольских, профсоюзных работников, учителей, работников культуры, которые наладили такую работу. Однако... к восхищению порою примешивалось и что-то похожее на досаду. Да зачем же, к примеру, книги-то с доставкой? В большой библиотеке сам воздух ценен, само обилие книг воспитывает, разжигает жажду знаний.

Мы решили поговорить об этом с секретарем комитета ВЛКСМ объединения «Ангарскнефтеоргсинтез» Сергеем Федоровым. Предприятие это с многотысячным коллективом, и комитет комсомола на правах райкома.

— Сережа,—сказали мы, по молодости лет секретарь обходился без отчества,—нам показывали прачечную для общежитий, столовую, филиал ателье. Все это ценно, сберегает время. И в дальнейшем, когда парни и девчата обзаведутся семьями, служба быта поможет им высвободить время для учебы, чтения, развлечений.

— Пока о настоящем сервисе говорить рано. Прачечных недостаточно, столы заказов только пробуем вводить,—уточнил Федоров.—Каждое предприятие налаживает свою службу быта, где-то лучше, где-то хуже.

— Видимо, комсомолу надо тут подключаться активнее. Но вот когда нам рассказывали про культурное обслуживание... Не способствует ли излишняя опека пассивности? Ведь духовная жажда потому и называется жаждой, что она должна побуждать к действию.

— Но для начала ее надо пробудить! Если не воспитана с детства тяга к чтению, надо одну книгу предложить, другую. А потом, глядишь, и в библиотеку пойдут. Так же и с искусством.

— Да уж кино-то всеми любимо.

— Смотря какой фильм. На «Четырех мушкетеров» пойдут и без нас, и прекрасно. А вот на «Подранков» могли не выбраться. Нет, я с вами не согласен, нельзя пускать на самотек.

— А представляете, когда такой пассивный парень женится? Учителя ходили к нему на дом, воспитатели доставляли билеты на дом. И опять будет ждать, чтоб его заинтересовали, охватили?

— На жену надежда. Может, попадется инициативная,—улыбается Сергей. И тут же становится серьезным.—Каждый год к нам приез-

жают сотни ребят и девушек. Приходят и выпускники школ и ПТУ. С ангарчанами проще: они, как правило, попадают в бригаду, которая шефствовала над их училищем или школой. Так что ребята более или менее известны, старшие знают их особенности, круг интересов. А в отношении приезжих тоже продумана система: каждый завод, институт или отдел шефствует над общежитием, где живут их работники. Настоящий наставник не может ограничиваться производственными заботами. Что за человек взрослеет рядом? Какие свойства у него формируются? Ни одного нельзя выпускать из поля зрения. Конечно, это в идеале... Но стараемся!

Из беседы с Галиной Васильевной Суворовой, методистом рабочих общежитий «Ангарскнефтеоргсинтеза»:

— Поступает в общежитие новенький или новенькая. Через несколько дней ты все знаешь—чем живет, к чему приучен с детства: чистюля или неряха, заботится о других или эгоист, общительный или угрюмый. И воспитатель прикидывает вместе с администратором цеха, вместе с комсомольцами: что предпринимать. Если хочет учиться, создадим условия для учебы. Если увлекается спортом, и стадион есть и бассейн. Если любит самостоятельность—пожалуйста. А вот если ничего не любит—это похуже...

Налаживаешь контакт, завоевываешь доверие. И до чего же радостно, когда наблюдаешь сдвиги в лучшую сторону! Девочка в «Школе молодой хозяйки» научилась готовить, сшила сама модную юбку. Парень благодаря усилиям воспитателя научился считать с соседями, ходит опрятный, в школе перешел с троек на твердые четверки. Маленькие победы... И вот наступает момент, когда приходит за советом: люблю, дескать, хотим быть вместе, одобряете или нет? Бывает, поставит в тупик. Дело-то деликатное: отговоришь, а там любовь, шанс человеку стать иным, перестроить жизнь... Любовь же необыкновенная сила! Вот и мучаю сомнениями... Но, главное, советую не спешить, понять получше друг друга, серьезно взвесить все «за» и «против».

Я сама выходила замуж в общежитии, здесь же, в Ангарске. Мужа вскоре призвали в армию, у меня дочка родилась, а я в то время в институте училась заочно. Вот уж где ребята да подружки выручали! Сдам сессию, прежде из Иркутска с экзамена, так не знаю, в какой комнате дочку искать. Весь этаж ее нянчил.

Очень хочется, чтоб и для каждого из моих подопечных общежитие стало таким же теплым, родным домом, где постигаются навыки коллективизма, взаимовыручки. В будущих семьях наверняка «сработает» все, что мы стараемся привить парням и девочкам, порой с таким трудом, с таким терпением.

***

Стиль жизни, влияние его на атмосферу молодой семьи...

Возвращаешься памятью к ангарским встречам, и среди черт, присущих этому сибирскому городу, выделяешь одну. Вот какую. При относительной молодости Ангарск—город уже второго поколения своих строителей, своих тружеников и патриотов. И сегодняшнее поколение входит в самостоятельную жизнь, получая в наследство то, что создано первостроителями. Не только город, его заводы, школы, Дворцы культуры, но и его традиции. В том числе и традиции создания семьи.

О скольких замечательных семьях упомянули мы в этой главе? К сожалению, журнальная площадь позволила только назвать Ермоловых, Цыганковых, Суворовых, Юферовых. Пример этих семей, их нравственный опыт важен не только для детей, подрастающих в них. Он важен и для тех, кто работает рядом, кто живет по соседству.

Т. РЯБИКИНА,
Т. ХИЗАНШВИЛИ

г. Ангарск,
Иркутская область.

ЖАЖДА ПРАЗДНИКА

Для Елены Малай мир делится на две неравные части (пропорции она для себя еще не установила): на тех, кто живет с открытыми и кто живет с закрытыми глазами. К последним она относит прежде всего людей равнодушных. Сама Елена, если принять ее систему, относится к первой части человечества, и это становится ясно сразу же, как познакомишься с этой невысокой сильной женщиной, взглянешь на ее огромные черные глаза, выражение которых меняется с каждым произнесенным Еленой словом.

...Когда я пришла к Малай впервые, она сидела в своей безукоризненно чистой кухонке в ярком байковом халате и накапывала в стакан валерьянку. Дверь мне открыл юноша. «Мой сын, Иван Григорьевич, ему семнадцать лет»,—представила Елена сына, и тот степенно, с достоинством наклонил голову в знак приветствия. Потом он исчез за дверью и ни единым звуком не помешал нашей долгой беседе...

Елена, можно Елена Лукьяновна, едва прошла первая минута замешательства—все-таки незнакомый человек в доме,—рассказала, зачем валерьянка и почему так дрожат ее руки.

— Представляете, еду с работы, народу в троллейбусе полно, и вижу—сидит девушка, розовенькая, хорошенькая такая. А перед ней старушка топчется. Шепчу девушке, чтобы уступила место. А она как зыркнет на старушку: «Пенсионерка. Весь день отдыхает!»

На этих словах Елена остановила рассказ, возмущение захлестывало ее.

— Ну как можно так жить? Как?

Она спрашивала у меня требовательно и напористо, потому что сама не в состоянии была понять ту розовенькую девушку. Но не такова Елена, чтобы возмущаться бездейственно.

— Когда она так сказала, у меня аж в глазах побелело. Побросала я свои сумки и девочку эту за воротник подняла с места. Мышь выпрыгнула из троллейбуса!—И сказала потрясенно, даже не мне, а самой себе:— Бывает же, люди с закрытыми глазами живут...

...Приехала как-то с сыном к маме в родные Замчежи, разбросавшие свои беленые домики по склону зеленого холма. Село их—как остров в море виноградников; насколько видит глаз, до самого горизонта тянутся идеально ровные шпалеры. А одну делянку по какой-то причине выкорчевали. Бетонные столбы, на которые натягивается проволока—она поддерживает кусты,—были вырыты и убраны. А сама проволока валялась в беспорядке на земле, и было ясно, что за ней уже не вернуться.

Елена не присела после дороги отдохнуть, почеловала мать в щеку и исчезла. Вернулась черная, злая. Искала бригадира. «Я ему сказала... Говорю: у тебя совесть есть, сознательность у тебя есть? Не знаешь, что стране металла не хватает? А сколько его одному БАМу нужно!»

Вот какой я узнала Елену Малай—беспокойной, сложной, с не очень удобным характером.

Открытость всякому внешнему впечатлению, неспособность уснуть спокойно, если стала свидетелем несправедливости, черство-

сти,—самые замечательные черты Елены. Она человек общественный.

А теперь нам предстоит разобраться в том, почему Елена Малай, которая не может спокойно пройти мимо брошенной бесхозно проволоки, которая не совсем, может быть, педагогично, но с горячностью неравнодушного, непримиримого человека «воспитывала» наглуго девушку в троллейбусе, в цехе своем—другая? «Я стараюсь не ходить на собрания, не пишу обязательств. А если пишу, то только чтобы от меня отстали»,—призналась она.

Как вышло, что человек с «общественной жилкой», к тому же прекрасный работник (а сверловица Малай, по всеобщему мнению, одна из лучших в цехе) оказался совершенно выключенным из активной общественной деятельности?

Всегда ли была Елена безучастна к жизни предприятия, где работает? О нет! Придя на Кишиневский тракторный завод девять лет назад, она не пропустила ни единого собрания, а обязательства по социалистическому соревнованию несла в цехом одной из первых.

Понимаете, объяснила это Малай, невозможно жить только тем, что заработал хорошо, включил—выключил станок, и все. Человеку этого мало. Человеку нужен не только труд, но и радость труда, не просто жизнь, а интерес в ней.

«Как я мечтала выполнить пораньше девятую пятилетку, как мечтала!—вспоминает Елена.—Над обязательствами целый вечер сидела. Наутро отдала профоргу и сказала себе: «Ну, Лена, теперь ни минуты тебе нельзя терять». Год прошел, второй, третий. Моя пятилетка к концу идет. Домой прибегу, каждый раз считаю, сколько шатунов обработала. В день, когда я, по моим подсчетам, пятилетний план выполнила, как на крыльях летала. Вижу, идет Галина Ивановна Дубровина, наш профорг. Думаю, сейчас меня поздравит. А она мимо... Я после того день, другой работаю—одно недоумение: столько говорим о важности соревнования! Но что же это за соревнование, если за ним не следят?»

Не могла Елена пережить все это молча. На третий день пошла к Дубровиной, пошумела... Галина Ивановна спохватилась, проверила данные. Действительно выходило, что Малай план девятой пятилетки выполнила меньше чем за четыре года. В цехе появилась «молния», но радости и гордости за свой успех Елена уже не могла испытать: «Я как будто это вытянула из них...» Через некоторое время Малай пригласили в завком: председатель достал из сейфа часы и, как говорит Елена, «сунул» их ей в руку, проговорил поздравления...

После этого обязательства по соревнованию приходилось из нее уже вытягивать.

Но, может быть, история эта нетипичная? Ответ на этот вопрос мы искали уже с помощью Галины Ивановны Дубровиной. Но прежде я поговорила со многими работниками цеха и составила некоторое мнение об организации соревнования. А теперь с Дубровиной вместе мы листали профсоюзные бумаги...

Формализм—вот слово, которое чаще всего

звучало в рассказах рабочих цеха и чаще всего приходило на ум, когда я изучала документы цехкома. Обязательства. Формально они приняты каждым, вписаны в книги профорогов. Но данных о ходе соревнования нет иногда и за полгода.

Откроем одну такую книгу, на той, например, странице, где обязательства молодой работницы Ольги Стефанко. Ольга пишет, что берется выполнять норму на 115—120 процентов. А рядом стоят цифры, из которых явствует, что в апреле минувшего года, и в мае, и в августе ей удавалось выполнять норму только на 70—85 процентов. Среди бумаг находим объяснение мастера участка, где работает Стефанко, по поводу такой производительности: у девушки низкая квалификация, она и сто процентов редко вытягивает.

Приглашаем Ольгу для разговора. Откуда в ее обязательствах заведомо нереальные цифры?

Девушка припоминает:

— Ну, мне сказали: напиши что-нибудь...

Судя опять-таки по бумагам, за Ольгой закреплена наставницей А. Ф. Чекан. Знает об этом Стефанко?

— Чекан? Нет. Чекан на меня кричала. Она два дня так меня учила, а потом я перешла в другую смену...

Откроем еще страницу — с обязательствами Евгении Дарий. Здесь тоже явная неувязка: обещание высоких результатов и хроническое невыполнение нормы.

Как же сама девушка объясняет свое отставание? Вопрос мой удивил Женю несказанно:

— Как это я не выполняю норму?

— Да, и в бухгалтерии и у профорга одни и те же данные — до нормы редко дотягиваешь.

— Я не знала...

— А кто у тебя наставник?

— Не знаю.

Судя по бумагам, за Дарий закреплена Нина Крача.

Дубровина пришла Жене на помощь:

— Ты Нину Крача знаешь?

— Знаю. Она в другой смене. Она мне не помогает.

— Ты помнишь, кого вызывала на соревнование?

Когда молчание затянулось, Галина Ивановна подказала:

— У тебя записано: Лукаревскую.

— Так она давно уволилась...

Можно перелистать еще десяток-другой страничку, но, думаешь, достаточно.

«Кто впереди, кто позади, не знаем, — говорила мне наладчица Наталья Набатова. — И по какому принципу подводятся итоги, не ведаем».

А если подведут итоги и выделят на участок премию, то премию выдают по ведомости, вместе с получкой.

Женщины до сих пор вспоминают, как их поздравляли с 8 Марта: «Дали, кажется, по десять рублей. Вызывали к президиуму, вручали конверты. А рядом сидел кассир и ловил, чтоб расписалась». И опять этот мотив — жажда праздника: «Вы поймите, нам не деньги, не подарки нужны, мы хорошо зарабатываем. Хочется, чтобы было торжественно и красиво».

Рассказали женщины и самый свежий случай: «Когда провозжали на пенсию уборщицу, тетю Настю Мидричан, дали ей почетную грамоту и конверт, якобы с деньгами — 40 рублей. Но конверт (Анастасию Алексеевну об этом заранее предупредили) был пустой, а деньги она получила опять-таки через кассу. Вся трудовая жизнь Анастасии Алексеевны Мидричан прошла на КТЗ, трудилась она, как написано в грамоте, безупречно, и больше подобного повода для чествования у нее не будет. Может, на те же деньги купили бы подарок и вручили при всех, когда через народ — это красивее».

Социологи, психологи, изучающие трудовые

коллективы, отметили такую тенденцию: в наши дни конфликты внутри производственных коллективов все заметнее перемещаются из круга материальных вопросов в моральную сферу. Женщины из 2-го механического, получившие к 8 Марта премию, не о том сожалели, что премия мала. Они хотят, чтобы в их жизни было, как в песне: «Трудовые будни — праздники для нас».

Я задала Малай вопрос, нравится ли ей работа. Елена заулыбалась так, точно я спросила, любит ли она сына. «Я жизни без завода не представляю. Сверлить никогда не надо-едает». Ее никто не просил — сама взялась работать на двух станках, потому что соседний часто простаивает. Ее не уговаривают — когда есть необходимость, сама останется после смены, чтобы обеспечить деталями смежный сборочный цех.

Рабочих, умеющих делать свое дело и добросовестно и любовно, в цехе много. Н. И. Молокоедова, Ф. П. Моисеева, В. И. Драгнева, Т. Ф. Стефанко... Список можно продолжить. Но люди, требовательные к себе, способные находить интерес и красоту в будничном труде, по справедливости требовательны и к окружающему. Красоты и небудничности ищут они в каждом дне своего цеха и завода.

Все, о чем здесь шла речь: соревнование, премии, активные трудовая и общественная, и шире — проблемы морального климата в коллективе, — все это живо интересовало рабочих и даже тех, кто числится в рядах равнодушных. Стоило мне заговорить с одной работницей, как к разговору подключалась другая, третья. В раздевалку, куда мы заглянули в обеденный перерыв с тремя женщинами, к концу разговора набилось человек сорок. Видно было по всему, что наболело.

Но почему же те, с кем я встречалась, с такой же страстью не говорят обо всем на собраниях, где можно что-то решить и исправить? Почему, например, Елена Малай с ее-то решительностью и горячностью молчит?

В первое время, объясняет Елена, раза два высказалась. А потом увидела: можно годами говорить об одном и том же, и дело не сдвинется с места.

О чем же шумят цеховые собрания? Не только о выполнении планов, соревновании идет здесь речь, но и о вещах гораздо более прозаических, без которых, однако, тоже невозможно поднять трудовые будни до высоты праздника.

Какой может быть праздник, например, если в цехе негде напиться, вымыть руки? Летом жарко, зимой холодно настолько, что рабочие вынуждены рядом со станками жечь костры. Услышав слово «костры» впервые, я решила, что ослышалась: выданное ли это дело — в цехе? Но мои собеседники подтвердили: действительно, жгут. «Приходим зимой на смену и давай шарить по цеху, где дощечка, где картонка валяется. И запаливаем, благо полы где каменные, где железные. Начальство ругается, да что можно поделать. Иной раз за ночь эмulsion на станках замерзает».

А по всем медицинским законам и по технике безопасности температура должна быть в цехе не ниже 16 градусов тепла.

Г. И. Дубровина — профсоюзный лидер со стажем (она уже несколько лет председатель цехкома), человек, обаянный горой стоять за интересы рабочих, не знает, какой должна быть температура в цехе. Объяснить это можно только полнейшим равнодушием к требованиям работниц. Иначе бы боролась, покоя не давала администрации цеха, пошла бы к директору, в совпроф, но добила бы улучшений.

Комнаты гигиены женщин, которую обещано открыть много лет назад, не существует. А сколько жалоб на немислимо тесную и неудобную раздевалку! Когда мы зашли сюда, здесь стояла одна-единственная скамейка. И это на 160—180 человек! «И ее выброшу, — решительно пообещал мастер А. А. Бочинский. — Они

сюда спать приходят на лавках. Работать надо, а не спать».

Вслушиваем это вместе с Дубровиной. Председатель цехкома не возмущается, не урезонивает мастера, не требует (как должна бы) немедленно доставить сюда необходимое количество скамей, а заодно устранить другие безобразия, а мягко уговаривает Бочинского: «Ну, чего ты расшумелся? Чего?»

Стоит отметить, что примерно в таком же ключе говорил о бытовых проблемах и председатель завкома КТЗ С. С. Паску. Спокойно, невозмутимо он признал, что все отмеченные недостатки имеют место, но и причина тому есть: руки до всего не доходят. Объяснение такому благодущию и спокойствию дал, желая того или не желая, начальник 2-го механического цеха Я. И. Побережный. В одном из разговоров он обмолвился: «До КТЗ я работал на Алтайском тракторном. Там за быт, извините, шкуру драли. Здесь не то, здесь главное — план».

Быт на Кишиневском тракторном — забота не первой важности. Неловко даже повторять известные всем истины: условия труда — это здоровье, настроение рабочих. В конечном счете — производительность труда, производственные успехи всего предприятия. Но есть у бытовых проблемы еще одна сторона, не менее важная. Состояние цеховой раздевалки и общественная активность, сломанный кран и участие в социалистическом соревновании... Далекие, из разных пластов жизни понятия эти тесно связаны. Если рабочие множество раз горючат на собраниях о сломанном кране и не могут добиться, чтобы его починили, не удивительно, что некоторые из них со временем перестают верить в собрания и в себя, как силу, способную что-либо изменить.

«Ах, поторопились женщины, не хватило у них терпения», — подосадовал начальник цеха, когда я, представившись, сказала, что в «Работницу» пришло письмо о беспорядках во втором механическом. Говоря «поторопились», Я. И. Побережный вот что имел в виду: он работает в цехе всего два года, многое успел сделать — подтянул низкие прежде производственные показатели, построил клуб, под толком цеха соорудил антресоли. Клуб рассчитан на 350 человек, он красивый, даже элегантный; ни одна делегация, посещающая завод, клуба не минует. И планы у начальника цеха обширные, в духе времени: построить, например, в цехе зал психологической разгрузки — радующий глаз интерьер, мягкая музыка, цветы... Но почему у руководства цеха, сумевшего выкроить деньги на красивый клуб, не нашлось средств на такую малость, как переделка туалета?

Нет, это не женщины поторопились — это администрация цеха медлит непростительно.

А что же Елена Малай, с которой начался наш разговор? Легко ли ей дается это — не выступать, не участвовать? Нет, Малай изменила бы самой себе, если бы могла совсем успокоиться, подавить в себе голос гражданского долга (много ли достоинства в молчании?). Однажды она села за стол и написала в редакцию нашего журнала письмо. Написала, прежде посоветовавшись с подругами в цехе, которые горячо поддерживали ее идею, решили стать соавторами, но, пораздумав, ставили свои подписи воздержались. «Ты не сердись, Лена, — сказала одна. — Я подпишу, а мне потом, пожалуй, путевку не дадут».

А Елена, сгорая от волнения («Я первый раз писала в редакцию, да еще так далеко, в Москву»), бухнула письмо в почтовый ящик.

«Теперь ты все знаешь, «Работница». Больше я не тороплюсь давать обязательства и на собрания стараюсь не ходить. Зарабатываю на жизнь, и на этом все. Но права ли я? Разве такая жизнь может принести радость?»

Л. ТАРХОВА

о цехах Свердловского камвольного комбината мы ходили с Зинаидой Петровной Долгошеиной.

В грохоте и гуле прядильного, ткацкого и отделочного производства совершалось обыкновенное чудо. Груды сероватой, свалывшейся, в колючках шерсти превращались в красивые, благородные ткани с затейливыми переплетениями.

Зинаида Петровна производство знает досконально. Рассказывая, она успевала на ходу привычным движением связать узелком разорванную нить, напомнить о намеченном на сегодня совещании. Остановила молоденькую ученицу: «Что ж ты, Галя, без спецобуви? Не нравится? А стоптанные шлепанцы, по-твоему, украшают женщину?» И вздохнула: «Никак не привыются в цехах парусиновые ботинки-босоножки».

Двадцать лет назад, когда в Свердловске рядом с гигантами тяжелой индустрии — «Уралмашем», «Уралэлектротряпмашем» и другими — начал расти их «легкий» собрат, потянулась сюда молодежь. Им и теперь далеко до старости — ветеранам камвольного, его ровесникам по трудовому стажу.

— Я постарше, — смеется Зинаида Петровна, — работала на комбинате, когда его еще не было.

Занятия в кружке «Хозяйка».

ПРОЧНОЕ ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ

Да, Долгошеиной и другим ее подругам, прежде чем стать прядильщицами, пришлось овладеть профессией строителя. Сами достраивали цеха, в которые потом пришли работать.

Комбинат продолжает строиться и сейчас. Расширили цеха, соединили производства подземными переходами, заканчивают отделку нового бытового корпуса с красным уголком, еще одной столовой, душевыми, раздевалками. Недешево — почти в два миллиона — обошелся этот корпус комбинату, зато лучше станут условия труда и быта камвольщицков.

Одна из примет нашего времени — особые отношения человека с предприятием, где он работает. Не так просто: ты отдаешь свой труд, взамен получаешь деньги. Прозвенел звонок — и долгие мысли о работе. Современное производство требует не только физических сил, но и ума и сердца. Больше отдавая, рабочий и неизмеримо больше получает. Мы не говорим о глубоком моральном удовлетворении, о высоком уважении к мастеру своего дела. На глазах рушится традиционный барьер между «частной» и «производственной» сферой жизни. Здесь, на работе, наши друзья, с которыми, едва расставшись у проходной, мы спешим встретиться снова, вместе отдыхаем, вместе развлекаемся. Здесь мы учимся, пополняем знания, обмениваемся информацией. Здесь — наша большая семья, коллектив, где старшие, опытные опекают и воспитывают младших, где радуются успехам товарища и огорчаются неудачам. Где всегда помогут, не оставят в беде.

Как и положено в хорошей семье, все заботы — общие. Как живет человек? Как обедает? Как проводит свободное время и отпуск? Здоров ли, хорошо себя чувствует или нуждается в лечении? Даже домашние дела членов трудового коллектива не обходят предприятие своим вниманием, облегчая быт людей, их заботы о детях, о семье.

Большинство рабочих Свердловского камвольного живут в выстроенном комбинатом поселке или, как говорят сами камвольщицы, «на поселке», так же как и «на комбинате», как бы уравнивая производственную и непроизводственную сферы жизни, сводя их воедино.

Поселок — микрорайон вполне современной планировки — хотя не так быстро, как хотелось бы, строится, растет.

Каждый год на комбинат приходят девушки (производство-то женское), закончившие школу и получившие специальность в техническом училище комбината. Для всех новичков найдется место в рабочем общежитии — современных, светлых домах со всеми удобствами. Живется там весело, дружно. И наверняка через несколько лет уже в отдельной уютной квартире (поработают — заслужат) будут эти девушки с теплотой вспоминать свой общий дом.

Василий Григорьевич Бондаренко, директор комбината, сказал, что на сегодня все нуждающиеся общежитием обеспечены. Но это сегодня... А завтра изменятся потребности. Вот и заложили еще одно — четвертое по счету — общежитие.

На Свердловском камвольном из списка причин увольнений по собственному желанию давно и навсегда исчезла мотивировка: «Из-за необеспеченности детскими учреждениями». Детских дошкольных учреждений у комбината достаточно. И все же продолжают строить — более современные, чтобы больше детей могли оставаться на пятнадцатке.

Никому не отказывают и в путевке в пионерский лагерь. Лагерь неплохой: утеплены дачные домики, выстроена красавица-столовая

В гостях у работниц Дом моделей.

В профилактории.

Фото Н. МАТОРИНА.

Пока мама на работе.

(она же клуб). Но работы по реконструкции не прекращаются—совершенствуется система энерго- и водоснабжения.

Мы были в светлых и уютных домках детских владений с Надеждой Ивановой Шмидт, заведующей детским сектором профкома. В течение рабочего дня ее можно найти в подшефной школе, в поселковом клубе «Спутник», любимом детьми камвольщиков, на соревнованиях «Веселые старты», в Доме культуры, на экскурсии—только не в служебном кабинете.

Важные карапузы только пришли с прогулки и толпились вокруг тети Тины, которая развязывала и расстегивала бесчисленные шнурки и пуговицы. Не так давно Тина Михайловна Семенова работала мотальщицей в преготовительном цехе. Спрашиваю, почему решила уйти с комбината. На ее лице недоумение: «А разве я ушла? Мы тоже трудимся на камвольном. Без нас и нормы бы не выполнялись, я уверена. От материнских сердец все нити сюда идут».

Воспитательницы и нянечки, методисты и завхозы, повара и медсестры в порядке общей комбинатской очередности получают квартиры и санаторные путевки, отправляют своих детей в пионерский лагерь, на равных участвуют в соцсоревновании с цеховыми коллективами, имеют тринадцатую зарплату, занимаются в группах здоровья, тренируются в бассейне и лечатся в профилактории.

В уютном двухэтажном коттедже профилактория бросается в глаза чистота, домашность отношений. Книга отзывов полна благодарностями Серафиме Михайловне Макаровой, Галине Алексеевне Карпуновой, Татьяне Егоровне Еланцевой—словом, всем заботливым и приветливым хозяйшкам профилактория.

Давно забыли на комбинате времена, когда носили с собой на работу бутерброды, чайники в цехах кипятили. Сейчас все обедают в заводской столовой: вкусно, быстро, недорого... Столовая камвольного вышла на второе место в соревновании предприятий общественного питания района, у нее переходящее Красное знамя треста.

Григорий Львович Подольский, директор столовой, молодой, энергичный. По его инициативе проводятся, например, конференции посетителей столовой. Все критические замечания и предложения учитываются.

Тяжело стало выполнять план по сдаче пищевых отходов. «Да-да,—смеется Подольский,—чем лучше мы кормим, тем меньше остается на тарелках».

Не так давно ввели комплексные обеды, и очередей как не бывало. Один комплекс на раздаточном прилавке слева, другой справа. Пришлось мне слышать такой диалог: «Ты что ешь будешь—«направо» или «налево»?» «Я возьму «налево»—там, говорят, сегодня щи хороши». Тесновато пока в диетзале, где по льготным ценам можно получить рекомендованные врачом диетические блюда. Но и это «узкое место» скоро исчезнет—в новой строящейся столовой предусмотрен большой диетзал.

Накормить хорошим обедом—главная, но далеко не единственная задача столовой. Особой популярностью пользуются дегустации. Опытные повара объясняют, как приготовить понравившееся блюдо, учат сервировать стол. Зоя Егоровна Дудина, прекрасный кулинар, ведет в общежитии кружок «Хозяйшка». Обзаведутся девушки семьей, заживут своим домом и не раз с благодарностью вспомнят уроки Зои Егоровны.

По пятницам в столовой царит аромат свежей сдобы. Ломятся столы от кондитерского великолепия: воздушных пышек и ватрушек, песочных коржиков и пирожных, кулебяк и расстегаев. И нет, кажется, на комбинате человека, который пришел бы в этот день домой без гостинца.

Григорий Львович замечает: «Конечно, нам приятна такая популярность, но, кроме того, мы и в выигрыше: в этот день столовая получает двойную выручку...»

По вторникам многие камвольщицы приходят на работу с сетками, сумками, набитыми туфлями, ботиночками: работает приемный пункт обувной мастерской. Можно починить старую обувь, сшить на заказ новую.

Периодически художники Свердловского Дома моделей показывают камвольщикам платья и костюмы, выполненные из тканей комбината. И в работе подсказка, и просто интересно узнать о направлении современной моды, подобрать фасон для себя.

И о том подумали на комбинате, что современный человек испытывает тоску по земле, тягу к природе,—предложили заняться садоводством и огородничеством. Любители садоводства получили участки, где можно посадить плодовые деревья, кусты, поставить летний домик. Правда, далеко от города, но комбинат помогает с транспортом.

...Мы идем по ткацкому цеху. На станках надетье на подставки-елочки бобины разноцветных ниток.

— Видите,—объясняет Зинаида Петровна,—продольные нити—основа, поперечные—уток. Не будет правильного переплетения их—не будет и прочной ткани.

И я думаю: вот так из верного переплетения забот производственных и бытовых рождается то, что называем мы стилем жизни рабочего коллектива.

О. ВИЛЬЧЕК

г. Свердловск.

Алексей КАПЛЕР

Дорогие друзья! В первой нашей беседе я просил написать, о каких фильмах хотелось бы вам услышать, а также задавать вопросы, касающиеся как творчества отдельных режиссеров, актеров, операторов, художников, так и проблем нашего киноискусства, его истории.

Писем в адрес редакции пришло уже много. Но сегодня я отвечу лишь на два из них, очень разных по сути.

Кадр из фильма.

НЕСПОСОБНОСТЬ К ПОСТУПКУ

Авторы первого (кстати, писем с аналогичной просьбой не одно—десятки) настоятельно просят рассказать о фильме «Неоконченная пьеса для механического пианино», снятом Никитой Михалковым. Фильм этот идет в кинотеатрах страны больше года, и хотя я уже не раз и устно и письменно говорил о нем, с радостью повторю то, что думаю по поводу этого прекрасного произведения, которое считаю радостным событием нашего киноискусства, произведением высокой культуры, строгой формы и безупречного вкуса.

Итак, «Неоконченная пьеса для механического пианино».

...Восьмидесятые годы прошлого столетия. Помещицья усадьба, сборище нелепых персонажей, из коих одни намерены принести пользу простому народу, одаривая крестьян своим вышедшим из моды платьем, другие проявляют ненависть к этому же народу, страшатся его. И на фоне распада дворянского быта—судьба бывшего студента Платонова.

Казалось бы, далекое прошлое, но почему же с таким напряженным вниманием смотрим мы эту картину?

Да в том-то и чудо и гениальность Чехова, что произведения его общечеловечны. Мы воспринимаем его героев так же, как шекспировского мавра, Ромео и Джульетту, байроновского Дон-Жуана или Хлестакова Гоголя. Не будь этого, разве играли бы Чехова сегодня не только в нашей стране, но и во всем мире?

Жизнь чеховских героев никого не может оставить равнодушным. Их нравственное влияние непреходяще. Будоражит мысль, страницы чеховской прозы понуждают нас по-новому взглянуть на сегодняшние моральные ценности и на те процессы, что происходят в нашем обществе и в среде нынешней молодежи.

Платонов—человек одаренный, умный, в юности много обещавший, но жизнь которого так обидно не состоялась. Неспособность на поступок, на действие—ведь это так же актуально сегодня, как было актуально в прошлом веке.

Эта картина, как я уже сказал, о человеке, которому многое было дано природой, но который предал самого себя, свои способности, свой ум, свою жизнь, при этом думая, что ему просто не представляется случая совершить нечто большое, честное... И так незаметно он уговаривает себя: представится случай, он покажет, на что способен.

Но вот и случай: он встречает женщину, которую некогда любил, узнает, что она не любит мужа, а он, как известно, не любит своей

жены, вот, казалось бы, и повод сказать этой женщине: зачем ты вышла замуж, не любя? Вот и случай быть честным самому—совершить решительный шаг, изменить сложившийся, привычный ход жизни. Только Платонов не способен на это. И, как ни странно, обвиняет в этом других. Других, но не себя...

Действительно, стоит только раз сказать себе: ладно, один раз сдамся, от одного раза ничего не изменится, а дальше... А дальше оказывается бесконечный путь отступлений и компромиссов.

Николай Трилецкий, которого интересно играет сам Н. Михалков, при всех отличиях, в сущности, вариант Платонова. Когда несчастный конторщик Горохов с фабрики просит Трилецкого, совершенно свободно в данный момент, посмотреть его больную жену, тот отказывается. «Завтра,—говорит он,—в крайнем случае... послезавтра».

Позже Платонов скажет Трилецкому: «Бездельник! Ты единственный доктор на всю округу, а у тебя как милостыню просят того, что ты давать обязан...»

Все роли в этой картине сыграны блестяще. Поразительно интересен Щербук—Олег Табаков, но Платонов Александра Калягина и доктор Трилецкий Никиты Михалкова—явления особые.

Если верна по отношению ко всему решению картины формула «отражение сильнее луча», о которой говорил мне режиссер, то она в самой полной мере относится к ролям Платонова и Трилецкого. Приведу хотя бы один пример такого «отраженного луча».

Платонов, раздраженный своей женой (актриса Е. Глушенко) и Софьей (актриса Е. Соловей), входит в комнату. Мы видим, как он наливает водку в рюмку, но не видим, как он пьет. Вместо этого нам показывают мальчика Петю, который в этот момент смотрит на Платонова: мальчик сморщился, и мы понимаем, что сморщился от отвращения к водке и Платонов, и одновременно понимаем, почему он пьет. То есть режиссер не впрямую, а отраженно продолжает рассказ о внутреннем состоянии Платонова. И такой рассказ действует, на мой взгляд, гораздо сильнее.

Пишу, вспоминая картину и все больше убеждаюсь: чеховская, необыкновенно чеховская это картина, где драматическое то и дело разрешается комедийно, а комическое вдруг оборачивается драмой.

Режиссеру нужна была большая художественная дерзость, чтобы позволить себе с такой свободой обращаться с произведениями Чехова—черпать материал для картины в ранней, малоизвестной пьесе «Платонов», в рассказе «В усадьбе», в «Учителе словесности», в «Трех годах», в «Моей жизни»...

В итоге мы увидели нечто органически цельное и, как я уже сказал, бесконечно чеховское, щемяще чеховское, трогательное по-чеховски, по-чеховски жалкое...

Фильм необыкновенно глубок и многогранен. Кому-то покажется главным то, о чем уже сказал я, кому-то совсем другое, а кто-то не без основания будет утверждать, что главное тут все-таки любовь—прекрасная, возвышающая, которую убедительно и точно сыграла молодая талантливая актриса Елена Глушенко.

А вспомните финал картины. Как он серьезен и глубок! Вот завершилось действие, неким фарсом обернулось неудачное самозабвение Платонова, собираются вокруг него люди... И вдруг нам показывают спящего мальчика. Это совсем не случайный эпизод в фильме: мальчик напоминает нам, что все люди, о которых рассказывал фильм, все эти жизни не будут существовать в будущем, в том мире, где станет жить этот мальчик... Наступит совсем другая жизнь. Жизнь, про которую мы с вами уже хорошо знаем...

СЮЖЕТ ДЛЯ БУДУЩЕГО ФИЛЬМА

А вот совсем другое письмо—из Керчи. Софья Васильевна Немоляева пишет, что ежегодно приезжает в Керчь, чтобы побывать в аджимушкских катакомбах, где (в числе тысяч и тысяч советских людей) погибли ее мать и младшая сестренка. Софья Васильевна совершенно справедливо недоумевает: до сих пор не создано фильма об одной из героических страниц Великой Отечественной войны—аджимушкской трагедии.

Это письмо особенно задело меня, так как и я приезжал в майские дни Победы в Аджимушк, где ныне над катакомбами воздвигается грандиозный мемориал в память о погибших здесь советских людях.

Из многих тысяч пленников аджимушкских подземелий уцелели всего двадцать пять человек. И каждый год седьмого—восьмого мая съезжаются эти люди сюда. Приезжают и родные погибших в те страшные сто семьдесят дней и ночей сорок второго.

Впервые я увидел оставшихся в живых защитников аджимушкских катакомб в день тридцатилетия Победы. Они сидели на искалеченной аджимушкской земле, где жены и вдовы погибших расстелили скатерти и устали их едой. Вокруг лежала мертвая, вся в

глубоких воронках земля. Даже то, что она давно поросла травой, и светило майское солнце, и небо было безоблачным не только над Аджимушкой, но и над всей нашей страной.—даже это не могло умерить чувства трагизма: казалось, будто то страшное лето пропитало здесь воздух, каждую травинку...

В сорок втором году, когда наши войска вынуждены были отступить из Крыма, в аджимушкских катакомбах прятались бойцы, прикрывавшие отход Красной Армии. Вместе с ними оказались солдаты и командиры, оторванные от своих частей, и только что выпущенные из училища молодые летчики, и бегущие от врага мирные жители—женщины, дети, старики. И госпитали, переполненные ранеными, которых не удалось эвакуировать, тоже были укрыты в бесконечных подземных коридорах.

Нашлись волевые командиры—полковник Ягунов и старший батальонный комиссар Парахин, которые в этих условиях сумели сколотить военное ядро, создать боевые части, распределить оружие, объединить продовольствие и наладить раздачу скудных пайков.

Вскоре из катакомб начались боевые вылазки против фашистов. Иногда таким путем удавалось добыть трофейное оружие и боеприпасы. Во время этих вылазок под прикрытием огня доставали воду из колодца. Немцы обнаружили колодец, и вскоре все пространство вокруг него было изрыто минами и простреляно огнем пулемета. Люди в катакомбах погибли от жажды. Умирали от жажды раненые в подземном госпитале, умирали дети...

И однажды девушка—медицинская сестра,—держа в руке ведро с привязанной к нему веревкой, подошла к пролому, наклонилась и шагнула на волю.

— Почему пустили?—охрипшим голосом закричал командир.

Дежурившие у пролома бойцы виновато молчали.

Немецкий пулеметчик почему-то не стрелял.

Медсестра вышла открыто, не таясь, при ярком дневном свете, под белым слепящим солнцем, заливающим истерзанную землю Аджимушка. Была то тень человека—девушка в ислетлившей гимнастерке, в зеленой некогда юбонке. На голове пилотка со звездочкой.

Пулемет продолжал молчать.

Выйдя на волю, на свет, медсестра зажмурилась, прислонилась к скале и долго кашляла, слезывая на землю черную слюну.

Немецкий пулемет все молчал.

Наконец отчаянная девочка оторвалась от скалы, поправила пояс на гимнастерке, взглянула на небо и пошла вперед к колодцу.

Сквозь прорезь пулемета немцу, несомненно, видно было каждое ее движение—вот обходит она убитых, вот все ближе, ближе колодец.

Из расщелины скалы люди напряженно следили за каждым ее шагом. Опустила ведро в колодец. Стала выбирать веревку... Полное прозрачной воды ведро стало на сруб... Девушка одернула гимнастерку и неторопливо, с ведром в руке пошла обратно к пролому скалы.

Как следили за каждым ее шагом глаза умирающих от жажды людей!

Ствол вражеского пулемета неотрывно двигался за ней.

Затаив дыхание, ждали люди в катакомбах. Казалось, уже целую вечность идет девушка. Вот она подошла к расщелине. Но перед тем как скрыться, посмотрела в сторону пощадившего ее врага. И улыбнулась.

В каменоломнях, у входа, погибающие от жажды солдаты, женщины, дети заворожено смотрели на ведро, поставленное на землю, ведро, в котором шевелилась серебряная вода...

Дважды удалось девушке пронести воду в катакомбы. Но на третий раз, когда она уже подходила с водой к расщелине скалы, простучала короткая пулеметная очередь, и, уронив ведро, девушка упала. Видимо, для верности, немец дал еще одну очередь по мертвой, по железному ведру. Ручеек крови стекал по земле и соединялся с ручейком воды, вытекавшим из расстрелянного ведра...

Почему враг дважды пощадил девушку, а на третий убил? Быть может, сменился пулеметчик или поблизости оказался офицер и солдат не посмел пропустить девушку? Почему? Никто никогда не узнает об этом. Этот трагический эпизод рассказал мне один из оставшихся в живых аджимушкцев.

Я опускался в катакомбы майским днем вместе с приехавшими из разных концов страны аджимушкцами. Они шли с цветами в руках к входу в подземный музей Славы, к могиле своих товарищей.

Спустились по деревянным мосткам, подошли к плитам братской могилы, возложили на нее цветы и стали выключать шахтерские лампочки, с которыми пришли, чтобы в темноте молча почтить память погибших героев.

Одна за другой гасли лампочки, и одно за другим исчезали в темноте скорбные лица.

Погасла последняя лампочка, наступила темнота. В этой темноте, в тишине слышался только слабый звук где-то просочившейся, теперь уже никому не нужной воды.

А мне показалось, что я увидел туманно проступающую сквозь тьму прекрасную девушку в ислетлившей гимнастерке, выходящую из подземелья навстречу солнцу, навстречу своей гибели во имя жизни.

Думаю, что трагическая и героическая эпопея Аджимушка, о которой писал товарищ Брежнев в приветственном послании городу-герою Керчи, обязательно должна стать и станет темой большого киноповествования.

Раздел ведет доцент Московского государственного университета, кандидат филологических наук
Илья Владимирович ТОЛСТОЙ.

Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий
Полный разума русский язык.

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ.

Мы часто повторяем, что о человеке судят по его делам, но забываем иногда, что слово тоже поступок. Речь человека—зеркало его самого. Все фальшивое и лживое, пошлое и

вульгарное, как бы мы ни пытались скрыть это от других, вся пустота, черствость или грубость прорываются в речи с такой же силой и очевидностью, с какой проявляются искренность и благородство, глубина и тонкость мыслей и чувств.

Одну из глав своей книги «Живой как жизнь»—книги о русском языке—Корней Иванович Чуковский начинает таким рассуждением:

«Какая-то «дама с собачкой», одетая нарядно и со вкусом, хотела показать своим знакомым, какой у нее дрессированный пудель, и крикнула ему повелительно:

— Ляжь!

Одного этого «ляжь» оказалось достаточно, чтобы для меня обозначился низкий уровень ее духовной культуры, и в моих глазах она сразу утратила обаяние изящества, миловидности, молодости...»

С помощью языка ребенок постигает мир. Первый и самый важный предмет в школе—это родная речь. И как бы ни были важны другие науки, которыми овладевает человек на протяжении всей своей жизни, главным его

достоянием остается великий и могучий, полный разума и свободы русский язык. Ибо только благодаря языку человек овладевает знаниями и опытом предшествующих поколений, всего человечества. Только благодаря языку, благодаря лучшим произведениям словесности каждый из нас познает себя через других, постигает законы человеческой жизни, учится уважению и любви к людям. Богатства языка и языковой культуры неисчерпаемы. Поэтому и нет предельной точки в овладении языком. Язык требует к себе активного отношения. Языку надо учиться. Каждый день. Всю жизнь.

Рубрика, которую вновь объявляет журнал, называется «Язык мой—друг мой». Цель ее—практические рекомендации, относящиеся к культуре устной и письменной речи. Мы постараемся удовлетворить любознательность читателей, отвечая на письма: о происхождении слов и выражений, о правильном произношении и написании слов, о трудных случаях словоупотребления—обо всем том, что может заинтересовать вас.

Ждем ваших писем!

Какое слово выбрать?

Существует много слов, близких по значению, образованных от одного корня: «войти» и «зайти», «оплатить» и «заплатить», «одеть» и «надеть». Объясните, пожалуйста, когда и какое из них употреблять?

А. СЕМЕРНИНА

г. Балашов, Саратовской обл.

Перед нами нередко возникает задача различить смысл слов, образованных от одного корня и сходных по звучанию. Такие слова языковеды называют паронимами. К примеру, слова «закончить» и «окончить». Мы одинаково можем сказать «закончить работу» и «окончить работу». Но в значении «пройти какой-либо курс обучения» употребляется только слово «окончить», например: «окончить школу», «окончить институт».

Рассмотрим слова «абонент» и «абонент». Абонент—это право пользования чем-либо в течение определенного срока, а также документ, удостоверяющий это право, например: «библиотечный абонент», «абонент в консерваторию». Слово же «абонент» означает: «тот, кто имеет абонент», например, «абонент телефонной сети», «платежная книжка абонента».

Нередко мы сталкиваемся с неправильным применением глаголов «войти» и «зайти». «Войти» значит «идя, двигаясь, проникнуть куда-либо»: «войти в комнату», «войти в кабинет» и т. п. А слово «зайти» означает: идя, по пути побывать где-либо, посетить кого-либо, навестить к кому-либо. Например: «По пути он зашел к соседу». Вот неоправданное употребление «зайти» вместо «войти»: «В купе зашел крестьянин с обветренным лицом».

— Извините,—сказал он.—Тут чистота, а я в пыли весь... Срочно понадобилось ехать, даже переодеться не успел». Из контекста ясно, что крестьянин не по пути, не из другого купе зашел, а именно вошел в купе.

Особенно часто допускаются ошибки в применении слов «надеть» и «одеть». Глагол «надевать» употребляется при наличии дополнения, обозначающего неодушевленный предмет. Что надеть? Надеть пальто, надеть платье. Неправильно говорить «одеть пальто»,

«одеть платье». Глагол «одевать» используется в том случае, если данному действию подвергаются какие-то лица или предмет: «одеть больного», «одеть ребенка», «одеть куклу».

При употреблении однокоренных слов нужно учитывать изменение, развитие их значений. Например, когда-то слова «сладость» и «сласть» четко различались по смыслу. Но затем эти слова (в формах множественного числа «сласти» и «сладости») сблизились в значении «кондитерские изделия, конфеты, варенье, мед и т. п.» стали синонимами.

Развитие языка приводит и к обратному явлению, когда синонимические слова расходятся в значении и становятся паронимами. Например, в 30—40-е годы употреблялись слова «дипломник», «дипломант» в значении «студент, выполняющий дипломную работу». В наши дни эти слова разошлись в значениях. Слово «дипломник» стало обозначать студента, выполняющего дипломную работу, дипломный проект, а слово «дипломант» получило новое значение—«победитель конкурса, призера смотря, состязания», например, «дипломант международного конкурса имени П. И. Чайковского».

Почему коза сидорова?

В русском языке немало пословиц и поговорок, в которых фигурируют разные имена, например: «Мели, Емеля, твоя неделя», «Драть как сидорову козу», «На бедного Макара все шишки валяются». И многие другие. Почему именно Емеля, Сидор, Макар?

Иногда имя выбирается только с целью создать рифмованную поговорку. Вот несколько примеров: «Какое Пахом, такова и шапка на нем», «Вроде Володи, на манер Кузьмы», «Федот, да не тот».

Иногда имя приобретает символический смысл. Так, в словаре В. И. Даля читаем: «Иван—самое обиходное у нас имя... от Дуная, Кубани, Урала и до Амура означает русского». «Вообще,—пишет В. И. Даль,—Иван—простак и добряк». Марья—также одно из самых распространенных женских имен в прошлом. Поэтому не случайны эти имена в поговорках: «Иван в дуду играет, а Марья с голоду умира-

ет». Не случайны и сказочные персонажи—Иван-царевич, Иванушка-дурачок, Марья-краса, Марья-искусница. Макар предстает в русских поговорках и пословицах бедным, несчастным, забитым человеком («На бедного Макара все шишки валяются», «Куда Макар телят не гонял»).

Сидор в пословицах и поговорках символизирует обычно богатого, но скупого и мелочного человека. Предполагают, что выражение «Драть как сидорову козу» идет от исчезнувшей сказки или притчи. В таком случае эта поговорка выражает стремление отомстить Сидору: если он сам недосажаем, то пусть хоть его козе достанется основательно. Емеля-дурачок—такую характеристику находим у Даля.

Имена в дореволюционной России имели сословный характер. Лишь в святцах список имен был общий. На самом же деле имена подразделялись на «дворянские» и «крестьянские». Например, в начале XX века невозможно было встретить ни княгиню Феклу, ни крестьянку Тамару. Отсюда становится понятным смысл пословицы «Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан»: действительно, имя Богдан было городское, а Селифан—деревенское.

Имя Матрена когда-то было одним из излюбленных в дворянской среде (что вполне естественно, если вспомнить, что оно было образовано от латинского слова «матрона» в значении «госпожа»). В начале же XIX века оно перешло в разряд «крестьянских». Писатели, обращаясь к именам персонажей, учитывают эту их историю. В. А. Иванов в книге «Имя и общество» пишет: «Дочь Кочубея в действительности звали не Марией, а Матреной—в начале XVIII в. имя Матрена было у дворянок в четверке самых частых имен. Но через сто лет дворянки брезговали им, как грубым, оно стало простонародным, первое место у них заняло имя Мария. И автор «Полтавы» пожедствовал подлинным именем, которое придавало образу нежелательную окраску».

Не совсем ясно происхождение поговорки «Наготовить, как на Маланьину свадьбу». Существует два предположения: 1) поговорка связана с пышной свадьбой донского казацкого атамана Ефремова со знаменитой красавицей Маланьей Карповой; 2) поговорка связана с «Маланьиними именнами». Так назывался день в честь святой Мелании, который приходился на канун Нового года.

В. ВАКУРОВ

В издательстве «Детская литература» готовится к печати книга журналиста-международника Леонида Колосова «Страна трех государств». Автор много лет проработал собственным корреспондентом «Известий» в Италии. Одну из глав книги, посвященную положению детей итальянских трудящихся, предлагаем нашим читателям.

...Школьные звонки начинают звенеть на Апеннинах 1 октября. Рядом с моим корпунктом в Риме находилась школа, и каждый год утром 1 октября я мог видеть торжественный «парад» школьников. Они шли, степенные и важные, — юные граждане и гражданки Итальянской республики, еще вчера по целым дням гонявшие мяч, носившиеся сломя голову на велосипедах, игравшие в куклы, а теперь «постаревшие» на один год и поэтому очень серьезные. Их сверстники в замасленных комбинезонах или замызганных передниках выходили из гаража, близлежащих магазинов, баров и столоярной мастерской, чтобы, проводив взглядом «избранных», вновь взяться за гаечный ключ, тяжелый поднос, рубанок, ящики и тележки: им нужно зарабатывать на кусок хлеба себе и своей семье. Впрочем, далеко не всех, кто торжественно шествует в первый класс, ожидает счастливая судьба. Из каждой сотни ребятешек, идущих к первому звонку, только 37 удаётся закончить обязательную школу. А остальные 63? Они рассеиваются, как правило, к третьему году обучения. Из-за того, что слишком дорого стоят учебники, форма, школьные принадлежности, из-за того, что еще много в Италии семей, заработок которых слишком мал...

На моей памяти много печальных детских судеб. Обо всех, конечно, не расскажешь. Да и нужно ли? Итальянская поговорка говорит: «Чтобы почувствовать вкус моря, достаточно капли морской воды». Море ребячьих судеб тоже слагается в конечном счете из капелек. О них и пойдет речь.

...С Фортунато Марсала первый раз я встретился на улице. Как-то, подходя к корпункту, услышал чистый детский голосок, распевавший известную неаполитанскую песенку «Как ярко светит солнце в час заката...». Завернув за угол, увидел исполнителей: парнишку лет пятнадцати со стареньким аккордеоном и малыша лет пяти-шести, певшего «Соле мио». Пройти равнодушно мимо бродячих артистов было невозможно. Из-под копны давно не чесанных волос смотрели такие отчаянно горестные глаза, а голосок звучал так жалобно, что невольно начинало щипать в носу. Редкие прохожие клали в детскую грязную ладошку монеты. Положил и я... А через несколько недель в одной из римских газет появилась фотография, на которой я узнал маленького певца. Рядом была напечатана биография малыша Фортунато Марсала. Вместе со своими семью братьями и сестрами живет в бараке на улице Мимоз. Отец инвалид, мать поденщица. Со старшим братом Фортунато бродит по римским улицам и поет. То, что они приносят домой, — основа бюджета семьи.

В этой горестной истории, даже в имени мальчонки и в названии улицы, на которой он жил, был заложен до удивительности трагический парадокс. Фортунато — «Счастливый» — живет на улице Мимоз, больше похожей на городскую свалку. Правда, Фортунато заметили, вернее, голос его обратил на себя внимание специалистов. Предполагалось, что он примет участие в конкурсе «новых голосов». Честно говоря, тогда я надеялся, что, может, улыбнется фортуна Фортунато и станет мальчишка с улицы Мимоз вторым Робертино Лоретти...

Фортунато не повезло. Потом, по прошествии нескольких лет, оказавшись в качестве гостя в редакции римской газеты «Мессаджеро» — той самой, которая печатала портрет маленького певца, я спросил о его дальнейшей судьбе. Репортер, который готовил тот материал, не смог сказать ничего определенного. «Фортунато? Да, писал об этом мальчонке, — говорил он, морща лоб. — Нет, ничего из него не получилось... По-моему, его устроили в один из приютов. Очень бедная семья...»

Итальянские приюты. Заведения подобного рода существуют, конечно, и в других странах. Но в Италии они особенно неприглядны. «Илледжитими», «бастардини», «рафутелли» — так по-разному называют на Апеннинах незаконнорожденных или брошенных родителями детей. Заботу о них берет на себя государство. Детей помещают в приют, одевают, кормят... Но уж очень много ребятешек погибает. Конечно, трудно их сохранить, когда в одной палате (по данным еженедельника «Эспрессо») находится по полусотне младенцев, а персонал ничтожно мал. Те же, кто выживает, не всегда становятся полноценными людьми. «Ребенок, содержащийся в приюте, — утверждает еженедельник, — не развивается, а деградирует».

Незаконнорожденным детям иногда пытаются найти семью. Есть даже деревни, куда по традиции привозят на воспитание в крестьянских семьях таких ребят. Только вот берут их с каждым годом все меньше и неохотнее. И не потому, что очерствели сердца крестьян, — прокормить детей становится все труднее. Жизнь дорожает с каждым днем, а государство выплачивает на содержание незаконнорожденных все ту же сумму. Впрочем, «сумма» сказано очень сильно. На деньги, которые выделяются для одного ребенка в год, можно купить 20 пачек сигарет. А вот лицо, взявшее на содержание бродячую собаку, получает денег в два раза больше...

Двенадцатилетняя Кармела работает на лесопильном заводе. Фото из итальянского еженедельника «Эпока»

Леонид КОЛОСОВ

Что ждет вас, рагацци?*

Может быть, Фортунато повезло и он попал в «хороший» приют? Хочется на это надеяться. Но...

...На фотографиях, опубликованных в газетах, она улыбалась. Гладко зачесанные волосы, презрительный прищур глаз, хищный оскал зубов. Не всегда облик человека соответствует его характеру. Но на этот раз полное совпадение. Она — это сестра Мария Дилетта Пальюка, руководительница богоугодного заведения «Санта Рита» в небольшом итальянском городке Гроттаферрата, где воспитываются умственно отсталые дети-сироты.

Однажды уголовная полиция решила заглянуть за высокую ограду приюта: ходили слухи, что с детьми в богоугодном заведении обращаются не по-божески. То, что увидели полицейские в приюте, возглавляемом Марией Пальюка и ее ближайшей помощницей, родной сестрой Антониеттой Пальюка, потрясло даже их привычные ко всяким жестоким зрелищам сердца. И сразу же к «святой сестре» приклеилась кличка «капо» по аналогии с теми, кто зверствовал в фашистских концлагерях...

Да, приют в Гроттаферрата весьма близко напоминал концлагерь. За малейшую провинность виновного на несколько дней приковывали к кровати (настоящими железными цепями с наручниками детских размеров), били палками, оставляли без еды, запирали в сырой подвал... Шесть малолетних детей, как сообщали газеты, умерли от побоев, голода и жестокого обращения. Я еще раз повторяю, речь шла не о колонии для несовершеннолетних преступников, а о приюте, носящем имя святой Маргариты, где вот таким образом «воспитывали» и «лечили» маленьких ребят.

Сестры занимались и мошенничеством. Собирая обильные пожертвования на «несчастных детей» со всякого рода благотворительных учреждений и от частных лиц, они присваивали значительную часть денег, откладывая их в банк «про черный день».

Обе сестры оказались на скамье подсудимых. Никто в Италии не мог понять, почему эти две женщины сумели так долго и безнаказанно преступать закон. И против кого? Против беззащитных, больных ребятешек! Однако за ответом не надо далеко ходить: этих людей с волчьим сердцем могло породить общество, в котором нажива — стимул жизни...

Именно нажива толкает толстосумов-капиталистов на преступное использование детского труда, хотя в Италии существует закон, запрещающий принимать на работу несовершеннолетних.

* Рагацци — ребята, мальчишки (ит.).

ПРАВО НА ЛЮБОВЬ

Не так давно в итальянской печати были опубликованы материалы, которые буквально потрясли общественное мнение страны. Оказалось, что в Италии ныне работают около миллиона детей, не достигших совершеннолетия. Пятьсот тысяч — в сельском хозяйстве, двести тысяч — в торговле, сто пятьдесят тысяч — на стройках, сто тысяч — на текстильных предприятиях и пятьдесят тысяч — в кустарной промышленности. «Ужасающая цифра», — писала прогрессивная газета «Газете сера», — для страны, перманентно участвующей в международных конференциях по оказанию помощи слаборазвитым странам. О беспаспортном мальчонке, который стоит весь день, как привидение, у сверлильного или фрезерного станка, общество вспоминает лишь тогда, когда он остается безруким инвалидом, да и то на несколько часов, пока это происшествие не потускнеет перед другой сенсацией дня. Почему? Потому что мы привыкли видеть вокруг себя детей-рабочих. Маленький разносчик, приносящий хлеб, и мальчик в баре, целый день моющий кофейные чашки и рюмки из-под вермута, никого не удивляют. Ни обычный винтик общественного механизма. В отсталых районах Юга и в развитом промышленном треугольнике Севера устроить ребенка на работу — удача семьи, чье благосостояние уже давно подорвано перманентным кризисом, порождаемым нашей экономикой. Одновременно это и удача предпринимателя, которому не надо заботиться о страховании и почасовой зарплате нового рабочего. Выплачивая по две тысячи лир в неделю, промышленник становится полноправным хозяином маленького раба, которого он заставляет трудиться в таком же ритме, что и взрослого. Ритм есть ритм. Шестеренки станка не могут вращаться медленней из-за того, что над станиной склонилась детская голова...

Не секрет, что буржуазному обществу, где властвует капитал, наплевать на будущее, на то поколение, которое придет завтра. Ему наплевать, что у миллиона детей отнято детство, что деформируется их психика, что они превращаются в маленьких стариков и инвалидов. Сухие цифры статистики бьют тревогу. В 1968 году по стране было зарегистрировано 632 тяжелых случая детских увечий на производстве, через девять лет — уже более тысячи. Если не остановить рост армии «маленьких рабов», кривая несчастных случаев будет неуклонно ползти вверх.

...В 12 лет Ромео Лонги надел комбинезон и пошел работать на стройку. Зарботка отца не хватало, чтобы прокормить и одеть четверых детей. То, что приносил Ромео домой, стало неотъемлемой и необходимой частью скудного бюджета, из которой юный строитель не всегда мог взять даже несколько сотен лир на билет в кино. Несчастье не ищет дверей, в которые стучится. Опрокинулась однажды лебедка на стройке... Смерть ребенка всегда ужасна. Когда же она следствие несчастного случая, то трагична вдвойне. Личное горе семьи Лонги стало достоянием газет, далеко вышло за рамки единичного происшествия, приобрело широкое социальное звучание. И не случайно.

Журналисты спросили у раздавленной горем матери Ромео, почему ее сын бросил школу и пошел работать. Она ответила: «Он не бросал. Он хорошо учился, успешно переходил из класса в класс. Просто Ромео был очень добрым мальчиком... Чувствовал, что нам трудно. Однажды сказал: «Мама, я хочу помочь тебе и отцу. Пойду работать, хорошо?» Что мы могли сказать на это? В доме действительно не хватало денег на самое необходимое».

Не хватает денег на самое необходимое. А какую трагедию переживает малообеспеченная семья, когда в ней заболевает ребенок!

На улице Акуа Марна жила маленькая девочка Лючия. Она действительно маленькая и по росту и по возрасту — ей всего шесть лет. Она никогда не видела солнца и не слышала человеческой речи. Случилось такое несчастье — Лючия родилась слепой и глухонемой.

Кто знает, может быть, и излечимы ее недуги, да вот только места никак не могут найти для нее во всех больницах города Рима. Там бесконечные очереди; есть больные, которые ждут уже по несколько лет. Конечно, можно было бы положить Лючию в одну из многочисленных частных клиник. Но ее отец не в состоянии заплатить миллион, а может быть, и несколько миллионов лир. Строитель Дель Прете — безработный, а Лючия у него седьмой ребенок в семье.

В Риме, как и вообще в Италии, многие дети и многие взрослые не обеспечены сегодня самой необходимой медицинской помощью. По нормам итальянского министерства здравоохранения на каждую тысячу жителей должно приходиться два места в больничных стационарах, но в сегодняшней Италии претендентов на эти две койки ровно в четыре раза больше.

Да, несладко живется в теплой и красивой средиземноморской стране детям трудящихся. Потому-то и выходят их отцы и матери, старшие братья и сестры на улицы и площади больших и малых городов с требованием пересмотра социальной политики правящих кругов. Поэтому останавливаются заводы и фабрики, замирают поезда, не взлетают самолеты. Редкая неделя обходится без того, чтобы не прокатывалась по Италии очередная волна забастовок. И не только за сегодняшний день борются простые итальянцы, а за завтрашний и послезавтрашний, чтобы исчезли на апениннской земле неравенство и нищета, несправедливость и эксплуатация человека человеком, чтобы сегодняшние малыши, те, которые пойдут в октябре в первый класс, могли бы вступить в грядущее счастливыми, свободными, равноправными и гордыми людьми.

Мне довелось быть в Варшаве в октябре минувшего года, года Корчака, замечательного польского педагога, всю жизнь отдавшего детям. Особенно детям-сиротам. До конца своих дней он был воспитателем и директором детского дома.

Приехала я туда, чтобы познакомиться с интересным начинанием: организацией семейных детских домов. И идея создания семейных детских домов воспринималась мною как продолжение дела Корчака, как живое его наследие, как память, которая не просто помнит, но созидает.

Вместе с журналисткой из «Пишачулки» — журнала для женщин — Руты Прагер мы едем в один из новых районов Варшавы, где высоченные многоквартирные дома окружены зелеными лужайками и деревьями. Здесь живет семья Бохняков, воспитывающая семерых детей-сирот.

— В 1972 году, — рассказывает мне Рута, — пани Изабелла Бохнякова получила титул «пани варшавянки» — самой популярной женщины столицы. Именно за свой огромный труд материнской любви к детям.

Мы без приключения добрались до дома Бохняков: в квартире, хорошо знакомой Руте по прежним посещениям, оказались совсем другие люди. Нет, Рута не ошиблась адресом, просто мама Изабелла с детьми не так давно переехала.

Теперь у Бохняков две квартиры, выходящие на одну площадку обычного многоэтажного дома в том же районе Варшавы, где они жили и до этого. Дети были в школе, а старший, Кшиштоф, на работе. А старшая из маленьких комнат выглядела уютной и нарядной не от какой-то особой мебели, а благодаря полкам с книгами, картинам и картинкам, детским поделкам. Особенно хороши были искусно выполненные из гипса макеты старых польских замков.

Потом я узнала, что это работы Янека, одного из старших воспитанников Бохняков.

Может быть, это даже и к лучшему было, что дети еще не пришли. Пани Изабелла — невесокая, уже немолодая женщина, но еще крепкая, быстрая, точная в движениях, — рассказывала о

них, обо всех сразу: о тех, которых, что и сейчас с ней, и тех, кто уже вырос и живет самостоятельно. И, казалось мне, сейчас они все здесь: и самый первый из взятых в семью, Кшишь, и художественно одаренный Янек, и близнецы Петр и Павел, и две сестрички — Ягода и Магда, — обе уже замужем, и у них свои дети; и заботливая Здислава, и быстрая Элька, и Гжигож, и Дариуш, и Ханя...

— О-о! Ханя теперь сама работает воспитательницей в доме ребенка, а недавно замуж вышла, — сообщает с гордостью мама.

А я думаю, не случайно и единственная собственная дочь Бохняков — Тереза стала учительницей, преподает в лицее. И Ада, старшая дочь Терезы, которая только что окончила университет, тоже, очевидно, будет педагогом. Пример мамы! Ведь старшие видели, как выхаживает она младших и из слабеньких, болезненных малышей, какими были, например, близнецы Петрусь и Павлик, вырастают крепкие, веселые хлопцы. Как на их глазах Здислава из двоечницы, какой пришла в семью, превращалась в примерную ученицу, а Гжигож — его развитие явно отставало — оказался способным, умным мальчиком.

Рута Прагер потом рассказала мне:

— Пани Бохнякова сражалась за своих младших — Гжигожа и близнецов, — просто как львица. Спорила с психологами и учителями, что дети разовьются, нагонят своих сверстников. Что замедленное их развитие преодолимо. Конечно, приводила в пример Янека. Мальчик был так запущен в первые годы жизни, что, несмотря на любовь и внимание приемных родителей, к семи годам только-только научился говорить. Зато теперь говорит на четырех языках. И его необычный дар — художника-архитектора — развивается и крепнет.

Да, супруги Бохняки словно испытывали и собственные силы: что ни воспитанник, то длинная история болезней, порой история тяжелых душевных травм. Сколько ночей просиживала мама у их кроваток, успокаивая, утешая, отгоняя ночные страхи. Теперь

это уже воспоминания. Выросли. Самым младшим по 14 лет.

Болеслав Бохняк—отец семейства—был по профессии педагогом, преподавал в железнодорожном техникуме.

— Мне было у кого учиться педагогической науке,—рассказывала пани Изабелла.—Я видела, как терпеливо помогал он детям выполнять домашние уроки, как умел сделать интересными для них эти порой скучные часы... Сначала, когда не стало Болеслава (он умер год назад), думала: все, одна не справлюсь. Но звонит мне Янек: «Мама, не отдавай ребят в детдом. Я буду помогать...» Кшиш говорит: «И я уже взрослый». Дети меня окружили... Конечно, я и так никого бы не отдала. Но как они все помогли мне! И еще спасибо доктору Чеславе Веселовской, она давно опекает нас, знает все о всех. И в этот раз так меня подержала...

— Я стала помогать детям в уроках,—вдохнула пани Изабелла.—А книжки мы и раньше читали все вместе. Сами не заканчивали день без чтения, и дети к тому же привыкли... А уж сколько мы с мужем перечитали литературы по педагогике, по психологии детства!

И я вижу, что папа Болеслав не ушел из жизни семьи, как не может он уйти из жизни своей жены. Та глубокая дружба, понимание с полуслова, готовность взять на себя самое трудное в семье, связывавшая супругов Бохняков, не могли не повториться и в отношениях детей между собой, в отношениях мамы и детей. Законы обычной, родной семьи действуют и в этой, называемой «детский дом». Слушая маму Изабеллу, я поняла, почему другой такой маме—Веронике Довляшовой из Щецина—так не нравится название «семейный детский дом». (Об этом ее мнение мне рассказывали журналисты «Пшиачулки».) «Это просто семья,—считает Вероника,—просто семейный дом! И все. Ведь это и наш с мужем дом, а не только детский».

И она права, если говорить об атмосфере таких домов, о законах, принятых в семье, об организации всего хозяйства дома. Так, у Бохняков, например, нет дежурных по хозяйству: каждый делает, что он может, к чему у него склонность. Эля любит покупать продукты, Кшиштоф, как самый старший, правая рука мамы, берет на себя ремонт дома, руководит генеральной уборкой. А старшим подражают младшие, и каждый из старших опекает кого-то из меньших. Все как в обычной семье. Однако без помощи государства обычная семья при всем своем желании не смогла бы создать таких условий шестерым—десятерым приемным детям. Мама в семейном детском доме, занимаясь воспитанием детей и домашним хозяйством, получает за это зарплату на уровне директора детского дома, где воспитывается 60 детей.

Государство берет на себя также все расходы по содержанию квартиры. На питание деньги выделяются особо—в том же размере, как и на содержание ребенка в обычном детском доме. «При умелом хозяйствовании,—говорит мама Изабелла,—этого вполне хватает. У детей всегда есть фрукты и все, что нужно для полноценного питания». Предусмотрены государством и траты на одежду, учебники, школьные принадлежности, на культурный досуг—кино, театр. Дети мамы Бохняковой одеты красиво, удобно и в соответствии с модой: джинсы, вязанные пуловеры и маечки. Мама сама вяжет, научила вязать дочек, и полки для одежды в комнатах детей нарядно пестрят разноцветьем свитерков и кофточек.

Четверо из семерых учатся музыке. Учитель приходит к ним домой. Особенно гордятся в этой семье успехами Здиславы. У нее оказался абсолютный слух. «Могло бы все это быть у таких брошенных детей в старой Польше? Быть бы им батраками!»—говорит пани Изабелла и этими словами как бы ставит точку в своей прекрасной повести.

Но мы еще не поставим точки. Начали возвращаться дети из школы, давая нам возможность наглядно убедиться, каковы результаты трудов их родителей. Рослые, свежие, явились близнецы. Щедрые улыбки от уха до уха, открытый, доброжелательный взгляд. Бросились рассматривать олимпийские значки—подарок из Москвы. «А московские конфеты будут к чаю»,—не забыла им сообщить мама. Потом пришла золотоволосый Гжигож, темный Дариуш—еще более длинные, чем близнецы, но зато не такие плечистые. Хотя именно Дариуш—главный защитник своих братьев в школьных баталиях и играх.

Пани Изабелла переводила взгляд с одного на другого, и во взгляде этом легко было прочесть и гордость и нежность. Она мама...

Провожая нас, вдруг вспомнила:

— Да, знаете, недавно приходила одна дивчина, архитектор. Ей поручили разработать планировку квартиры для такой, как наша, семьи, но где было бы десять детей. Спрашивала, какие у меня пожелания. Я, конечно, сказала, что думаю. Но знаете, на мой взгляд, все-таки десять детей для семьи много. Лучше, когда не больше восьми. И еще: я бы сто раз подумала, прежде чем давать детей в семью теперь, когда государство материально обеспечивает их.

Пани Бохнякова говорила о приказе министра просвещения и воспитания Польши, которым в 1976 году семьи, воспитывающие более шести чужих детей, были приравнены к государственным детским домам со всеми вытекающими отсюда обязанностями, а также материальным содержани-

ем. И пани Изабелла была права: желающих создать у себя в семье детский дом сразу стало больше. Ведь до этого те, кто брал к себе детей, как Бохняки, как Довляшвы рассчитывали только на себя, на свои возможности и средства. Им помогали, конечно, общественные организации, например, общество «Друзья детей», помогало и государство—через школу, детские сады, но полного государственного содержания не было.

Теперь дело другое. И, конечно, отбор семей, в которые можно передать детей-сирот, очень строг.

Генеральный секретарь общества «Друзья детей» Богдан Трацевский, любезно принявший меня для беседы, рассказал, что в городе Люблине из 56 семей, готовых взять к себе детей, это разрешили сделать только двум.

— Подыскивают и изучают семьи центры усыновления и опекунов,—говорил он.—По стране нашим обществом организовано 36 таких центров. В каждый входят педагог, психолог, юрист. Цель центров—вовремя прийти на помощь детям, которые остались без родителей или терпят бедствие в своей семье из-за невнимания отца и матери, из-за их алкоголизма.

Очень важно разобраться во внутренней мотивировке людей: почему они хотят в свою семью взять чужих детей? Если мы обнаруживаем корыстные мотивы, мотивы материального характера,—безусловно, эту семью отвергаем.

— Как это узнать?—переспрашивает меня собеседник.—Да, это нелегко. Но психологами разработаны такие вопросы, которые позволяют судить, как правило, безошибочно об истинных побуждениях опрашиваемых. Затем идет непременно медицинское обследование, консультация с психиатром. И, конечно, мы обязательно выясняем общественное лицо обоих супругов и других членов семьи; разбираемся в отношениях между всеми ними. Очень важно сравнить мнение мужа о жене и жены о муже. Ведь стиль, характер отношений взрослых как в зеркале отразится на детях.

Мы выбираем семьи,—продолжал Богдан Трацевский,—где родители имеют своих детей, хотя бы одного, и предпочитаем людей с педагогическим, или медицинским образованием, или с навыками воспитательной работы—в детсаду, в яслях.

Я спросила пана Трацевского о рентабельности таких домов. Он ответил, что содержание одного ребенка в семейных детских домах обходится государству даже меньше, чем в обычных, где немалый штат воспитателей, нянь, уборщиц, работников кухни, прачечной. Но надо учитывать главное: ребенку лучше, когда он растет в семье, особенно если ребенок слабенький, болезненный, с изъянами в воспитании. Он

требует особенно тщательного ухода, индивидуального отношения, что трудно обеспечить в обычном доме ребенка или детском доме.

— Как раз это и стало главным доводом в пользу семейных детских домов на государственном бюджете,—подчеркнул мой собеседник.—Уже первый параграф правительства постановления об этих домах гласит, что они создаются для детей, особо нуждающихся в индивидуальных формах опеки и воспитания. «Как в семье Бохняков»,—вспомнила я.

Думали, создавая такие дома, и о судьбе осиротевших братьев и сестер; пусть у них разный возраст, принятые в семью, они не разлучатся, а ведь в обычных детдомах группы делят по возрасту. В семейных детских домах, как в обычной семье, живут дети разного возраста—от трех лет до совершеннолетия и даже старше, если они учатся. Но все же не старше, чем до 25 лет. (Я опять подумала о Бохняхках: Кшисю 20 лет; Здисию взяли в 9-летнем возрасте, а когда нашелся ее брат Дариуш, ему уже было 12 лет, и его взяли к себе супруги Бохняки.)

— Вы рассказываете о правовом положении семейных детских домов,—заметила я пану Трацевскому,—а мне кажется, будто вы все время держите в памяти историю и особенности семейства Бохняков.

— Не их одних,—ответил он.—Наше общество и органы просвещения республики, представители министерства здравоохранения, министерства юстиции тщательно изучали все особенности жизни семей, воспитывающих чужих детей,—взвешивали все «за» и «против», прежде чем было решено учредить семейные детские дома как государственный институт.

Службы названных министерств на местах, активисты нашего общества, продолжают опекать такие семьи, вникая в их жизнь, следя за развитием детей. Ведь очень важно вовремя прийти на помощь родителям-воспитателям. И мы помогаем им и литературой по педагогике, психологии детства. Здесь как раз тот особый случай, когда родители просто не имеют права быть дилетантами в деле воспитания.

Пока у нас в стране 60 семейных детских домов. Еще немного, конечно. А наша цель—цель социалистического общества,—так повести дело, чтобы ни один ребенок не оказался лишенным полноценного счастливого детства.—заклучил Богдан Трацевский.—Всем детям—витамины «М»,—говорим мы. Витамин «М»—это мама. Дети имеют право на материнскую любовь, каждый ребенок в отдаленности...

Т. ПОЛИКАРПОВА

Варшава—Москва.

Семья пани Бохняковой.

РИГОР ВАН ДЕР ВАЙДЕН. ПОРТРЕТ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ.

УВАЖЕНИЕ К ЛИЧНОСТИ

Татьяна СЕДОВА

Этот портрет написан Рогиром ван дер Вейденом приблизительно в 1435 году. Дважды десятилетиями раньше в Нидерландах началась борьба за становление нового, реалистического искусства, пришедшего на смену средневековому. Зачинателем новой эпохи в живописи оказался Ян ван Эйк. А Рогир ван дер Вейден, который был моложе своего предшественника примерно на десять лет, стал его продолжателем.

Художника неизменно влечет живой, реальный мир, глубина и многогранность человека.

О Рогире сохранилось не много сведений. Предположительно он родился в 1399 или в 1400 году в городе Турнэ. Там же учился и там же был принят в гильдию святого Луки, объединявшую в ту пору живописцев. Спустя три года молодой Рогир переехал в Брюссель, где вскоре получил должность городского живописца. Известно также, что в 1450 году он ездил в Италию. Вернувшись в Брюссель, Рогир организовал там собственную мастерскую, где с помощью подмастерьев и учеников создавал полотна, получая заказы из нидерландских городов, а также из Германии, Испании, Франции, Скандинавии.

Написанный на небольшой доске «Портрет молодой женщины» привлекает строгой цветовой гармонией с преобладанием черного, серого и белого цветов, а также изяществом рисунка и ритмической четкостью композиции.

Спокойно и открыто смотрит на нас молодая женщина. Ее губы чуть тронуты улыбкой, такое впечатление, что она собирается заговорить. Ясные глаза отражают незамутненную чистоту ее душевного мира. Исследователи творчества художника не без основания предполагают, что перед нами портрет его жены Елизаветы Гоффарт, уроженки Брюсселя. Бережно и мягко, стремясь добиться предельной жизненности изображения, Рогир пишет округлое лицо, залитое свежим румянцем. Он намеренно усиливает цветовой контраст между теплым цветом кожи и холодной поверхностью крахмаленного серого платья. Этот прием сопоставления он продолжает, рисуя острый, причудливой формы головной убор, подчеркивающий мягкие линии лица.

От прославленных итальянских мастеров XV века, стремившихся в своих портретах воплотить поэтический идеал женской красоты, Рогира отличает желание создать более конкретный, более жизненный образ. Если итальянцы воспевали красоту исключительную, достойную поклонения, то северный мастер ищет ее в облике обыкновенной женщины, передавая с редкой чуткостью ее внутреннее обаяние. С почти осязаемой достоверностью воссоздает Рогир фактуру сукна, меха, полотна. Все детали свидетельствуют о естественном кокетстве скромной молодой женщины — ее умении изящно расположить складки головного убора, который она тщательно накрахмалила, отгладила, а затем укрепила булавками. Следы ее трудолюбивых рук, сознательно отмеченные художником, вызывают у зрителя ощущение домовитости, аккуратности. Но вместе с тем пышный головной убор придает горделивость ее осанке.

Понятие человеческого достоинства связано у Рогира и с представлением о нравственной чистоте, ничем не омраченной совестью и ясной определенности побуждений и поступков. И впрямь все в облике молодой женщины говорит о спокойной рассудительности, душевном равновесии... Незагойливыми штрихами художник дает понять зрителю, что это горожанка, представительница бюргерского сословия. Точность социальных характеристик вообще присуща манере северного мастера, что резко отличает его от итальянских художников, обращавших основное внимание на внешнее совершенство модели. Интерес к человеческой личности настолько велик у Рогира, что он, пренебрегая бытовыми и пейзажными деталями, сосредоточивает все свое внимание на лице и фигуре. Намеренно пишет фон нейтральным, черным. И пространство вокруг почти не намечено, отчего фигура молодой женщины становится особенно выразительной, объемной. Едва заметный поворот головы, и складки одежды оживляют легким, почти неприметным движением ее спокойную позу. Все линии портрета как бы вторят друг другу, образуя красивые, четкие ритмы или, напротив, контрастируя, подчеркивая

нужные художнику черты. Рогир пишет масляными красками, то более плотно накладывая их, то заставляя одну краску просвечивать сквозь другую. Световые блики на поверхности серого сукна он обозначает легкими, едва ощутимыми мазками, демонстрируя виртуозную технику.

Эта блистательная техника в сочетании с уважением к женщине, ее достоинству, цельности и чистоте и сделала портрет одним из шедевров мирового искусства.

...В 1902 году в городе Брюгге состоялась выставка произведений нидерландских художников XV—XVI веков. «Фламандские примитивы» — было ее официальное название. Выставке предшествовала огромная работа, проведенная энтузиастами-учеными, отыскавшими в запасниках музеев и в частных коллекциях работы некогда знаменитых, но забытых мастеров художественной школы, существовавшей в старых Нидерландах.

«Фламандские примитивы» произвели колоссальное впечатление на всех, кому удалось повидать их. Заново были открыты и оценены наблюдательность и правдивость, глубина и зрелость, присущие старым северным художникам.

У читателя может возникнуть вопрос: почему же столь великих нидерландских живописцев, как Ян ван Эйк, Рогир ван дер Вейден, Гуго ван дер Гус, Иероним Босх, и других назвали «примитивами»?

Ну, прежде всего потому, что много веков Европа, вернее, европейская живопись, находилась под обаянием идей и мастерства художников итальянского Возрождения (Тициан, Рафаэль, Микеланджело, Леонардо да Винчи). Свойственное им понимание прекрасного стало эстетической нормой, и все европейские живописцы стремились постигнуть тайну их мастерства, учиться на примере их искусства, пронизанного верой в величие и могущество человека — творца и героя.

Естественно, что и нидерландские художники стремились поспевать в Италии, приобщиться к достижениям ее художественной культуры. А приобщившись, забывали о собственной национальной художественной традиции.

Выставка в Брюгге пробудила погаснувший было интерес к нидерландским мастерам эпохи Возрождения. Музеи стали активнее собирать их произведения, многие из которых давно утратили даже имена создателей. Это в общем-то не удивительно, так как, следуя средневековому обычаю, нидерландские художники редко подписывали свои работы. Немало усилий потребовалось ученым, чтобы отыскать картины и определить авторство даже такого знаменитого художника, как Рогир ван дер Вейден.

К счастью для нас, сегодня мы можем наслаждаться его произведениями.

В. БИРЮКОВ

Не будить

Спит в берлоге Михаил,
На березе Начертив:
«Не будите До весны,
Досмотреть мне Дайте сны»,
Мишке снится Свежий мед,
Лапу он Во сне сосет.

Что за зверь?

Нарисовала Зверя я.
И гадает Вся семья.
— Это лев,— Сказал Егор.
А бабуся: — Наш Трезор.
Я подумала Немного И сказала:
— Это кошка.
Всем понятно Сразу стало,
Что я тут Нарисовала.

Считалка

Раз, два, три,
Четыре, пять,
Стали ноги
Все считать.
Посчитал
Свои Трезор:
— Раз, два, три...
— Ка-кой позор!
Закричали куры:—Ах!
Наш Трезор
На трех ногах.
Не умеет он считать:
Раз, два, три,
Четыре... пять.
— Га-га-га,—
Сказал гусак.—
Вы считаете не так.
Раз, два, три,
Четыре... пять.
Почему-то
Пять опять.
И сказал
Петух сердито:
— Попросите
Вы Никиту:
Он окончил
Первый класс
И считать
Научит вас.

Несколько лет назад в редакцию написала инвалид детства первой группы Надя Бурлова. Она просила помочь ей приобрести какую-нибудь специальность, страстно хотела трудиться, приносить пользу людям. Редакция обратилась тогда в вологодское производственное объединение «Заря», и в маленькую деревушку, где живет Надя, приехала инструктор по машинному вязанию. Девушке помогли приобрести «Северянку», научили на ней работать, устроили в быткомбинат. Тогда и появилась статья «Чужая беда» (№ 11, 1974 г.).

Мы рады сообщить читателям, что Надя Бурлова стала первой мастерицей в районе, ударником труда. Но ей этого мало. Недавно Надя поступила на заочные курсы машинного вязания. «Хочу овладеть всеми тонкостями профессии, работать так, чтобы те, кто носит мои вещи, чувствовали себя особенно наряженными», — пишет Надя в редакцию.

Давно исчезла горечь от ощущения бесполезности, труд сделал жизнь девушки полноценной, интересной. Гордится Надя и тем, что в бюджете семьи весом и ее вклад — зарплата и хорошая пенсия.

Редакция получила сотни откликов от инвалидов детства первой группы. Все они, как и Надя, нуджались в постороннем уходе, считались нетрудоспособными. Однако никто не хотел мириться с печальным приговором, каждый верил, что и ему можно найти дело по силам. После вмешательства редакции более трехсот человек получили работу. Не скрою, не всегда легко было этого добиться. Иногда приходилось обращаться в органы соцобеспечения и на предприятия по несколько раз. Но если за дело брались неравнодушные люди, выход из положения всегда находился.

...Живет в селе Вольное, Куйбышевского района, Запорожской области, такая же, как Надя, больная девушка — Люда Пьеркова. Узнав, что Бурловой помогли, Люда тоже написала в редакцию. Оказывается, мама с детства учила ее вышивать. Может, смогут поручать ей индивидуальные заказы, устроить на быткомбинат? Однако село, где живет Люда, находится в шестидесяти километрах от райцентра. Как доставлять материал, забирать заказы? И все-таки трудности были преодолены. Вот что написала Люда в редакцию: «Никогда не забуду я человека большой души — директора Куйбышевского райбыткомбината Нину Кирилловну Север. Она все сумела организовать, и я уже начала работать. Начальник цеха В. А. Чепенко приезжал в село, чтобы познакомиться со мной. Мне было трудно добраться до фотоателье, а для зачисления на работу фотографии необходимы, так Владимир Архипович с собой даже фотографа привез...»

Забора, человеческое участие отогрели душу девушки, помогли забыть о болезни. Ее вышивки на кофточках, платьях и полотняных дорожках, выполненные с большим вкусом, приносили людям радость, а ведь это — счастье для человека.

А вот еще одна устроенная судьба. Алексей Бариев из Днепропетровска изучил иностранный язык и просил редакцию помочь получить работу по специальности. Мы обратились в областной отдел социального обеспечения и рады сообщить, что меры были приняты очень быстро. «Я работаю в бюро услуг фирмы «Дружба», — пишет Алексей. — Занимаюсь языком с малышами и старшеклассниками. В моем доме стало шумно, весело и по-особенному светло. Делаю и переводы. Сегодня получил первую зарплату. Но самое главное — я не одинок, я полезен людям».

Когда получаешь такие письма, сердце радуется. Однако есть, увы, и другие. Три года редакция пытается помочь Тане Гуриновой из Кривого Рога. Девушка овладела пишущей машинкой, учится на курсах иностранных языков, она согласна на любую работу. Мы обращались в органы социального обеспечения

города и в райком комсомола, но дела у Тани по-прежнему плохи. О том же письмо из свежей почты от Вали Сальчук из села Новая Романовка, Житомирской области: «Я уже потеряла надежду получить работу. Все только обещают...»

К сожалению, часто события развиваются так: обратится инвалид в райсобес с просьбой о трудоустройстве, к нему придет инспектор и спросит, что он умеет, с какой работой справится. А что может уметь человек, с детства прикованный к постели, лишенный рук или еле передвигающийся на костылях?

Во многих областях есть учебные заведения, где инвалидов обучают профессии, а потом направляют на работу по специальности. Об одном таком опыте я и хочу рассказать.

***

...Каждое утро ровно в семь в моем номере гостиницы в Калуге раздавался звонок: «Подъем! Через час жду у себя!» Это Волкова.

В восемь, когда в здании областного отдела социального обеспечения еще пусто, по гулким коридорам идет подтянутая женщина. Блестят свежeweымытые полы в холлах. Женщина окидывает хозяйским взглядом мягкую мебель, поправляет цветы в вазах. Цветы здесь повсюду. Очень важно, чтобы у тех, кто придет в это здание, на душе становилось светлее, чтобы люди чувствовали: им здесь рады.

В приемной все готово к встрече посетителя. Тем, кому трудно ходить, не надо подниматься по лестницам, искать нужный кабинет — их встретят на первом этаже, усадят, внимательно выслушают.

Более пятнадцати лет Надежда Ивановна Волкова заведует отделом социального обеспечения Калужского облисполкома. В годы послевоенной разрухи она принимала участие в восстановлении колхозов, была на ответственной партийной работе. А потом весь свой опыт, все свое горячее сердце коммуниста вложила в работу в органах социального обеспечения.

При Надежде Ивановне было построено и это новое просторное здание. Я провела в нем неделю и убедилась: с какой бы бедой, с каким вопросом ни пришел сюда человек, какие бы тревоги ни тяготили его, он получит поддержку и нужный совет.

...Конец рабочего дня, а у Волковой по-прежнему народ. Решаются вопросы о назначении пенсий, групп инвалидности. Кому-то надо выделить машину, получить мотоцикл. «Гармонь достали?» — неожиданно спрашивает Надежда Ивановна инспектора Сиротину. Тамара Михайловна радостно кивает: «Достали, уже отвезли...» Что еще за гармонь? Оказывается, инвалид Егор Никитин попросил купить ему музыкальный инструмент. Сам-то он по магазинам ходить не может. Два дня Тамара Михайловна обзванивала магазины — Егору нужна была именно гармонь, — наконец, нашла, отвезла Никитину в деревню.

Сотрудников Надежды Ивановны вернее называть ее соратниками. Двадцать шесть лет

руководит профессионально-техническим училищем-интернатом для инвалидов Леонид Александрович Крылов. За эти годы более тысячи инвалидов стали портными, специалистами по пошиву модельной и ортопедической обуви, мастерами по ремонту сложной бытовой техники. Недавно для училища построили четырехэтажное здание, вокруг него сад.

Я ходила по интернату. Окна были забрызганы осенним дождем, а мне казалось, что все комнаты пронизаны солнцем. Вскоре поняла, что здесь светло от улыбок, от сияющих глаз. На лицах ребят не было и следа печали, подавленности. Здесь шумели и смеялись как в обычной школе, решали задачи, учили историю, занимались эстетикой. Озорничали тоже, как обычные птэушники.

Светловолосая Таня Корабельникова с гордостью показала мне свое произведение — эlegantное пальто. Такую мастерицу охотно возьмут в любое ателье. Таня это знает и о будущем не беспокоится. Летом у нее свадьба. Жених Тани тоже кончает училище и будет работать на фабрике по ремонту и пошиву обуви.

В это ПТУ инвалиды приезжают со всех концов страны, домой некоторые не возвращаются, остаются в Калуге и области. Тамара Юрина жила в домах инвалидов разных городов. Пыталась устроиться на работу, но без специальности да с первой группой нигде не принимали. В училище ей дали профессию, помогли получить жилье. Установили на ее квартире машину. Тамара стала шить на дому кожаные и меховые изделия. И Юрина не исключение. Так здесь заботятся о многих выпускниках.

Директор фабрики по ремонту и пошиву обуви В. И. Борисов показал мне Доску почета с портретами победителей соревнования, среди них — выпускники ПТУ. «Замечательные люди, трудолюбивые, дисциплинированные», — говорит Борисов. — Побольше бы таких работников!»

Волкова и директор ПТУ Крылов, зная, что на фабрике с жильем туговато, обратились к руководителям крупных предприятий города с просьбой выделить в их общежитиях места для инвалидов. Так удалось устроить еще несколько человек. В одном из цехов фабрики я разговариваю с обувщиком Николаем Амеличкиным. Десятилетку он окончил дома, в деревне под Калугой, потом в райсобесе ему дали направление в ПТУ. Получил специальность. На фабрике его окружили заботой. Сейчас Амеличкина и его товарищей на работу и домой по распоряжению директора отвозят на машине. «Хорошо живу», — отвечает на мой вопрос Коля и улыбается, — в трехкомнатной квартире, вместе с ребятами. Зарабатываю около двухсот рублей в месяц. Сегодня маме в подарок красивый платок купил, хотите, покажу?»

Есть в Калужской области и другое учебное заведение для тех, кто потерял здоровье. Это сельскохозяйственный техникум-интернат. Каждый год из его стен выходят восемьдесят агрономов и зоотехников широкого профиля.

Чужая боль — СВОЯ

Выпускники, как правило, неплохо справляются с работой. Инвалид первой группы Виктор Шиняев стал директором совхоза и, говорят, отличным директором. В техникуме я услышала и поразительную историю Веры Павленко.

...Двадцать пять лет назад под Оренбургом родилась девочка. Когда матери принесли ребенка, она ужаснулась: у малышки не было рук. Женщина от дочки отказалась. Дом ребенка, детский дом заменили Вере родителей. Она научилась писать, даже шить, окончила десять классов. Ну, а что делать дальше? Идти в дом инвалидов? Не хотелось девушке мириться с такой судьбой. Из Челябинска она приехала в Калугу. В сельскохозяйственном техникуме училось много инвалидов первой группы, но таких тяжелых, как Вера, еще не было. Однако Н. И. Волкова и директор техникума С. Е. Уральский поверили в девушку и не ошиблись: училась Вера хорошо, получила профессию агронома, начала работать в совхозе.

Я побывала у Веры Павленко в гостях. Удивительно жизнерадостный она человек! Держится непринужденно, приветливо, любит пошутить. В квартире идеальная чистота. Вера все умеет делать сама... даже пеленать ребенка. Впрочем, Иришку уже пеленать не надо, ей три года. Она ходит в детский сад и помогает маме по хозяйству. «Растут мои рученьки», — с нежностью говорит Вера о дочке.

Обеспечена Вера хорошо: зарплата, пенсия, да и отец Иры помогает материально. Только трудно было с ребенком в общежитии. И на этот раз выручила Волкова — помогла получить небольшую квартирку. Дочка требовала постоянного внимания мамы. Вере нужна была работа рядом с домом, и ее назначили воспитателем в общежитие. Подопечные Веры, студенты техникума, глядя на нее, понимают: главное — не сдаваться. Человек может все, если у него есть воля, характер, если вокруг настоящие люди.

Ну, а как складывается судьба инвалидов, которые не хотят разлучаться с домом, остаются среди близких и родных? Волкова рассказала мне, как таким людям помогают получить работу, например, в Боровске. Года два назад старший инспектор Боровского райсовбеса Валентина Набиева по совету Надежды Ивановны отправилась в Москву, в объединение «Мостекстильпром», которое выпускает мужские шарфы. Там договорилась, чтобы в Боровск прислали представителя. Представитель привез с собой ткацкий станок размером в половину письменного стола, показал, как на нем работать. Дело оказалось несложным. Стать ткачами на дому захотели не только инвалиды, но и пенсионеры по старости. Скоро в их квартирах появились станки-малютки. Сырье привозят из Москвы, готовые шарфы забирают. Все довольны, а больше всех Валентина Набиева.

...Вечер. Опустело здание облсовбеса. Волкова просматривает папки, документы, письма. Хочу спросить: «Вы не устали?» Но под иронично-задорным взглядом Надежды Ивановны обрываю себя на полуслове.

Наконец мы идем по безлюдным, притихшим улицам Калуги. Дома Надежда Ивановна молча заваривает чай, думает о чем-то своем. Горит торшер, тонко пахнут осенние цветы. В полумраке поблескивают корешки книг — они главное богатство и украшение квартиры. Я достаю с полки знакомый маленький томик, читаю:

Я плачу, потому что знаю: счастье —
Быть спутницей всех людских судеб,
Ко всем питать горячее приращенье,
Со всеми боль делить, как хлеб.

Это стихи народной поэтессы Узбекистана Зулфи. Но мне кажется, они и о Надежде Ивановне, ее товарищах по работе, с которыми я познакомилась в Калужской области.

Вероника КОНОНЕНКО

ПРАЗДНИК ГРАЦИИ И ЗДОРОВЬЯ

...Судья-информатор объявлял составы команд. И хотя соревнования были всесоюзными, ни одной разрядницы или мастера спорта в них не участвовало. Да, в таком виде оздоровительной физкультуры, как женская гимнастика (а речь идет о ней), нет рекордов и спортивных разрядов. Но есть не менее важная цель: ощущение радости и бодрости.

В молдавском городе Тирасполе на шестых соревнованиях по женской гимнастике за призы журнала «Работница» боролась 21 команда из 18 городов. Соревнования велись в двух группах: в первой состязались женщины от 20 до 30 лет, во второй — от 31 года до 40 лет. Но, глядя на помост, порой довольно трудно было определить возраст гимнасток: стройные, изящные, они четко выполняли упражнения и делали это с нескрываемым удовольствием. Были тут ткачихи и продавщицы, прядильщицы и швеи, медицинские работники и научные сотрудники.

Победительницы соревнований — команды Дома физкультуры города Ленинграда (вверху) и Кишиневского института искусств имени Музическу.

Фото М. БЛОНШТЕЙНА.

Информатор называл все новые профессии участниц, а когда выступление начала команда ивановского областного ДСО «Спартак», то к своему обычному сообщению он добавил: вторая справа — старший инженер Нина Петровна Лазарева... мама троих детей. Зал ответил аплодисментами.

— Гимнастика — моя главная помощница, — улыбается после выступления Нина Петровна. — Работа, дом, три сына... Дел, сами понимаете, хватает. А гимнастика — тот самый «час для себя», который дает возможность отдохнуть, расслабиться, а вместе с тем всегда быть в форме. На занятия бегу, как на праздник, не променяю их на самую интересную передачу по телевидению. И домашние дела справляю потом втрое быстрее.

— Мы занимаемся гимнастикой до работы, — включаетесь в разговор Елена Смирнова, двадцатилетняя продавщица Ворошиловского универмага города Волгогра-

да. — После занятий чувствуешь себя свежей, подтянутой. Замечала, кстати, что и покупатели в эти дни особенно довольны моей работой.

Семь лет назад, когда в Иванове проходили первые Всесоюзные соревнования по женской гимнастике, за нее приходилось агитировать, убеждать в ее достоинствах. Сейчас популярность этого оздоровительного вида физической культуры выросла неизмеримо, с каждым годом увеличивается число желающих заниматься женской гимнастикой, участвовать в соревнованиях.

Так, в Тирасполе впервые выступила команда, представляющая сельское спортивное общество «Урожай». Медицинские работники из станицы Каневская Краснодарского края рассказывали, что и в селе женщины начинают приобщаться к гимнастике. Спортсменки из «Урожая» были отмечены специальным дипломом.

Среди команд-дебютантов отличились работницы Второго Московского часового завода: четыре сборщицы и два контролера, все ударницы коммунистического труда. Маргарита Павловна Берзина, руководитель команды, вспоминает, как тепло провожали их на соревнования мужа — все пришли на вокзал, обещали присмотреть за ребятами, за домом. И потому, наверно, команда выступила так вдохновенно, за что тоже получила специальный диплом.

Ну, а кому же достались главные награды соревнований?

В первой возрастной группе произошла смена лидера. Пятикратные победительницы предыдущих состязаний — команда производственного трикотажного объединения «Марат» из Таллина на сей раз стала второй, а приз «Работницы» завоевали преподаватели института искусств имени Музическу из Кишинева. Третьей была команда спортклуба «Уралмаш» (г. Свердловск).

Во второй возрастной группе обладательница приза «Работницы» — команда Дома физической культуры из города Ленинграда. На втором месте — команда спортклуба МГУ, на третьем — команда ДСО «Спартак» из Иванова.

— До свидания в 1980 году, — говорили, расставаясь, участницы этого праздника грации и здоровья.

В. БАШАРИНА

ЧТОБЫ ХОЗЯИНОМ БЫЛ КАЖДЫЙ

Преобразилась Махачкала за последние годы. Многоэтажные дома, кварталы новых жилых массивов, просторные проспекты, парки украсили город. Уже не видно следов землетрясения, принесшего столько разрушений в 1970 году. С тех пор жилой фонд только нашего завода увеличился на 26 тысяч квадратных метров. Махачкалинцы по-особому чувствуют заботу государства. Как же не беречь то, что так щедро дается нам! Мы горячо поддерживаем женщин Черняховска, которые активно борются за сохранность жилья.

У нас пока нет такого богатого опыта, как у Черняховского женсовета, но о первых своих делах хотелось бы рассказать.

Женсовет завода вместе с ЖКО объявил общественный смотр состояния жилого фонда. К этой работе привлечены и наши активистки в домовых комитетах. В необходимость смотра мы убедились во время рейда по дворам и подъездам. Далеко не все они сияли чистотой, радовали образцовым порядком. Стоит новенький дом, а вид у него уже неряшливый. Не успели некоторые въехать в новые квартиры, как сразу же устроили на лоджиях и балконах склад старых вещей, сушат там белье.

Объявляя смотр, общественность обратила внимание жильцов на эти недостатки. Члены женсовета провели собрания по подъездам, ознакомили жильцов с условиями смотра: образцовой может считаться квартира, которая хорошо содержится. Дом, балконы которого разукрашены веревками с бельем, без цветов и зелени на них, не может претендовать на звание лучшего. Учитывается также, насколько активно жители дома участвуют в озеленении своего двора, улицы.

Смотр идет. На одном из заседаний женсовета общественницы рассказывали о первых субботниках и воскресниках, которые провели жильцы по уборке подъездов и дворов.

В нашем женсовете есть сектор культурно-массовой работы по месту жительства. Возглавляет его инженер Лилия Ивановна Славгородская. Главная забота активисток—дети. Как помочь родителям в их воспитании, чем занять досуг ребят? Это ведь тоже определяет культуру нашего быта.

В жилом массиве завода действуют три большие детские площадки. К их оформлению женсовет привлек художников. И выросли во дворах теремки-беседки, деревянные скульптуры зверей, героев любимых сказок. Член женсовета, заведующая детским садом № 47 С. Нажмутдинова устраивает здесь конкурсы рисунков на асфальте, концерты маленьких артистов.

Для ребят постарше мы организовали клуб. Нашли для него помещение в жилом доме. Здесь можно обсудить прочитанную книгу, сыграть в шахматы, посмотреть фильм. В гости к ребятам приходят передовые рабочие завода. Во многих дворах у нас оборудованы волейбольные, баскетбольные площадки. Команда юных велосипедистов, детей рабочих завода,—победитель городских соревнований. Все это отвлекает подростков от бездумного шатания по улицам, от хулиганских выходов. А отсюда и жалоб на них становится все меньше.

Сейчас на нашем заводе, наверно, нет семьи, в которой бы не хранился наказ гражданину города Махачкалы. Члены женсовета участвовали в его создании. Наказ был принят на общем собрании рабочих завода, а потом утвержден на сессии горсовета и стал общегородским наказом. Он напоминает о славных революционных, боевых и трудовых традициях Махачкалы. Есть в нем и призыв бороться за город высокой культуры, сохранять в образцовом порядке дома, дворы и улицы, быть рачительными хозяевами, пресекать всякие попытки портить народное добро. И теперь, когда идет посвящение в рабочие или когда юноши и девушки в торжественной обстановке получают паспорта, им вручается этот наказ, чтобы напоминать: они тоже хозяева города и должны заботиться о нем.

У. ГЕРЕЕВА,
председатель женсовета
завода имени М. Гаджиева

г. Махачкала,
Дагестанская АССР.

Прочитала я, как заботятся о своих домах жители Черняховска, порадовалась. И захотелось написать о своем, наболевшем. Живу я в Калининграде, на Мало-Ярославской улице. Мы тоже стараемся благоустроить дворы, сажаем деревья, разбиваем цветники, оборудуем детские площадки, наводим порядок в подъездах. Но, к сожалению, не все берегут то, что для них же сделано. Взять наш двор. Посадили деревья, кустарники—через неделю они сломаны. Соорудили

скамейки для отдыха—очень скоро их выдернули из земли. Кто? Да чаще всего подростки. Горько бывает смотреть на разрисованные мелом свежестроенные стены домов, на исцарапанные перила лестниц. А взрослые, родители этих мальчишек, словно и не замечают, подумаешь, доскать, мелочи какие.

Если подросток наплевать-ски относится к чужому труду, к нашему общему достоянию, если он привыкает к безнаказанности—получится ли из него добросовестный человек, рачительный хозяин?

П. СЛОБОДЧИКОВА
г. Калининград.

Отклики, реплики

ЗАБОТЯСЬ О ВЕТЕРАНАХ

В журнале № 11 я прочитала письмо Р. Костенко из Львова «Старость ли?» и решила поделиться своими мыслями.

Очень оправдывает себя порядок оформления пенсий рабочим непосредственно предприятиями. Раньше работнику самому приходилось хлопотать о пенсии, а теперь с горсособом все вопросы решаем мы, представители администрации. Начиная с июня 1969 года ни один наш рабочий не был в г. Александровске, где находится отдел социального обеспечения, по вопросам пенсий. Зато сотрудники этого отдела, в частности его заведующая З. В. Васильева, старший инспектор Т. П. Селезнева и те, кто отвечает за участок нашего поселка Яйва,—частые гости на предприятии. Они встречаются с трудящимися, разъясняют политику партии и правительства по вопросам пенсионного обеспечения, проверяют, как выполняются решения исполкома горсовета об оказании помощи семьям погибших воинов и инвалидов Отече-

ственной войны, следят, как соблюдается положение о льготном пенсионном обеспечении. На предприятии часто проводятся выездные заседания городской пенсионной комиссии, непосредственно на месте вручается пенсионное удостоверение.

Много добрых слов говорят люди в адрес работников социального обеспечения.

Пенсионное удостоверение, трудовую книжку после принятия новой Конституции СССР мы заполняем только со словами «по возрасту» и «уволен в связи с выходом на пенсию по возрасту» с добавлением: «по собственному желанию».

На комбинате, где я работаю, ветераны чувствуют постоянную заботу о себе.

В. ПОПЕЛЬ,
начальник отдела кадров
Яйвинского
домостроительного комбината
пос. Яйва,
Пермская область.

КОГДА РЯДОМ ДРУЗЬЯ

Прочитала в № 7 «Работницы» за прошлый год заметку «Вычеркнули из списков» и решила рассказать о себе. Я проработала учительницей в школе села Делехово, Рязанской области, 37 лет. Незадолго до ухода на пенсию в моей семье случилось несчастье: муж тяжело заболел, за ним требовался постоянный уход. Что делать? Увольняться? Но до пенсии оставалось полгода. И тут на помощь пришли товарищи. Директор школы Тамара Даниловна Евсеева сделала максимум возможного, чтобы облегчить мое положение.

Но вот наступил пенсионный

возраст. Меня проводили на отдых—с подарками, почестями. Было и радостно и грустно—ведь я прощалась с коллективом и, как мне казалось, оставалась наедине со своим горем. Но этого не случилось. Товарищи приглашают меня на все вечера, собрания, на праздник последнего школьного звонка. Я не работаю уже три года, но по-прежнему чувствую себя в коллективе.

...Пенсионерам не так уж много надо—только чуть-чуть внимания.

М. БРЕДОВА
с. Делехово,
Рязанская область.

НЕ ЗАМЫКАТЬСЯ В СЕМЕЙНОМ МИРКЕ

Как горько мне было читать письма двух молодых женщин—Нины М. «С детства—друзья» и Елены В. «Хочу танцевать» в 10-м номере журнала за 1978 год. В их беде я увидела и свою. Мне 26 лет, сыну 6 лет. Первые два года после замужества я занималась в народном театре, но потом... Свекровь и муж в один голос заявили: «Что это такое? Муж дома, а жена где-то пропадает». В знак протеста муж начал пить. «Брось заниматься, тогда и я брошу выпивать»,—говорил он. И я решила отступить, семья—всегда главное. Но муж пьет по-прежнему, а я лишилась любимого увлечения. Моя жизнь проходит так же, как у Елены В.: работа—магазин—дом.

Люда Г.

г. Фрунзе.

***

Хочу откликнуться на письмо Елены В. Я тоже молодая. У нас с мужем трое детей—десяти лет, девяти и 1 года 7 месяцев. Несмотря на это, я продолжаю заниматься в кружке художественной самодеятельности при Дворце культуры Сибзавода. Хожу туда уже семь лет. Я очень люблю петь. И Володя меня отлично понимает, помогает во всех домашних делах.

У нас очень хороший самодеятельный коллектив, многие его участники имеют семьи. И большинство женщин находят понимание и поддержку у своих мужей. Так, по-моему, и должно быть.

Любовь ПЕТРОВА

г. Омск.

Скажете, мелочь?

НАБОЙКИ «ПРО ЗАПАС»

Наша обувная промышленность выпускает неплохие женские туфли. У большинства из них капроновые набойки на каблучках. Но вот беда, почему-то запасную пару набоек в коробку не вкладывают. А ведь как удобно было бы: сносились каблочки—покупатель без всяких хлопот может заменить набойки запасными. Проблема усложняется тем, что и в магазинах их днем с огнем не сыщешь. Да и в ремонтных мастерских не всегда оказывается то, что нужно.

Вот и предлагаю выпускать туфли в комплекте с запасными набойками.

А. АНТОНЕЦ

г. Уральск,
Казахская ССР.

ПерСОЛЬ

«Одеяло убежало, улетела простыня...»—приговаривала тов. Петраковская, пытаясь поймать белье, уносимое порывистым ветром. Но тщетно. Простыни неудержимо летели куда-то прочь. «Ах,

где же, где же взять прищепки?»—причитала хозяйка.

Увы, уже давно эти нехитрые приспособления исчезли с прилавков магазинов не только г. Севастополя, но и других городов.

Обращается к вам ученица 1-го «В» класса одесской школы № 62. Пишу я авторучками с надписью «Учись на отлично», которые выпускает харьковский завод «Оргтехника». И стараюсь получать только хорошие отметки. Но вот беда: сами ручки сделаны на «2». Их у меня уже шесть штук скопилось. Только вчера мама купила две новые, и обе пишут очень плохо: у одной перо падает, другая течет. Что же мне делать?

Наташа РОМАЗАНОВА

Рекордно коротких сроков службы выпускаемых изделий добились работники Иркутской обувной фабрики. У зимних сапожек, купленных жительницей поселка Каменска, Иркутской области, тов. Шархубиной, подошвы отклеились через 10 дней, а у ее сослуживицы тов. Чупахвиной—через 4 дня.

Рисунки Н. ПОЛЯНСКОЙ.

НАШЕ ФОТОАТЕЛЬЕ

Не думайте, что это наряд современного Гаргантюа. Такой стала после первой же стирки обыкновенная футболка, выпущенная на Смоленской трикотажной фабрике.

ХОББИ ПОЖЕВАЕ

Необычное хобби появилось у жительницы г. Харькова Г. Ф. Снегарь. Она коллекционирует флаконы с лаком для волос в аэрозольной упаковке производства Симферопольского завода бытовой химии. Как ни купит Галина Федоровна очередной флакон, очень скоро оказывается, что пользоваться им невозможно: отверстие, через которое выходит струя лака, наглухо заклинивается.

Заказав в московском магазине № 55 сборник «Искусство и религия», читательница тов. Жвакина, к своему удивлению, получила книгу «Пивоварение». А ее, оказывается, ждали другие читатели. Вот почему сотрудники магазина были весьма обрадованы, когда из заметки «Персоли» в № 11 за 1978 год узнали, что тов. Жвакина жаждет вернуть ненужную ей книгу и получить свой заказ. Сейчас такой книгообмен произведен. Тов. Жвакиной принесены извинения. Об этом нас информировала заведующая отделом «Книга—почтой» магазина № 55 тов. Маркина.

***

В заметке «Из дневника одной заказчицы» (№ 10, 1978 г.) рассказывалось о том, каких трудов стоило жительнице г. Новокузнецка Кемеровской области А. А. Витухиной сшить зимние сапожки в объединении «Кузбассобувьбыт». По сообщению главного инженера управления бытового обслуживания населения Кемеровского облисполкома С. Лбова, факты, изложенные в письме заказчицы и в заметке журнала, подтвердились. Письмо рассмотрено на заседании технического совета объединения совместно с представителями «Универбыта». Обувь тов. Витухиной изготовлена. Перед ней извинились за причиненные неприятности.

Свердловский ДОМ МОДЫ

Дела домашние

С пылу, с жару

Румяные, пышные, с пылу, с жару блины — гордость русской национальной кухни. Впрочем, не обязательно пышные, не обязательно румяные. Блинов, блинчиков, оладий и оладышек великое множество: толстые и тонкие, почти прозрачные. Поджаристые и кружевные. Да еще с припеком. Да еще с начинкой...

Казалось бы, нехитрое дело: соорудить блины. Ан нет! Тут много маленьких секретов, без знания которых не только первый — каждый блин получится комом.

Начнем со сковороды. Хорошо, если у вас есть специально блинная, на которой ничего другого не жарите. Если нет, прежде чем печь блины, тщательно почистите сковороду и прожгите ее. Делается это так: на сковороду насыпают соль толщиной с полпальца и ставят на плиту. Когда соль раскалится, снимают сковороду с огня, сильно растирают большим комком бумаги соль, затем ссыпают

ее, а сковороду тщательно вытирают чистой тряпкой, снова ставят на огонь и, когда она раскалится, смазывают топленным или подсолнечным маслом. Удобнее не одна сковорода, а несколько: так дело пойдет быстрее. Пекут на раскаленных сковородах, обязательно переворачивая блин.

Тесто наливают на сковороду тонким слоем — толстый не пропечется как следует. Готовый блин снимите и снова смажьте сковороду маслом (используя помазок из чистой мягкой тряпочки) или куском свиного сала, свежего или соленого, проведя им раза два по раскаленной сковороде. Кусок возьмите побольше, если не истратите весь, остаток можно использовать для других целей.

Кастриюлю с тестом для блинов поставьте к плите с правой руки, на кастриюлю положите палочку или дощечку, а на нее ложку. Делается это для того, чтобы ложка не падала каждый раз в тесто.

Приготовление блинов начинается с опары. Влейте в кастриюлю два стакана теплой воды, разведите дрожжи, всыпьте половину муки и очень хорошо размешайте, чтобы опара была не жидкая и не крутая, а напоминала густую сметану. Затем накройте опару и примерно на час поставьте в теплое место. Когда подойдет, прибавьте соль, сахар, яичные желтки, сливочное или растительное масло (или сливочный маргарин), размешайте. Понемногу засыпайте остальную муку, непрерывно перемешивая. Разведите тесто теплым молоком, вливая постепенно по одному стакану и каждый раз вымешивая. Посуду с тестом накройте и поставьте в теплое место. Когда тесто поднимется, размешайте его, чтобы село, снова поставьте в теплое место, дайте подняться и еще раз опустите, добавив взбитые в пену яичные белки. Печь надо сразу же.

На 1 кг муки: 6—7 стаканов молока, 4 столовые ложки масла, 4 яйца, 4 ложки сахара, полторы ложки соли, 40 г дрожжей.

К блинам можно подавать разогретое сливочное масло, сметану, разную рыбу, варенье и мед.

Это обычные, традиционные блины. Но можно, потратив чуть больше времени, испечь и необычные, по старинным русским рецептам. Такие, например:

БЛИНЫ ПИКАНТНЫЕ

Сварить жидкую манную кашу на молоке. Пока не остынет, вымешать ее хорошенько ложкой. Отдельно размешать в кипяченой воде 2 стакана гречневой муки, стакан пшеничной. Когда остынет, положить дрожжи, подбить и дать подойти. Затем добавить в опару слегка подбитые желтки, молоко, соль, сваренную манную кашу и остальную муку. За час до выпечки обдать кипяченым молоком, а за 10 минут — положить взбитые белки, перемешать слегка, а потом печь.

На 6 стаканов гречневой и 4 стакана пшеничной муки (или 1,5 кг одной пшеничной): 6 яиц, 50 г дрожжей, 4—5 стаканов молока, еще полтора стакана молока и 100 г крупы для каши, 2 стакана воды на опару, соль. Гречневую муку можно получить, несколько раз пропустив крупу-ядрицу через кофемолку, а потом просеяв через сито.

БЛИНЫ СКОРЫЕ

Гречневую и пшеничную муку (или только пшеничную) развести молоком до густоты сметаны, прибавить яйца, соль, хорошо подбить, влить соду, распущенную в четверти стакана холодной воды, и лимонную кислоту, также распущенную в воде. Быстро размешать и печь.

На 400 г гречневой и 400 г пшеничной муки (или 800 г одной пшеничной): 1 литр (или больше) молока, 1 чайная ложка соды, 6 яиц, соль и лимонную кислоту по вкусу.

Для разнообразия блины пекутся с припеками.

Припек из яиц. Сваренные яйца мелко рубят, затем слегка обжаривают на сковороде. На сырой блин столовой ложкой посыпать немного обжаренных яиц и допекать блин.

Припек с луком. Лук мелко режут, обжаривают (но не пережаривают) в масле и кладут на сырой блин.

Припек с морковью. Очитив морковь, обмыть ее, посолить, сварить, затем мелко изрубить, обжарить в масле и класть понемногу на сырой блин.

Припек с грибами. Грибы замочить на 2—4 часа, отварить, затем обжарить с мукой и пропустить через мясорубку.

БЛИНЧИКИ

Растереть желтки с мукой, постепенно прибавить молоко, соль и растопленное масло. Когда все хорошо размешается, совсем не останется комков, печь на горячих, смазанных маслом сковородках, наливая очень мало теста, чтобы блинчики были

совсем тонкие. Когда блинчики подрумянятся, перевернуть. Подавать с вареньем или с сахаром.

На 800—900 г муки: 4—5 яиц, 400 г сливочного масла или маргарина, 3—4 стакана молока.

БЛИНЧИКИ С ВАРЕНЬЕМ

Блинчики, приготовленные по указанному выше рецепту, намазать с одной стороны каким-нибудь густым вареньем без косточек или повидлом, джемом, свернуть в трубку, обмазать яичным желтком, обсыпать мелкими сухариками и обжарить на сливочном масле. Подавать с сахарным песком.

БЛИНЧИКИ С КРЕМОМ

Приготовить крем: растереть с сахаром желтки, прибавить сметаны, взбивать, пока не загустеет. Затем смазать маслом кастрюлю или глубокую сковороду, присыпать сухарями и складывать в нее испеченные блинчики, прослаивая их кремом. На последний блинчик вместо крема положить небольшой кусок масла и запечь в духовке.

Для крема: полстакана сахарного песка, 6 желтков, стакан сметаны, 100 г сливочного масла.

БЛИНЧИКИ С ТВОРОГОМ

Напечь блинчиков, на каждый положить по чайной ложке творога, протертого через сито и смешанного с яйцами, сахаром и солью. Свернуть блинчики трубочкой или конвертом, обмазать желтком, обсыпать сухарями, обжарить в кипящем сливочном масле или маргарине с двух сторон. Затем сложить в глубокую сковороду с маслом, облить сметаной и поставить на 20 минут в духовку на небольшой огонь.

На 400—500 г творога: 2 яйца, сахар и соль по вкусу, 1 столовая ложка сухарей, 250 г сливочного масла или маргарина, 100—200 г сметаны, 1 желток.

БЛИНЧИКИ МАННЫЕ

Сварить манную кашу на молоке, добавить сливочное масло. Муку разболтать с молоком, добавить слегка остуженную манную кашу, посолить, влить 2 желтка, прибавить сахару и 4 взбитых в пену белка, слегка перемешать и печь, как обыкновенные блинчики. Подавать с сахаром и вареньем.

На $\frac{3}{4}$ стакана манной крупы: 3 стакана молока, 2 столовые ложки сливочного масла, 4 яйца, 3 столовые ложки сахара, 200 г муки.

Можно сделать и по-другому. Когда закипит молоко, всыпать манную крупу, положить столовую ложку сливочного масла, подсолить и, когда немного остынет, добавить растертые с сахаром желтки и, наконец, взбитые в пену белки. Подавать блинчики на блюде прямо с плиты.

На 300 г манной крупы: 3 стакана молока, 200 г сливочного масла, 4 яйца, 100 г сахарного песка, соль по вкусу.

ШАРЛОТКА ИЗ БЛИНЧИКОВ

Испечь блинчики. Намазать кастрюлю (или сковороду) маслом, присыпать сухарями. На дно кастрюли положить блинчик, смазав его маслом, потом ряд нарезанных и очищенных яблок, посыпать сахаром, опять положить блинчик, смазанный маслом, и так далее. Закрывать блинчиком, посыпанным сахаром, и запечь в духовке. Опрокинуть осторожно на круглое блюдо, полить сиропом и подавать на стол.

На 15 блинчиков: 5 антоновских яблок средней величины, 100—200 г маргарина или сливочного масла, сахар по вкусу, 1 стакан любого сиропа или консервированного компота из фруктов.

Отдел ведет международный арбитр,
заслуженный тренер РСФСР,
председатель женской комиссии
Шахматной Федерации СССР
В. Н. ТИХОМИРОВА

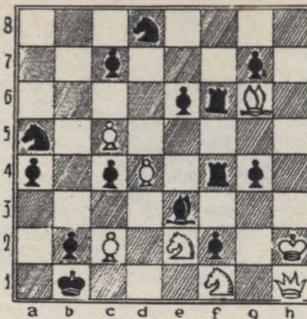
РОМАНТИКА В ШАХМАТАХ

Недавно советские шахматисты получили отличный подарок. Издательство «Физкультура и спорт» выпустило факсимильное издание книги первого русского шахматного мастера А. Д. Петрова (1794—1867 гг.) «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оные». Первое издание книги вышло в 1824 году, но многие важные положения стратегии и тактики шахмат не утратили своего значения и ныне. Любопытно, что А. С. Пушкин, любивший шахматы, имел в своей библиотеке экземпляр этой книги с дарственной надписью автора.

В книге приведена и оригинальная задача, символически названная А. Петровым «Бегство Наполеона из Москвы».

Познакомьтесь с этим знаменитым образцом шахматной композиции.

Белые: Крh7, Фh1, Сg6, Ke2, Kf1, пп: c2, c5, d4 (8).
Черные: Крb1, Lf4, Lf6, Ce3, Ka5, Kd8, пп: a4, b2, c4, c7, e6, f2, g4, g7 (14).

Обратите внимание, что материальный перевес черных (по замыслу мастера, французов) очевиден. Несколько их пешек упорно вьются в ферзи, как и многие солдаты, ставшие при Наполеоне маршалами и генералами.

Но русская кавалерия (кони e2 и f1) начинает гнать Наполеона (черного короля) сначала из Москвы, которая обозначена полем b1, а потом через всю доску (т. е. через Россию) прямо до Парижа (поле h8).

Очень важно отметить, что станет ясно из дальнейшего: реку Березину изображает диагональ h1—a8.

Итак, русская конница начала преследование Наполеона.

1. Kd2 ++ Кра2 (Москву Наполеон вынужден оставить).

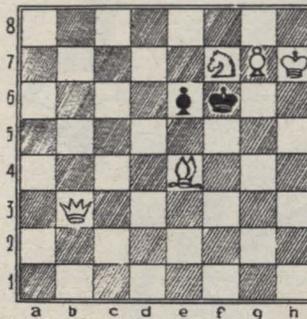
2. Kc3+ Кра3 3. Kdb1+ Kpb4 4. Ka2+ Kpb5 (французский император с трудом пробирается сквозь толпы своих же пешек—солдат).

5. Kbc3+ Кра6 6. Kb4+
Здесь читатель может задать резонный вопрос: «А

почему не просто 6. Фh1—a8х. Все верно, мат был, и этим шахматный мастер подчеркивает, что именно здесь на реке Березине (помните диагональ h1—a8) можно было окончательно пресечь дальнейшее отступление Наполеона, но важный момент был упущен 6...Кра7 7. Kb5+ Kpb8 8. Ka6+ Krc8 9. Ka7+ Kpd7 10. Kb8+ Кре7 11. Kc8+ Kpf8 12. Kd7+ Kpg8 13. Ke7+ Kph8. Доблестная конница догнала Наполеона до Парижа. И здесь главные силы добивают его 14. Kpg2х!

Любителям задач рекомендуем решить приращение немецкого мастера шахматной композиции Г. Готтшала (1862—1933 гг.).

Белые: Крh7, Фb3, Ce4, Kf7, п. g7
Черные: Крf6, п. e6

Белые начинают и дают мат в два хода.
Проверьте ваше решение! (№ 1, 1979 г.) 1. Ka8 Kpd6 2. Kpd4 Krc6 3. Фd5х.

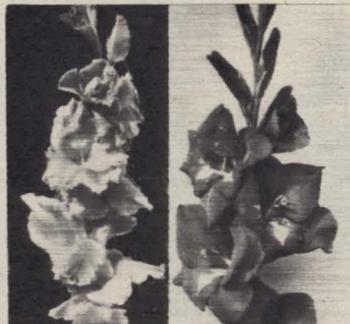
Советский
Знатоки

Гладиолусы

За окном снег, а любители-цветоводы в делах и заботах. В начале марта пора браться за работу тем, кто хочет украсить свой сад пышными и яркими гладиолусами.

Продолжительность их цветения, исключительное разнообразие красок и оттенков делают гладиолусы одной из любимых в стране цветочных культур. Рижский пригородный колхоз «Марупе» занимается разведением гладиолусов: в нашей коллекции около 400 ценнейших, всемирно известных сортов. И, конечно, накоплен большой опыт по выращиванию цветов, уходу за ними, которым мы охотно поделимся с начинающими цветоводами—читательницами «Работницы». Что касается посадочного материала, то мы высылаем клубнелуковицы и деток, главным образом по запросам организаций.

Итак, несколько советов, которые помогут вам вырастить крупные, красивые цветы.

Выбирайте для посадки только совершенно здоровые луковицы самых лучших сортов. Учтите, что красота гладиолусов зависит только от сорта, а не от величины луковицы.

Свои любимые, испытанные сорта регулярно восстанавливайте, чтобы не выродились, иными словами, выращивайте новые молодые луковицы из клубнелочек—деток. Это самый простой способ получения хорошего посадочного материала. Их можно (за месяц до посадки, но более) выращивать на окне в бумажных стаканчиках. При пересадке в грунт старайтесь не повредить корни.

Примерно месяц перед посадкой в грунт выдерживайте крупные клубнелуковицы в теплом месте (от +25° до +30°C).

Сажайте гладиолусы весной в открытом, солнечном месте, в глубоко взрыхленной почве, когда температура ее на глубине 10 см не ниже +9°C. Обычно это конец апреля—начало мая.

Вновь гладиолусы высаживайте на старом месте не раньше чем через пять лет. Если растения болели, лучше на это место не возвращаться вовсе.

Не сажайте клубнелуковицы слишком густо (не больше 50 штук на квадратный метр). Глубина посадки крупных луковиц—8—12 сантиметров.

Избегайте высокой грунтовой воды, тяжелых суглинистых почв, а также почв, в которых завелся проволочник.

Гладиолусы предпочитают почвы, богатые гумусом, кислотность которых около 6,5. Запомните, что све-

жие органические удобрения для гладиолусов вредны.

Не забывайте, что в течение всего вегетационного периода плантация гладиолусов должна быть свободна от сорняков, почва взрыхлена.

Весь сезон наблюдайте за здоровьем растений, выкапывайте заболелые. Начиная с июня опрыскивайте гладиолусы фунгицидами (например, фундазолом в 0,3% концентрации) каждые 10—14 дней.

Не применяйте в больших дозах азотные удобрения, особенно аммиачные. Во второй половине вегетационного периода азотные удобрения лучше не давать.

Поливайте гладиолусы редко, но обильно, особенно в период развития цветочного колоса.

Срезав цветы, оставляйте у растения не менее четырех листьев, это необходимо для созревания клубнелуковицы.

Ян ВАСАРИЕТИС,
цветовод колхоза «Марупе»,
Латвийская ССР

На первой странице обложки: В выходной день. Фотоэтиюд Б. Раскина.

В приложении к этому номеру: модели и выкройки модных юбок и вязание.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА

Редакционная коллегия:
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАКОВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, ГСП, Москва, А-15,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного—250-11-72; международной жизни—250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания—250-12-30; семьи и быта, науки и атеистической пропаганды—250-11-93; художественного оформления—258-14-13; писем—250-57-38; массовой работы—250-44-80; зав. редакцией—253-30-05.

Сдано в набор 22.12.78.
Подписано к печ. 16.01.79. А 01006.
Формат 60 × 90¹/₈. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 13000000 экз.
(1-й завод: 10740000 экз.).
Изд. № 302. Заказ № 3302.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-47,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. МИРОШНИЧЕНКО.
Технический редактор
Н. И. МАКАРОВА.

ПОЛЯНКА.
Ковер художницы
Е. Петровой.

Ковер вышивается крупным, плотным крестиком по канве или рогожке, шерсти, ютте, ряди-не. Нитки шерстяные или мулине, ярких, сочных тонов. Вышивать надо с центра, с красного цветка. Шерстяная бордовая бахрома длиной 8—9 см.

ТРИКОТАЖНЫЕ ШВЫ

Опытные вязальщицы, начиная новую работу, заранее определяют, как потом будут сшиты ее детали, и в зависимости от этого выполняют их края так, чтобы шов не испортил узора вязки. Детали сострачивают крупными стежками на швейной машине (если трикотажное полотно не слишком толстое) или сшивают вручную специальными трикотажными швами, пользуясь шпальной иглой с большим ушком.

Горизонтальный шов «петля в петлю» используют для соединения деталей чулочного вязания. Так можно сшивать не только новый трикотаж, но и реставрировать старый. Например, надо удалить выношенную на локтях часть рукава. Сначала намечают ее границы — верхний и нижний ряды. В верхнем разрезают кромочные с обеих сторон ряда и осторожно выплетают нить (рис. 1), то же делают и в нижнем ряду, потом ненужную часть удаляют. Открытые петли двух полотен сшивают справа налево по лицевой стороне нитью того же цвета и толщины, которой вязали (рис. 2). Закрепляют нить на верхнем полотне справа и тут же в 1-ю петлю вводят иглу (с изнаночной стороны), затем иглу вводят в 1-ю петлю нижнего полотна уже с лицевой стороны. Операцию продолжают: игла идет с изнаночной стороны во 2-ю нижнюю петлю, снова в 1-ю верхнюю петлю, но уже с лицевой стороны и, пропустив иглу во 2-ю верхнюю петлю с изнаночной, опять во 2-ю нижнюю, но с лицевой стороны, и далее в 3-ю нижнюю, но уже с изнаночной стороны и т. д.

Следите за тем, чтобы полотно не стягивалось. Петли шва должны точно повторять размер петель полотна, только в этом случае шов будет незаметным.

Как сшить резинку 1×1. Цельновязаные воротники, планки-застежки, как правило, состоят из двух одинаковых половинок, которые в конце работы приходится сшивать. Если они связаны в резинку 1×1, то соединяют их следующим образом: закончив обе части воротника вспомогательной нитью (два-три ряда лицевых петель) и отутюжив край, вспомогательную нить отплетают. Затем, начиная от внешнего края воротника, по его лицевой стороне соединяют швом «петля в петлю» лицевые петли резинки, пропуская изнаночные (рис. 3). Перевернув вязанье наизнанку, сшивают остальные петли тем же швом (на изнанке эти петли смотрятся лицевыми).

Резинку 2×2, а также любую составленную из лицевых и изнаночных петель (кроме резинки 1×1) соединяют швом «петля в петлю» следующим образом: начинают сшивать крайнюю первую группу лицевых петель резинки, затем, дойдя до изнаночных, поворачивают работу противоположной стороной к себе и опять сшивают только лицевые петли резинки. Так поворачивают вязанье то одной, то другой стороной, каждый раз соединяя только лицевые петли.

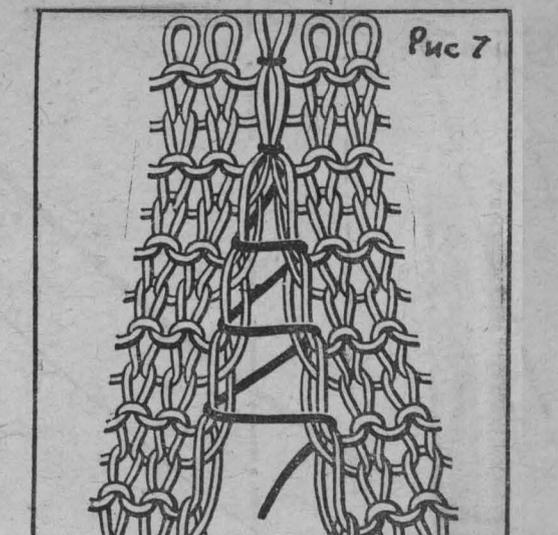
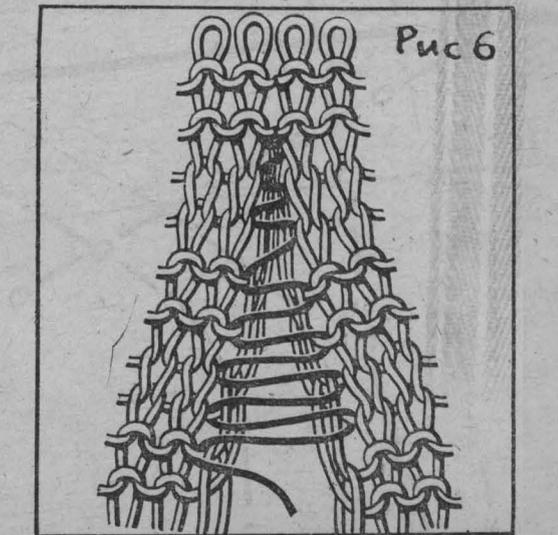
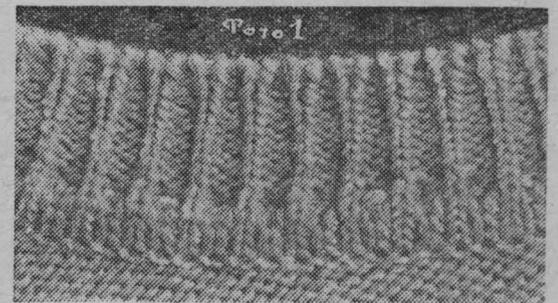
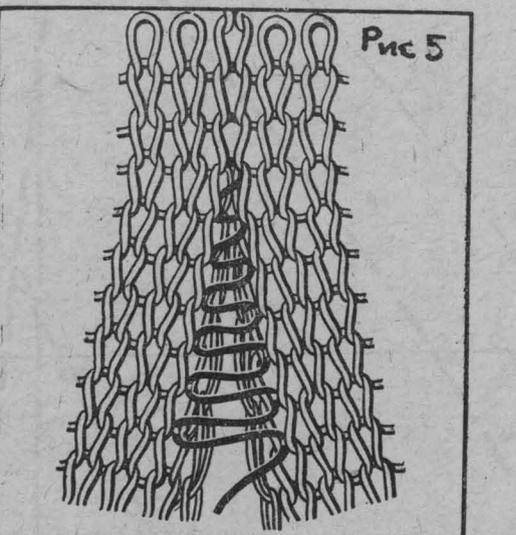
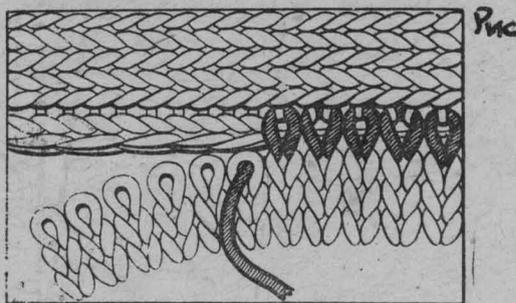
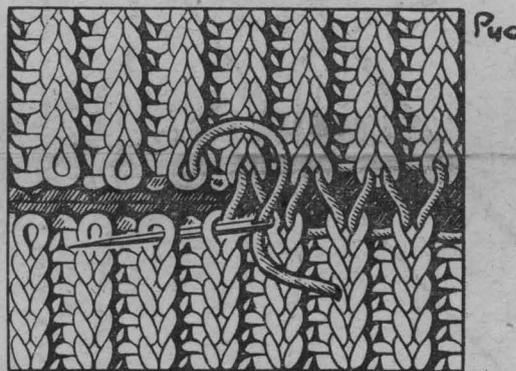
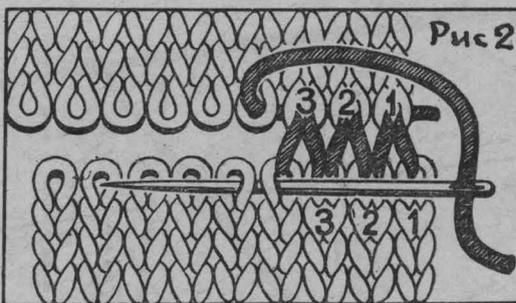
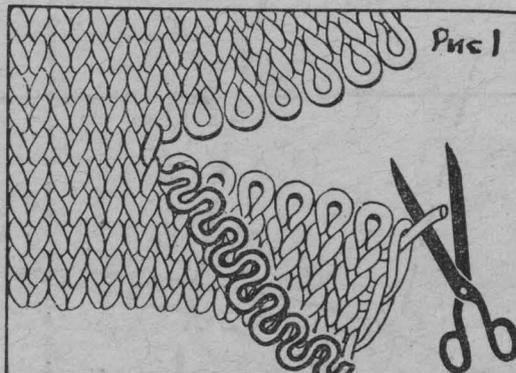
Если сшивают резинку, связанную навстречу друг другу (например, половинки цельновязаного воротника), то петельные столбики смещаются на половину петли. Если же она связана в одном направлении, то сдвига не происходит.

Швом «петля в петлю» соединяют детали, выполненные в одном направлении и в разных: горизонтальном и вертикальном (рис. 4). Например, так можно присоединить поперечный воротник-хомут к горловине или пришить планку к горловине спинки. Так как в этом случае открыты только петли нижнего полотна, а у верхнего закрыты и лежат горизонтально, то иглу в верхнее полотно вводят, захватывая дугу петель, расположенных рядом с кромочными. В остальном все делается так же, как в шве «петля в петлю».

Вертикальный шов используют при соединении трикотажных полотен по вертикали, когда их необходимо сшить по лицевой стороне (детали связаны в одном направлении). Если вязка чулочная или в резинку, то детали соединяют, вводя иглу под дугу лицевой петли, расположенной рядом с кромочной, подхватывая поочередно каждую петлю то одного, то другого полотна (рис. 5).

Сшивая детали, выполненные рельефной вязкой, иглу вводят под протяжку между кромочной и соседней петлей, поочередно захватывая их то на одной, то на другой детали (рис. 6).

Платочное вязанье сшивают несколько иначе (рис. 7): с лицевой стороны полотна захватывают иглой кромочную за обе стенки и одновременно вводят иглу в кромочную соседнего полотна с таким расчетом, чтобы стежок имел горизонталь-

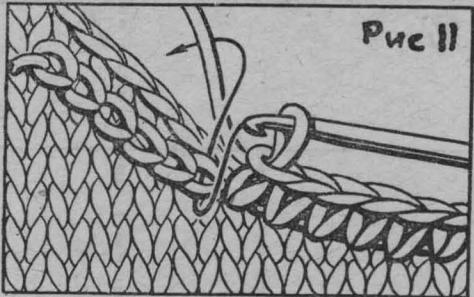
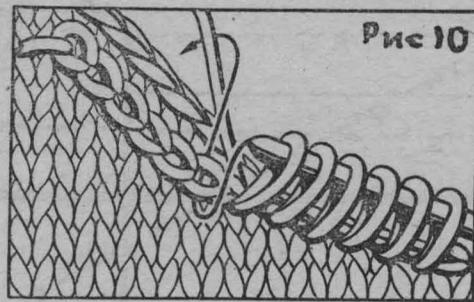
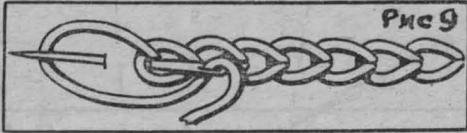
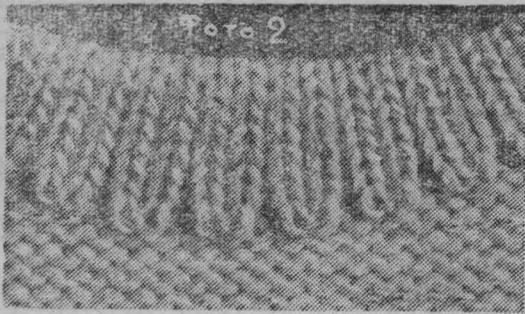

всего с его помощью присоединяют к модели мелкие детали: бейки, карманы и т. д. (фото 1). Кроме того, кеттельным швом обрабатывают горизонтальные разрезы на полотне, а иногда закрепляют петли последнего ряда, если нужно получить очень эластичный край. Техника исполнения кетлевки напоминает применяемые в шитье швы «за иголку» или «строчку».

Край детали, который нужно прикеттлеть, заканчивают (или начинают) тремя-четырьмя рядами лицевых петель из бумажной нитки. Затем его утюжат, отплетают вспомогательную нить, деталь приметывают к лицевой стороне модели и только после этого отплетают один ряд шерстяной нитки, чтобы открытые петли были ровными. Непременное условие: открытые петли тщательно отутюжить, тогда можно работать, не опасаясь, что они «убегут». Выполняют шов так (рис. 8): с изнанки вводят иглу во 2-ю петлю, затем сверху в 1-ю, вытягивают иглу снизу вверх через 3-ю петлю, вводят еще раз во 2-ю, но уже сверху,

ное направление. На лицевой стороне работы шов будет напоминать «елочку». Точно так же рекомендуется соединять изнаночную гладь чулочного вязанья, если она выполнена толстыми спицами.

Кеттельный шов применяют для закрепления открытых петель трикотажного полотна. Чаще

Фигурная кеттлевка показана на фото 2. В этом случае к полотну пришивают спаренные открытые петли.

Тамбурный шов. Тамбурная петля похожа на лицевую, а ряд — на цепочку из воздушных петель, связанную крючком и закрепленную на полотне. Шьется он в направлении справа налево (рис. 9); закрепив нить на изнанке полотна, вытягивают иглу на лицевую сторону, вводят ее в отверстие, откуда нить выходит, делают стежок и подводят нить под иглу, образуя петлю. Иглу вытягивают и, придерживая петлю пальцами левой руки, затягивают рабочую нитку. Для следующего стежка иглу вводят внутрь предыдущего и делают его точно таким же по размеру.

Тамбурным швом можно пользоваться и при обработке горловины, пройм и низа вязаной или сшитой из ткани модели.

Иногда по краю полотна необходимо набрать ровный ряд петель, и тут поможет тамбурный шов. Вязанье или ткань прошивают тамбуром по заранее намеченной линии. Затем спицей (рис. 10) или крючком (рис. 11) вывязывают новые петли из тамбурных, поддевая их за обе стенки или только за передние. Далее вяжут нужный по фазону узор.

М. МАКСИМОВА

МОДНЫЕ ЮБКИ

1,2. Юбка из двух прямых полотен, с мягкими складками от талии. Застежка-«молния» в левом боковом шве, в правом шве расположен карман. Притачной пояс, как и низ юбки, можно отстрочить.

Для длинной юбки лучше взять купонную ткань или ткань с каймой. Обе юбки можно сшить по выкройке, которая дана на обороте приложения в натуральную величину без припусков на швы для 46-го и 42-го размеров 3-го роста. Расход ткани на короткую юбку: 2 м 60 см при ширине 90 см или 1 м 65 см при ширине 140 см. Расход ткани на длинную юбку зависит от ее длины, при любой ширине ткани надо взять два полотна.

3. Юбка из плотной шерсти или кримплена на притачном поясе шьется, как правило, на подкладке. Спереди и сзади встречная складка, сзади, в складке, расположена застежка-«молния». Удобные подкройные карманы. Выкройка в натуральную величину без припусков на швы дана на обороте приложения для 54-го и 50-го размеров 3-го роста. Расход ткани 1 м 60 см при ширине 150 см. По этой же выкройке можно сшить подкладку для юбки.

4. Длинную юбку можно сшить по выкройке, данной для предыдущей модели. Не забудьте внести в нее некоторые изменения: юбка эта без складок и карманов (вместо них подкройные бочка). Сбоку высокий разрез для шага. Застежка-«молния» в боковом шве. Расход ткани при любой ее ширине — две длины.

5. Широкая юбка из мягкой ткани, по талии мелкие сборки, спереди и сзади по одной глубокой мягкой складке.

6. Из плотной ткани юбка с запахом спереди и сзади. Подрезные вытачные карманы. Кожаный пояс с большой пряжкой.

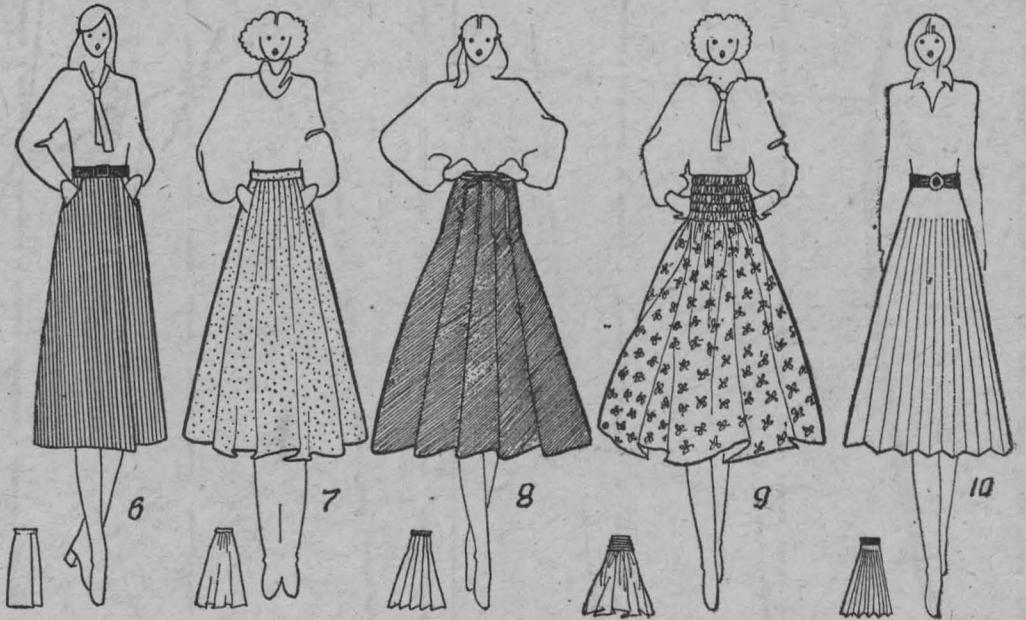
7. Из легкой полушерстяной, шелковой или хлопчатобумажной ткани широкая юбка с мелкими мягкими складками спереди, расположенными поверх широкой бантовой складки. В складке же расположены карманы. Сзади бантовой складки нет — только мелкие.

8. Юбка из легкой, но упругой ткани скроена по косой. Складки застрочены до бедер, а потом падают вниз незаглаженными.

9. И в этой модели ткань расположена по косой (лучше взять легкую и мягкую). От талии до бедер ткань собрана на резинки в пять-шесть рядов.

10. Из тонкой, но плотной ткани юбка, плотно облегая фигуру от талии до бедер, ниже юбка расширяется, защипы застрачиваются попеременно то налицо, то наизнанку.

Художник И. КРУТИКОВА
Конструктор Т. ЛЕСНОВА

Условные обозначения:

ЮБКА, размер 46, (42) рост III.

1. Полотно юбки — 2 дет.

ЮБКА, размер 54, (50) рост III.

2. Переднее полотно юбки — 2 дет.

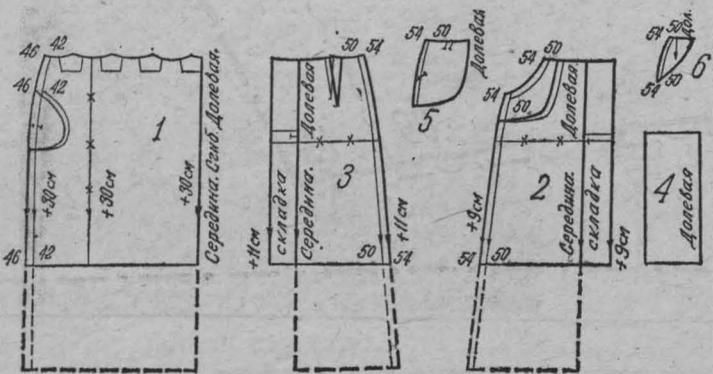
3. Заднее полотно юбки — 2 дет.

4. Деталь под складку — 2 дет.

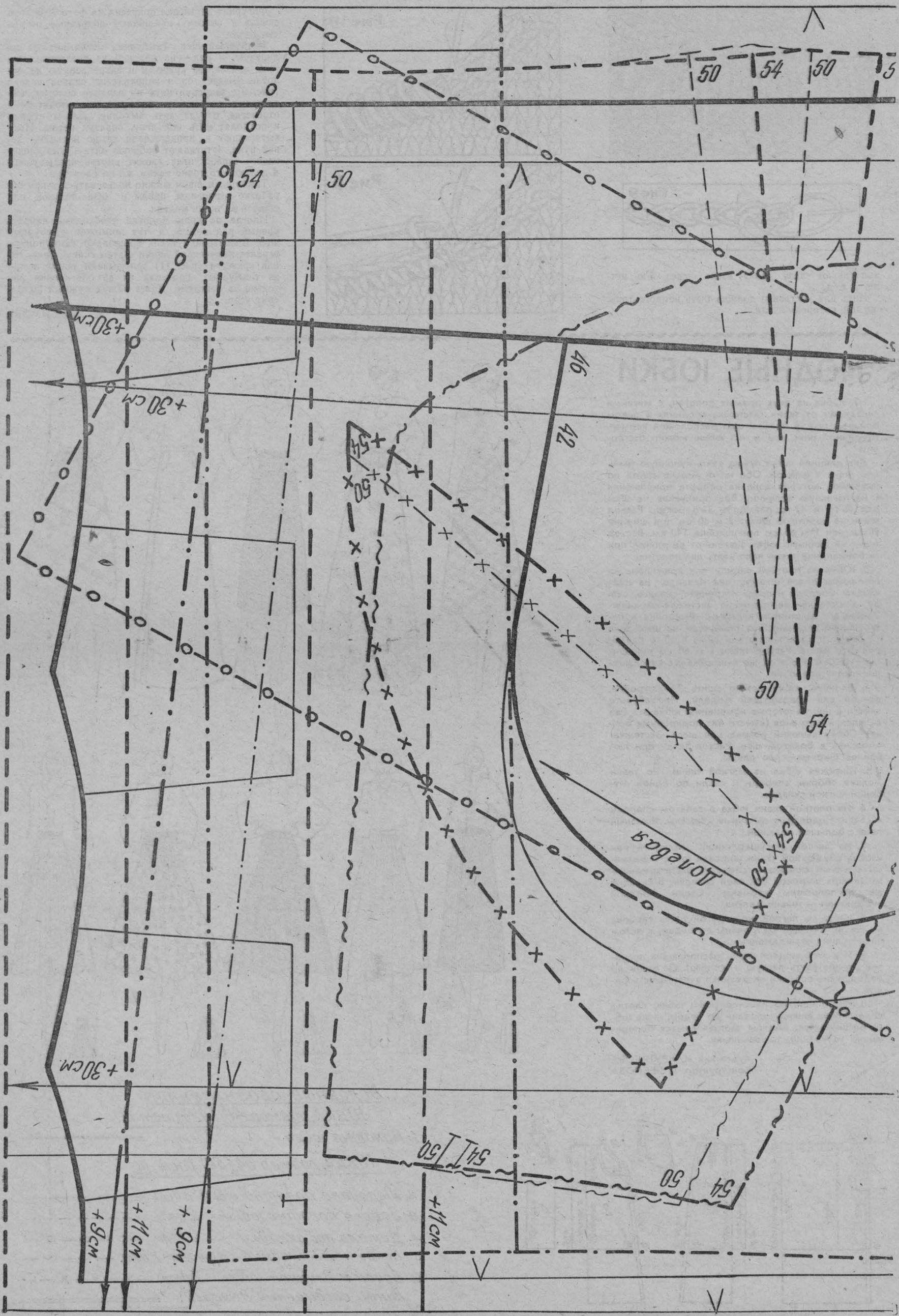
5. Бочок и мешковина кармана — 2 дет.

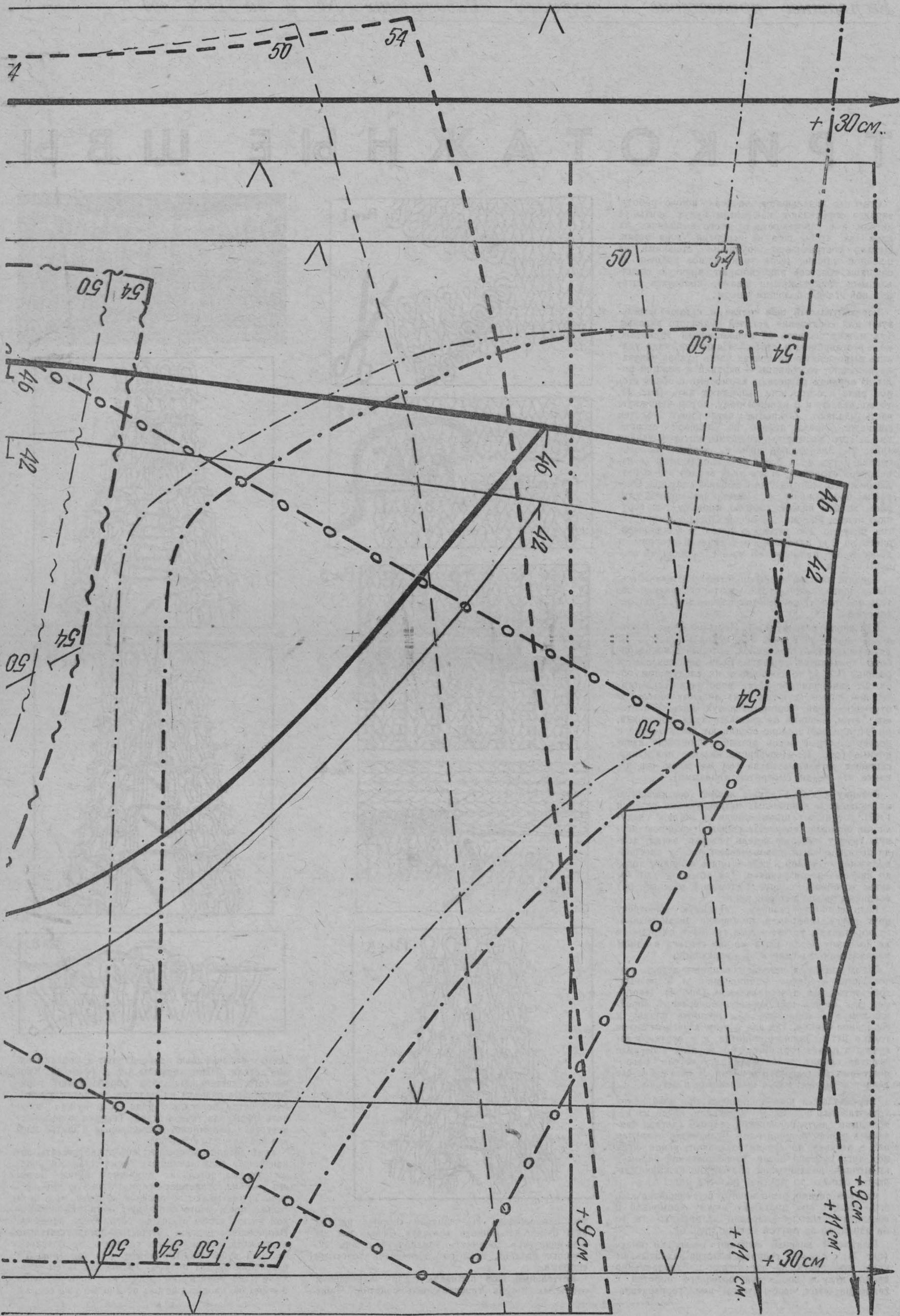
6. Бочок к длинной юбке — 2 дет.

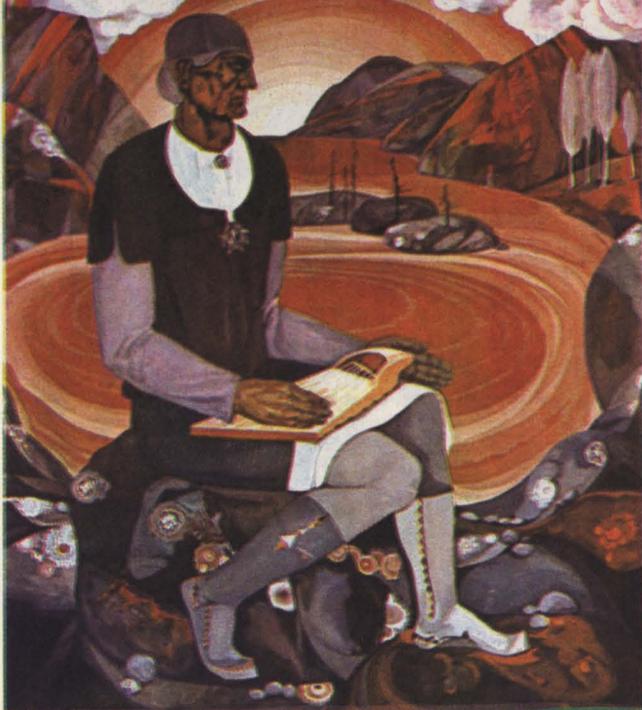
Линии соединения деталей:

—x—x—x—x—

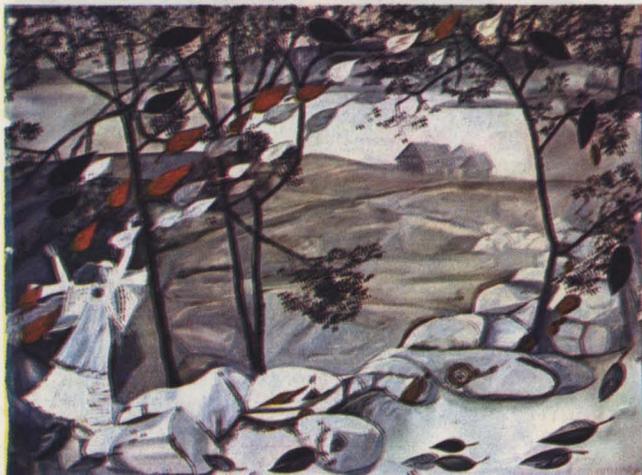

Автограф
для
«РАБОТНИЦЫ»

Т. Юфа

ПО ЗАКОНАМ СКАЗКИ

Рисунки громоздились на столе, подоконнике, сползали на пол... И Тамара решила: хватит. Завтра же едет в Петрозаводск, а там — будь что будет. Уже третий год Тамара Юфа, выпускница Ленинградского художественного училища, жила в Ладве, старинном карельском селе, преподавала рисование в школе. «Воспоминание о Ладве» называется одна из самых лирических работ художницы, написанная десять лет спустя: прозрачное северное небо, покосившиеся деревянные избышки, трогательно-хрупкие елочки, яркие, переливающиеся самоцветами валуны и речные камни...

Но это потом, через много лет, а пока никому не известная деревенская учительница робко кладет на стол художественного редактора издательства «Карелия» Р. С. Киселевой тяжелую папку с композициями на темы «Калевалы».

В тех первых рисунках не видно и следа ученичества. Уже тогда четко определился своеобразный стиль художницы, лирическое, женственно-мягкое восприятие мира, преобразенного по законам сказки. Юфа услышала в грандиозной полифонии карело-финского национального эпоса негромкую, нежную мелодию, повествующую о любви и верности, о горьких женских судьбах.

Еще в студенческие годы Тамаре подарили увесистый томик «Калевалы». Погружаясь в необычный, полный первобытной прелести мир ее могучих образов, Юфа впервые в мечтах связала свою будущую судьбу с Карелией. В Ладве она воочию увидела воспетые в звучных рунках леса, озера, травы, а главное — живых героев «Калевалы», своих будущих героев: девушек с прозрачными глазами; стариков с лицами, словно вырубленными из камня; светловолосых богатырей с детскими улыбками... Удивительно, как могла девушка, родившаяся в глубинном российском городке Задонске, так тонко и верно почувствовать Север, колдовское очарование его природы, суровые и ясные характеры людей. Почувствовать — и выразить по-своему смело, поэтично, ни на кого не похоже.

С тех пор прошло много лет. Тамара

Григорьевна — известная художница, оформившая немало книг. Но «главной» ее книгой остается, конечно, «Калевала». «Это — навсегда», — говорит сама Юфа. Трудно подсчитать, сколько раз возникали под ее рукой герои северного эпоса. Они живут на больших картонах и крошечных миниатюрах. На открытках и книжных страницах. Тамара дважды делала иллюстрации к изданиям «Калевалы» — последнее, выдержанное в изысканно-голубой гамме, получило диплом I степени на книжном конкурсе РСФСР.

Юфа работает в станковой и книжной графике. Пишет на больших листах картона или бумаги гуашью, акварелью, тушью. Ее рисунки (или правильнее сказать — картины? композиции?) выдержаны обычно в благородно-сдержанной гамме, с одним-двумя ударными контрастными пятнами. Яркие, многоцветные, как воспроизведенная здесь «Ярославна», — редкость, художницу больше увлекает изысканная игра близких, переливающихся тонов и оттенков. Поверхность листа щедро покрыта тончайшим орнаментом, сложным и причудливым переплетением декоративных линий, вязью хрупких, прозрачных узоров. Кружево орнамента покрывает землю, воду, камни, одежду героев, их дома, оружие, утварь. Но отточенная графическая конструкция властно вбирает в себя это изобилие, подчиняя его общему замыслу, общей эмоциональной выразительности.

Есть художники, творчество которых как бы настезано открыто всем ветрам современности. Но бывает, что художник предпочитает оставаться в созданном им «закрытом» мире, населяя его любимыми, постоянно повторяющимися героями. Знакомые и все-таки всегда другие, неуловимо меняющиеся, они, как вариации одной музыкальной темы, позволяют передать бесконечное многообразие чувств и мыслей. Так работает Тамара Юфа. Сказочный мир «Калевалы» стал ее миром. Через него выражает она себя, свою гражданскую и нравственную позицию. Через него видит и передает современность.

Т. КОСТЫГОВА

Кантелист.
Гибель Аино.
Ярославна.

Индекс 70770

Цена 15 коп.